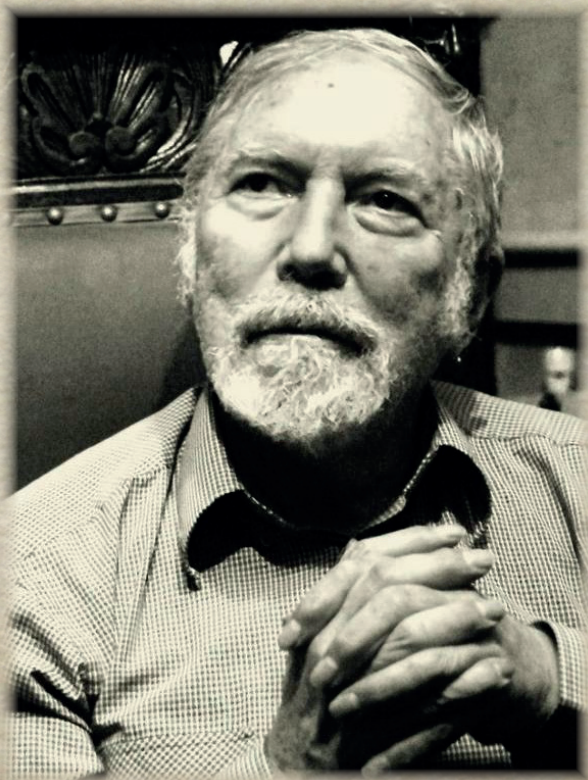

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**Международной Научно-практической
конференции**

«II Гнездиловские чтения»

Москва 2026

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**Международной Научно-практической конференции
«II Гнездиловские чтения»**

**Продолжая дело А.В. Гнездилова, основоположника
паллиативной помощи и психотерапии в онкологии
в Советском Союзе и на постсоветском пространстве**

1 марта 2026 года

**Издательство «Перо»
Москва 2026**

УДК 615.851
ББК 88.48:53.57
С23

Автор-составитель Ковалёва И.С.

С23 Сборник материалов Международной Научно-практической конференции «II Гнездиловские чтения» Продолжая дело А.В. Гнездилова, основоположника паллиативной помощи и психотерапии в онкологии в Советском Союзе и на постсоветском пространстве. – М.: Издательство «Перо», 2026. – 180 с. – 11,5 Мб. [Электронное издание].

ISBN 978-5-00298-285-3

ISBN 978-5-00298-285-3

© Коллектив авторов, 2026
© Ковалёва И.С., 2026

БЛАГОДАРНОСТИ

От имени оргкомитета выражаем сердечную благодарность и глубокую признательность:

- Макарову Виктору Викторовичу, Есельсону Семену Борисовичу, Ковалевой Инне Сергеевне, Даниловой Анне Владимировне — за инициативность и активную работу по подготовке и проведению Научно-практической конференции «II Гнездиловские чтения»;
- спикерам конференции — за сопричастность и искреннее участие в памятовании Андрея Владимировича Гнездилова и его вклада в развитие отечественной и мировой паллиативной медицины, онкопсихологии и психотерапии;
- Братусю Борису Сергеевичу, Бурно Марку Евгеньевичу, Гнездиловой Анастасии Андреевне, Назарко Константину Сергеевичу, Лукьянову Владимиру Альфредовичу, Евдокимовой Анне Николаевне, Кабаковой Елене Анатольевне, Поперечной Галине Владимировне, Введенской Елене Станиславовне, Комаровой Людмиле Викторовне, Бахтиярову Рашиду Шаазамовичу, Ленской Марии Михайловне, Шакуровой Айсылу Нургалиевне, Винокуровой Валентине Геннадиевне, Сулейманову Клименту Маратовичу, Дмитренко Андрею Викторовичу, Тереховой Елене Леонидовне — за профессиональную помощь, душевное участие и дружескую поддержку в организации и проведении конференции;
- Университету Эссекса (University of Essex, Colchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland) и лично Бенну Холлу — за сопричастность и предоставление исторических документов;
- Гончаровой Анне Александровне, Ковалеву Сергею Сергеевичу, Гервиц Елене Дмитриевне — за техническое сопровождение конференции, дизайнерское оформление материалов;

- Бородулину Владиславу Владиславовичу, Лобковой Ксении Александровне, Бусиек Елене Федоровне — за профессиональный перевод материалов, помощь в преодолении языковых барьеров;
- Сафуановой Ольге Владимировне, Ангелеску Виктории Максимовне, Рубинской Наталье Олеговне, издательству «Перо» — за работу по подготовке к публикации сборника материалов;
- профессиональному интернет-изданию «Психологическая газета» и лично Трифионовой Виктории Александровне, ОППЛ (Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига), Первому университету профессора В.В. Макарова, МИЭК (Международный Институт Экзистенциального Консультирования), (АНО) Научно-практическому институту психологи личности, НОЭКТ (Национальное объединение экзистенциальных консультантов и терапевтов) и лично Лебедевой Елене Александровне, Информационному объединению «Эра», Ассоциации Профессиональных участников хосписной помощи, просветительскому проекту о паллиативной помощи благотворительного фонда помощи хосписам «Вера» «Про Паллиатив» и лично Резван Евгении — за освещение работы конференции в средствах массовой информации;
- всем участникам конференции — за душевную атмосферу и чуткое восприятие;
- Андрею Владимировичу Гнездилову — за пространство любви и за то, что продолжает объединять всех нас даже после своего ухода из жизни.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Любовь Юрьевна Кривич

Памяти Доктора Балуг

В преддверии таинственного шага —
От истины земной до Света Звезд —
Вся рунами исписана бумага,
И боль земная встала в полный рост.
Волшебники уходят незаметно,
Друзьям на память звезды раздают,
И сказки нескончаемого лета
В саду тенистом радостно цветут.
Они живут отныне жизнью новой;
Их кто-то рвет, чтоб в дом свой унести.
Но вечны и незыблемы основы
Ведущего по Древнему Пути.
Встречающий у Вечности Чертога
Благословляет всех, идущих вслед.
К далеким звездам тянется дорога,
И на Пути Добра препятствий нет.

22.04.2025

* * *

Почему-то друзья Переходят в апреле,
Под волшебные, чистые звуки капли,
Не дождавшись цветения яблонь и вишен,
Если Зов Издалека становится слышен.
Почему-то любимые в мае Уходят,
Средь цветенья садов и весенних мелодий,

Чьей-то радости встреч и предчувствия лета,
Зеленеющих листьев и ярких рассветов.
Но когда бы и кто б ни ушел потихоньку,
Наше сердце любовь посылает вдогонку,
Снова ищет ушедших и долго тоскует,
И поверить в Уход их оно не рискует.
Потому, что мы встретимся снова и снова —
И забудем прощания горькое слово.
И капель запоем, и сады засияют.
И от радости встречи — сомненья растают.

22.04.2025

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Ковалева Инна Сергеевна

*Организатор научно-практической конференции
«II Гнездиловские чтения»*

Уважаемые коллеги! Добрый день!

В 2025 году, на Первой международной конференции, посвященной 85-летию Андрея Владимировича Гнездилова, мы запланировали встретиться вновь.

Благодаря нашим уважаемым спикерам, слушателям, партнерам мероприятия сегодня это стало возможным. Именно в тот день, когда друзья и коллеги поздравляли Андрея Гнездилова с днем рождения.

Позвольте от имени организационного комитета приветствовать всех участников Научно-практической конференции «II Гнездиловские чтения»!

Опыт и научные труды, авторские направления психотерапии, арт-терапевтические методики Андрея Владимировича Гнездилова — Доктора Баллу, как называли его маленькие пациенты онкологической больницы, имеют огромное значение для всего профессионального сообщества, представляют особую ценность в современных реалиях. Они важны для понимания темы смерти, ценности времени жизни человека, ее качества, сути помощи пациенту и самим специалистам, влияния исцеляющей терапевтической среды.

Мы чтим наследие доктора и ставим перед собой несколько задач.

Первая задача.

Безусловно, не дать забыть имя Андрея Гнездилова, основоположника паллиативной помощи и психотерапии в онкологии в Советском Союзе и на постсоветском пространстве, ученого, врача, психотерапевта, писателя, общественного

деятеля, творческой личности, сохраняя и распространяя его огромный опыт, продолжая его дело.

Зачастую мы не замечаем, какое значения имеет для нас человек, и лишь после его смерти, с годами, начинаем осознавать трагедию потери, и тогда в полной мере открывается истинное величие его личности и трудов. Вместе с коллегами А.В. Гнездилов создавал хоспис, онкопсихологию, множество авторских методов сопровождения болеющих людей. Теперь наша задача сохранить историю их рождения, историю их создателей и помочь профессиональному сообществу не отрываться от своих корней, своих истоков.

Сталкиваясь с тем, что многие ныне практикующие коллеги не знают истории создания паллиативной помощи в стране, не слышали имен ее родоначальников, испытываешь горечь. Эта ситуация может говорить не только о пробеле в сфере их личного образования и развития, но и о состоянии профессиональной подготовки специалистов в целом. Вспоминаются слова Председателя Правления Европейской Федерации экзистенциальной терапии, Христиана Шульца, который был поражен знакомством с Гнездиловым и Лахтинским хосписом. Он сказал: «Такие принципы основ хосписа, да и сам хоспис — единственные в мире». Часто только оценка со стороны обращает наше внимание на то, что мы создали, на то, что имеем. Нашим опытом восхищаются иностранные специалисты. Но почему о нем не знают наши коллеги?

Однажды я спросила Андрея Владимировича, как справиться с неверием в помощь неизлечимо больному. Он ответил: «Самому специалисту важно дорасти до врача. Мы должны пробовать помочь. Искать. Совершенствовать свою личность, чтобы она доросла до уровня врача, врача в понимании Парацельса: придет время, когда врач станет лекарством для больного».

Сфера деятельности профессора Гнездилова охватывала весь период жизни человека от детского до старческого возраста. Десятилетия в профессии, тысячи встреч с болью паци-

ента, с болью членов его семьи, с персоналом, оказывающим помощь, позволили ему создать новые направления в работе.

Метод психотерапии — это прежде всего сам врач, его личность. Поэтому нам важно приглашать к участию в конференции специалистов-практиков, способных и желающих передавать свой опыт, опыт учреждений, в которых они вдохновенно работают.

Вторая задача.

Встреча с Гнездиловым оставила след в душе каждого, кому повезло знать его. В хосписе ли, в Замке ли Сказочника, нам хотелось перенимать его опыт, практики, которые не только помогают исцелять, снимая болевой синдром, облегчая физическое, психоэмоциональное, душевное состояние, но и учат видеть, чувствовать пациента и помнить о том, что зачастую душа болит сильнее тела. Помнить о том, что человек — единое, неделимое существо.

Хотелось бы, чтобы в пространстве конференции мы делились тем, как практики Гнездилова продолжают жить, врачевать, наполнять дни болеющего, страждущего, умирающего человека и его близких любовью и благодарностью.

Третья задача.

Мы надеемся, что конференция станет профессиональной, просветительской, обучающей площадкой для обмена опытом, обсуждения актуальных вопросов паллиативной медицины, онкопсихологии, гериатрии, арт-терапии, экзистенциальной терапии, для популяризации табуированных экзистенциальных тем: старости, болезней, боли, смерти, потерь, выживания в невыносимости. А также местом, где молодые специалисты смогут не только учиться, но и делиться своими исследованиями, открытиями, планами и мечтами.

Четвертая задача.

Для нас важна история создания паллиативной помощи в России, нам дороги имена тех, кто служил и служит ей многие годы. Мы хотим успеть поблагодарить их, пообщать-

ся, перенять опыт. Каждая Конференция, встреча, сборники, которые мы издаем, являются экспонатами будущего виртуального музея не только самого Андрея Гнездилова, но вместе с ним и онкопсихологии, и паллиативной помощи.

Жизнь мгновенна. Важно успеть сделать то, что говорит нам наше сердце в благодарность к тем, кто открыл его на встречу выбору служить людям, которых невозможно спасти, но кому можно помочь.

Пятая задача.

Сегодня понятие паллиативной помощи знакомо многим благодаря широкому спектру деятельности некоммерческих организаций. Но когда в семье случается встреча с тяжелым, неизлечимым заболеванием, слово «хоспис» непроизвольно вызывает страх. На слом стереотипов нужно время. Желание спасти жизнь дорогого человека толкает на поиски любой помощи, однако не всегда она оказывается профессиональной и доступной.

Доктор Гнездилов и его коллеги еще в 90-е годы прошлого столетия были непреклонны в том, что российское хосписное движение должно сохранять принцип бесплатного лечения. Они настаивали на праве каждого человека умереть достойно, и именно этому посвятили свою профессиональную жизнь. Умереть достойно, без боли, рядом с близкими, на любящих руках. О праве на это каждого человека мы будем неустанно говорить на наших встречах.

Надеемся, вместе мы выполним эти задачи.

Наша повседневность состоит из сплошных вызовов. Болезнь, умирание, прощание являются эпицентром экзистенции, становятся самыми мучительными испытаниями для каждого, кто оказывается в поле их влияния, рождают сложные чувства и вопросы у болеющего человека, его близких и специалистов, оказавшихся рядом.

Для сопровождения тяжело болеющих и умирающих людей и их близких нужны духовные силы. Чтобы каждый день

находиться в пространстве горести потерь, поддерживать в безысходности, разделять боль, встречаться с чувством вины и страха, самому специалисту важно быть живым и наполненным.

Наши встречи проводятся в целях привлечения внимания к данным темам не только профессионального медицинского и психотерапевтического сообщества, но и государственных структур, сферы социальной политики, духовенства различных конфессий, средств массовой информации, образовательных учреждений, организаций систем долговременного ухода.

Уважаемые коллеги!

В 2025 году мы праздновали не только 85-летие Доктора Балу, но и 35-летие первого хосписа в Лахте. От всего сердца поздравляем коллег! Сегодня мы встретимся с ними.

На конференции в 2025 году прозвучала инициатива, получившая всеобщую поддержку, — ходатайствовать о присвоении первому хоспису в Лахте имени его основателя Андрея Гнездилова. Наш большой друг, юрист подготовил алгоритм решения этого вопроса, и мы выразили намерение оказать поддержку руководству хосписа в Лахте.

Был издан сборник материалов первой конференции с докладами и статьями спикеров, посвященными встречам с А.В. Гнездиловым.

Это маленькие итоги прошедшего года.

Хотим выразить благодарность спикерам сегодняшней конференции и, всем, кто внес свой вклад в подготовку и проведение «Гнездиловских чтений»!

Наши друзья и партнеры: Общероссийская Профессиональная Психотерапевтическая Лига (ОППЛ), Ассоциация хосписной помощи, СПб ГКУЗ «Хоспис № 1» в Лахте, (АНО) Научно-практический институт психологи личности, Международный Институт Экзистенциального Консультирования (МИЭК), Национальная ассоциация онкопсихологов, Национальное объединение экзистенциальных консультантов

и терапевтов (НОЭКТ), Профессиональное интернет-издание «Психологическая газета».

Особенно хочется поблагодарить Семена Борисовича Есельсона за его усилия в ознакомлении профессионального сообщества с личностью и трудами А.В. Гнездилова, особенно на международном уровне. Поблагодарить

Виктора Викторовича Макарова. Он был первым человеком, к которому еще в 2024 году мы обратились с просьбой поддержать нашу инициативу, дать возможность воспользоваться площадкой мероприятий ОППЛ для трансляции конференции. В наше время, как, впрочем, и всегда, в одиночку выживать сложно. Только вместе мы можем создавать что-то ценное. Спасибо!

От имени организационного комитета прошу прощения у тех, чьи выступления перенесены на будущее. Это говорит о наших планах регулярно проводить конференцию.

Отдельные слова благодарности коллегам из университета Эссекса за молниеносный отклик на наш запрос, за дружескую поддержку, за предоставленные уже ставшие историческими материалы.

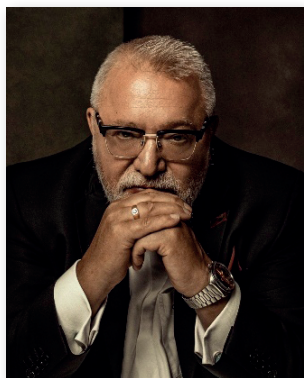
Колчестер был одной из первых общин в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, основавших хоспис. Очень символично, что Колчестерский университет оказал помощь при создании первого хосписа в Лахте в СССР и до сих пор чтит память о нашем соотечественнике и его коллегах, о рождении паллиативной помощи в нашей стране.

Мы говорим спасибо всем присоединившимся к нам. Конференция транслируется в прямом эфире на Rutube и большое количество людей незримо присутствует с нами.

Особенно хочется отметить тот факт, что наша встреча имеет международный формат.

Позвольте научно-практическую конференцию «II Гнездиловские чтения» считать открытой.

**ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА
УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ**

Макаров Виктор Викторович
Президент Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, доктор медицинских наук, профессор, вице-президент Всемирного совета психотерапии, заведующий кафедрой психотерапии и клинической психологии Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования, г. Москва

Уважаемые коллеги! А.В. Гнездилов был пионером в области паллиативной помощи в нашей стране. И сегодня его наследие становится максимально актуальным. Тот процесс, которому он дал начало, развивается, экстраполируется.

Когда я говорю о смерти, коллеги нередко считают выбор такой темы странным. И действительно, в ходе развития общества на Земле смерть табуируется. Мы всячески отдаляемся от смерти. Однако это не делает тему смерти менее важной.

Через девять дней начнет работу тридцать пятая экспедиция в Индию. Мы поедем в Варанаси, это тот город, великий, святой город, где индусы сжигают своих мертвых. Будем изучать эту важнейшую тему. Не первый раз.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Впервые в прошлом году на нашем итоговом конгрессе ОППЛ работала секция, и она вызвала большой интерес. И в этом году осенью, с 6 по 9 ноября, у нас состоится третий Всемирный конгресс русскоязычных психотерапевтов и психологов «Технологии. Культура. Служение». И снова будет работать секция, многие коллеги примут участие в ее работе, результаты мы опубликуем в нашей «Российской Антологии психотерапии и психологии».

Успешной вам конференции памяти Доктора Балу, развития его идей! И до встречи на нашем конгрессе осенью. Спасибо за внимание!

Ткачева Ольга Николаевна

*Доктор медицинских наук,
профессор, главный внештатный
гериатр Министерства
здравоохранения Российской
Федерации, директор Российского
геронтологического научно-
клинического центра, заведующая
кафедрой болезней старения
факультета дополнительного
профессионального образования
Российского национального исследовательского
медицинского университета
имени Н.И. Пирогова, г. Москва*

Дорогие друзья, уважаемые коллеги, рада приветствовать вас! И прежде всего хочу сказать, что наследие Андрея Владимировича Гнездилова, основоположника отечественной паллиативной медицины, психотерапии, ученого, врача, общественного деятеля имеет огромное значение. В гериатрии паллиативная медицина занимает особое место, потому что нередко пожилые пациенты — это тяжелобольные пациенты. Иногда, к сожалению, мы вынуждены говорить о том, что мы работаем в период конца жизни пациента. И, конечно, это очень тяжело. Тяжело и профессионалу, и близким. Знания, умение работать в этих сложных условиях важны и для молодых специалистов, и для практикующих врачей. Именно поэтому конференция, которая сегодня стартует, очень важна прежде всего с практической точки зрения. Я думаю, подобные мероприятия способствуют тому, чтобы мы могли оказывать квалифицированную, высокопрофессиональную помощь на всех этапах жизни человека, на всех этапах развития болезни. К сожалению, иногда болезнь остановить не удастся. В любом случае

мы должны оставаться врачами, работать с достоинством, оказывать высококвалифицированную помощь. Мы профессионалы и должны сохранять голову холодной, но при этом все равно испытывать эмпатию и сочувствие и к пациентам, и к их семьям. О том, как это сочетать, нам, наверное, тоже следует говорить и думать.

Уважаемые коллеги, желаю вам эффективной работы и благодарю за организацию этой конференции, которая, безусловно, будет полезна врачам всех специальностей.

Невзорова Диана Владимировна

*Кандидат медицинских наук,
директор Федерального
научно-практического центра
паллиативной медицинской
помощи, Федерального
государственного автономного
образовательного учреждения
высшего образования Первый
Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова Министерства
здравоохранения Российской Федерации,
главный внештатный специалист по
паллиативной помощи Минздрава РФ,
председатель правления Ассоциации
профессиональных участников хосписной
помощи, г. Москва*

Здравствуйте, дорогие коллеги! Спасибо огромное за возможность быть сегодня с вами. Скажу два слова об Ассоциации профессиональных участников хосписной помощи. Это единственная профессиональная ассоциация, которая объединяет лучших специалистов паллиативной помощи в нашей стране. Не только объединяет, но и обучает, и максимально поддерживает. Каждый год Ассоциация проводит две, как мы их по-дружески называем между собой, хосписные конференции. Одна из них — сестринская для медицинских сестер хосписной помощи; вторая — для врачей, которые работают в этом направлении. И эти конференции всегда вызывают широкий интерес среди специалистов, потому что тема, как мы уже сегодня неоднократно отмечали, сложная. И, как сказала Ольга Николаевна Ткачева, тема поддержки друг друга, поддержки не только пациента, но и его семьи и самих коллег крайне важна.

Мы ценны тем, что мы команда паллиативных специалистов. Для нас важны и врачи, и медицинские сестры, и психологи, и психотерапевты. И я хочу сказать огромное спасибо всем организаторам, всем собравшимся. Спасибо за то, что дело учителя продолжается, что вы не останавливаетесь. Это свидетельствует о том, что задачи, которые ставил Андрей Владимирович Гнездилов, очень важны. Именно он основал первый хоспис в стране, именно он начал говорить о помощи пациентам, в том числе с позиции психологии. Вы знаете, для нас это очень ценно, потому что если говорить вообще про паллиативную помощь новой эпохи, про то, что внесла Сесилия Сондерс, родоначальница современного хосписного движения, ее значимость огромна в мире. Многие страны, включая нашу, пошли по пути развития именно английских хосписов и подхода Великобритании к помощи тяжелобольным пациентам, взрослым и детям, находящимся на пороге между жизнью и смертью. Но знаете, что интересно? Оказалось, что в России, в истории нашей родины есть примеры такой помощи. Это богадельни, созданные для помощи пациентам, вернувшимся с фронта, в которых работали вдовы погибших офицеров. Одна из первых таких богаделен и по сей день действует — это больница Святителя Алексия. И то важное направление, которое внес в систему хосписной помощи Андрей Владимирович, нужно продолжать. Я думаю, что именно поэтому хосписы в нашей стране успешно развиваются, а хосписное движение так актуально: потому что у нас есть школа, нам есть что чувствовать нашей русской душой, что чувствовать и что делать для наших пациентов.

И потому я абсолютно уверена, что сегодняшний день пройдет чудесно. То, что было на конференции в прошлом году, что делают коллеги, что вы делаете, это здорово! Я думаю, будет много очень интересных докладов, и дело Андрея Владимировича Гнездилова будет продолжаться его учениками, его последователями. Думаю, он был бы очень рад увидеть

все то, что сейчас происходит. И главное, тоже мог бы чему-то научиться у вас, дорогие коллеги, потому что вы очень хорошие ученики. Поэтому, Инна, огромное вам спасибо за то, что сегодня мы все здесь, и наша служба паллиативной медицинской помощи в том числе (а я являюсь главным специалистом Минздрава России по паллиативной помощи).

У нас есть определенные сложности в организационной структуре, в психологической поддержке. А в некоторых регионах в паллиативных отделениях даже нет психологов, но те, кто есть, работают с полной самоотдачей. Предлагаю выступить с инициативой на профильной комиссии Минздрава России этим летом, в июле в Петербурге. Мы к этому времени проанализируем, сколько есть психологов в паллиативной службе в нашей стране, какие выделены ставки. И думаю, нам нужно подготовить предложение для Минздрава России по поводу психологов, потому что без мер психологической поддержки работать сложно. В 323 Федеральном законе об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации есть статья № 36, регламентирующая работу паллиативной медицинской помощи. В ней написано, что паллиативная медицинская помощь — это комплекс медицинских вмешательств; мероприятия по уходу, то есть сестринские мероприятия, и мероприятия психологического характера. Эти три составляющие и являются паллиативной медицинской помощью. При этом третья составляющая требует серьезного развития. Думаю, что наше профессиональное сообщество согласится с этим. У нас сохраняются тесные контакты с главным специалистом по клинической психологии, есть поддержка. Коллеги, давайте в этом направлении двигаться: школы, учебники, кафедры, профсообщество и продолжение дел наших учителей.

Итак, дорогие коллеги, я приветствую вас сегодня и желаю вам успешных докладов, успешных взаимодействий, успешных контактов. Спасибо огромное!

Инна Сергеевна: Диана Владимировна, спасибо. Скажите, пожалуйста несколько слов о вашем учителе, наставнике, о Вере Васильевне Миллионщиковой.

Диана Владимировна: Да, конечно, на учителях строится жизнь. Мы стоим на плечах гигантов, и залог успеха — помнить наших родителей, наших учителей. С этого я и начала, сказав про Андрея Владимировича Гнездилова. Мне выпала честь лично взаимодействовать, общаться с ним, побывать у него дома, удивляться и восхищаться его мудростью. У меня на слайдах вы видите трех человек: Андрея Владимировича Гнездилова, Веру Васильевну Миллионщикову и Виктора Зорзе. Это те люди, которые развивали паллиативную помощь в России, были сподвижниками, внесшими большой вклад в развитие хосписной помощи.

А Вера Васильевна, анестезиолог-реаниматолог по образованию, начала развивать также, как и Андрей Владимирович, первый хоспис в Москве на улице Новаторов, дом 10. Это нынче филиал Центра паллиативной помощи Москвы, Первый Московский хоспис имени В.В. Миллионщиковой. И он функционирует по всем принципам, по всем заповедям Веры Васильевны. Это очень важно. При любой возможности, на любом мероприятии мы вспоминаем Веру Васильевну, вспоминаем наших учителей. Мы сейчас сделали новую организацию «Паллиатив без границ», она создана для предоставления услуг по развитию паллиативной помощи. А сейчас эта организация поддерживает отношения с Центром, сотрудничающим с ВОЗ, который в 2025 году образовался на базе Сеченовского университета. Это тоже важная веха в развитии паллиативной и хосписной помощи в стране. В 2025 году Всемирная организация здравоохранения признала первый мединститут в Москве, Сеченовский университет, центром, сотрудничающим с ВОЗ, одним из

всего лишь десяти сотрудничающих центров в мире. Это тоже дело наших учителей, это абсолютно точно. И сейчас нашей целью является помощь дружественным странам, странам постсоветского пространства, русскоговорящим странам в развитии паллиативной помощи. Так что задач очень много, и я искренне надеюсь и на вашу команду. И, конечно, светлая память о наших учителях, они в нашем сердце и в нашей работе. Сложно сказать: «Я его учитель». А вот легко сказать: «Он мой учитель» и «Он мой ученик». Ученик должен сказать: «Это мой учитель». Иногда ученики даже не знакомы со своим учителем, но его жизнь, его труды, его задачи, и все, что он сделал, служат примером для них, и, по сути, он является их учителем. Поэтому учитель — это жизнь, учитель — это наши родители, учитель — это наши наставники. Сегодняшний день посвящен Андрею Владимировичу Гнездилову, нашему учителю, основоположнику системы хосписной помощи в Российской Федерации. Спасибо.

Губанова Анна Сергеевна
*Главный редактор
профессионального интернет-
издания «Психологическая
газета», председатель Комитета
национального конкурса «Золотая
Психея», организатор ежегодного
Санкт-Петербургского Саммита
психологов, г. Санкт-Петербург*

Дорогие коллеги, добрый день! Для меня большая честь быть здесь сегодня с вами. Спасибо большое за приглашение. Это такая очень личная память. Андрей Владимирович был, конечно, потрясающим человеком, который, наверное, просто в силу своей внутренней мощи не мог не повлиять на всех, кто так или иначе с ним соприкасался.

Я полистала архив и вспомнила, что еще в далеком 2009 году Андрей Владимирович был признан большим жюри Национального конкурса «Золотая Психея» Личностью года в практической психологии. И я знаю, что статуэтка Психеи была у него всегда на видном месте. Но вот что меня лично всегда удивляло. Я была знакома с ним в последние годы его жизни, лет 10–12, и каждый раз, встречаясь с Андреем Владимировичем, я думала, ну вот это уже последний раз. Он так стар. Я так переживала, что каждая встреча может оказаться последней. И, может быть, именно поэтому каждая встреча оказывалась настолько глубокой, настолько содержательной. И я все размышляла: «Как так? Столько лет есть ощущение, что он старик». Похоже, дело не только в физической форме, как сейчас принято говорить. Может быть, дело еще и в его личностной силе, войти в старость по-настоящему, честно, и каждый день, каждую минуту быть готовым ко встрече, к самой главной встрече — со смертью. Ответ я нашла в экзистенциальном интервью, которое он ког-

да-то дал «Психологической газете». На вопрос «Что бы вы могли посоветовать молодому психологу?» он отвечает: «Я не теоретик, я практик. Мне кажется, что начинающий психолог должен задаться вопросом о смерти, и хотя бы несколько раз увидеть умирающего человека. Когда во время учебы, еще во время учебы, не после 2009 года, когда был признан Личностью года, не в конце жизни, когда казался стариком, а в самом начале учебы. Когда во время учебы я работал дежурным врачом, я пришел в палату, в которой лежал умирающий шестилетний мальчик. Его родители были в другом городе, он лежал один, других детей отселили, чтобы не травмировать их присутствием во время смерти. Я спросил: «Что я могу для тебя сделать?» Он сразу раскрылся, потянулся ко мне и сказал: «Дяденька, расскажите мне сказку». Я взял ребенка на руки, начал рассказывать и почувствовал, что он уходит в иной мир. Хотел позвать медицинскую сестру, зная, что это не поможет. Но он пришел в себя и попросил рассказывать сказку дальше. Я рассказывал о золотой карете, ножах, короле и королеве, которая встретит его в волшебном замке. Ребенок умер у меня на руках. Я боялся прервать рассказ, потому что не был уверен, что он меня уже не слышит».

Мне кажется, что есть вещи, которые невозможно понять. Но вот Андрей Владимирович, он каким-то удивительным образом был готов тогда еще, будучи начинающим врачом, понять, что на самом деле нужно человеку сейчас. Нужна ли ему инъекция? Нужна ли ему капельница или не нужна? И мне кажется, что очень важно, чтобы его наследие продолжало жить, его работы продолжали жить, его слова, идеи, мысли продолжались бы в делах сегодняшних специалистов. Потому что каждый человек однажды оказывается в такой ситуации, когда ему главным образом нужно человеческое присутствие, человеческое участие.

Наверное, это все, что я хотела сказать. Хочу пожелать конференции успеха и той душевности, глубины, без кото-

рой невозможно обсуждение вопросов, которыми задавался Андрей Владимирович, и вообще всей его деятельности. Без этой человечности коснуться таких вопросов невозможно. Спасибо еще раз большое, что пригласили. Всегда ждем в газете материалы о вашей работе, об итогах конференции. И, конечно, хочется пожелать, чтобы эти встречи обязательно стали традиционными. Чтобы каждый год в конце зимы или в начале весны мы бы обязательно встречались и обменивались тем, что нас вдохновляет. Дорогие коллеги, большое вам спасибо.

Инна Сергеевна: Анна Сергеевна, в разговоре о Гнездилове невозможно удержать какую-то одну нить, он не только врач, психотерапевт. Центральная позиция в том, что он Человек. Он личность, он настолько чувствует жизнь, его отношение к вечности, к любви, его вера настолько высоки, что каждый раз, говоря о нем, вспоминаешь вот такие истории, которые вы сейчас зачитали из его интервью. И хочется плакать. Мы плачем, значит, мы еще живы. Потому что слезы нас очищают, они светлые, добрые, исцеляющие. Поэтому хотим сказать вам слова благодарности. И знаете, когда вас слушала, вспомнила. В прошлом году, когда конференция уже подходила к завершению, во время открытого микрофона, мы обсуждали свои впечатления, и одна слушательница, психотерапевт, говорила очень долго. И основной ее вопрос был: а как вы собираетесь продолжать дело Гнездилова? Вы уверены, что вы такие же, как он? Вы уверены, что в вас есть эта любовь, этот свет, вот эта душа, дух, а не только профессионализм и знания? И вы знаете, это на самом деле глубокий вопрос. Действительно, как можно продолжать дело основателей, имеем ли мы на это право? И здесь, конечно, прежде всего вопросы к нам самим: кто мы такие, на что мы имеем право и с чем мы идем в этот мир, и тем более с чем мы идем к нашим пациентам, клиентам, подо-

печным, зависимым, страждущим людям, их родственникам. Спасибо вам большое. Ваша поддержка нам очень нужна, потому что «Психологическая газета» — это единственная в нашем профессиональном пространстве площадка, которая действительно знакомит нас, просвещает, объединяет, помогает и окрыляет тем, что дает возможность заявить о себе, о своем опыте. Каждая наша статья, безусловно, о наших пациентах. И когда вы публикуете эти материалы, вы знакомите не только профессиональное сообщество, но и самих пациентов с их историями и помогаете им проживать их личные трагедии.

Поэтому от всего сердца благодарим. И, как всегда, первого марта, когда год не високосный, все друзья-коллеги поздравляли Андрея Владимировича С Днем Рождения. И сегодня в Санкт-Петербурге несколько друзей встречаются для того, чтобы поздравить его, вспомнить, и поблагодарить за то, что он объединил их. Он ушел, а мы остались, и эта общность дает нам всем силы.

Гольдман Ольга Эмильевна
*Исполнительный директор
Национальной ассоциации
специалистов помогающих
профессий в онкологии,
организатор Всероссийских
съездов онкопсихологов,
руководитель Службы
бесплатной помощи онкобольным
«Ясное утро», г. Москва*

Дорогие коллеги, друзья, для меня большая честь выступать сегодня на «II Гнездиловских чтениях», посвященных памяти человека, который во многом определил развитие паллиативной помощи в нашей стране — Андрея Владимировича Гнездилова. Главное, что хочется сказать сегодня, — это то, что его дело живет в тех подходах, которые мы используем, в специалистах, конкретной помощи конкретным людям. Андрей Владимирович был не просто выдающимся психотерапевтом и ученым. Он был создателем первого в России хосписа в Лахте, в Санкт-Петербурге. Именно он сформулировал принцип, который стал нравственным ориентиром для всей системы паллиативной помощи: если невозможно прибавить дней к жизни, прибавьте жизни к дням. Для службы «Ясное утро» эта фраза не просто красивая цитата, это наш рабочий принцип. Мы ежедневно сталкиваемся с тем, что диагноз рак обрушивает на человека страх, ощущение потери контроля, утрату привычной картины мира. И в этот момент задача психолога — не только помочь справиться с тревогой, но и в том числе, вернуть человеку достоинство, ощущение жизни внутри болезни. Андрей Владимирович говорил: «Хоспис — это дом, в котором предлагается качественная жизнь, не легкая смерть,

а качественная жизнь. Это то место, где человек может завершить свою жизнь осмысленно и глубоко, в сопровождении близких. Это понимание, что помощь не сводится к сопровождению умирания, а направлена на сохранение смысла, достоинства и внутренней опоры, лежит в основе всей нашей работы».

Мы лично были знакомы с Андреем Владимировичем. Он поддерживал службу «Ясное утро», приезжал на наш съезд онкопсихологов. Был первым председателем Национальной ассоциации онкопсихологов. Его профессиональная и человеческая поддержка во многом помогла сформировать наше профессиональное сообщество. Мы продолжаем использовать его идеи в нашей практической работе. Сегодня для нас особо важно другое. Во-первых, это сформулированный им суппортивный подход. Оказывая поддержку онкопациентам, мы видим, насколько важно дать человеку пространство, где его не оценивают, не чинят, не торопят, а выдерживают рядом, просто находятся рядом. Это прямое продолжение того понимания, которое развивал Андрей Владимирович. Во-вторых, работа с кризисом и переживанием утраты. Андрей Владимирович много писал о сопровождении людей в предельных состояниях, когда рушится прежняя идентичность, когда рушатся прежние планы, прежние роли. Сегодня мы сталкиваемся с этим ежедневно на горячей линии, в индивидуальных консультациях, на группах поддержки и во многом опираемся на его исследования кризисных состояний, на его понимание глубины внутренней работы человека в ситуации угрозы жизни.

Когда специалисты рассуждают про жизнь и смерть, то говорят, что она протекает в четырех измерениях: физическом, социальном, духовном и ценностном. Андрей Владимирович придумал и развил понимание и концепцию еще одного измерения — чудесного, сказочного пространства, в котором живет внутренний ребенок, где возможно вообра-

жение, надежда, творческое переживание. И для нас это не абстрактная философия и не просто сказка. Когда человек проходит лечение, он часто оказывается полностью в физическом измерении: анализы, процедуры, побочные эффекты лечения. Но психологическая помощь и поддержка возвращают ему и другие измерения: отношения, смыслы, ценности, веру, творчество. И именно это расширение пространства жизни, даже внутри тяжелой болезни, мы считаем продолжением дела Андрея Владимировича Гнездилова. Его терапевтические сказки, его образ Доктора Балу — доброго, понимающего, внимательного к внутреннему ребенку человека, напоминает нам о важности бережности. О том, что даже взрослый, сильный, социально успешный человек в момент болезни может стать уязвимым и нуждается не только в лечении, в информации, но и в тепле. В нашем образовательном курсе повышения квалификации по онкопсихологии мы используем его публикации, исследования, много говорим о его философии и концепции паллиативной помощи в том числе. Андрей Владимирович по-настоящему рядом с нами. Не как часть истории, а как часть современной практики и современной жизни. Сегодня паллиативная помощь существует во всех регионах страны, сложно представить, что когда-то ее не было. Но на самом деле, недавно все еще только начиналось. И мы помним, что у истоков стоял именно Андрей Владимирович.

Наша задача — сохранять его наследие, сохранять уважение, достоинство человека, внимание к его внутреннему миру, веру в то, что даже в ситуации неизлечимой болезни у человека остается пространство для жизни. Наша ответственность, чтобы те люди, которые участвуют в наших с вами образовательных программах, по-настоящему понимали и чувствовали, что такое бережность, что такое уважение друг к другу и к себе, что такое смысл жизни. Мы продолжаем его дело в консультациях, в разговорах на горячей линии,

в образовательных программах, в специалистах, которые выбирают быть рядом с людьми в самый сложный период их жизни. Спасибо Андрею Владимировичу за тот фундамент, на котором мы крепко стоим всеми нашими ногами, руками, хвостами.

Спасибо вам, коллеги, и особенно Инне Сергеевне Ковалевой за то, что его дело продолжается и вы вместе с нами. В добрый путь! Желаю вам интересных докладов, идей, размышлений и инсайтов. Всего хорошего.

**ДОКЛАДЫ
УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ**

*Сенчук Руслана Богдановна
Главный врач
Санкт-Петербургского
государственного Хосписа
№ 1, врач-терапевт высшей
квалификационной категории,
г. Санкт-Петербург*

ГНЕЗДИЛОВ. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Здравствуйте, уважаемые участники второй научно-практической конференции «Гнездиловские чтения»! Приветствую вас от лица сотрудников Хосписа № 1, хосписа в Лахте. Благодарю организаторов конференции за предоставленное слово.

Имя Андрея Владимировича ассоциируется прежде всего со словом хоспис.

Гнездилов широко известен как писатель-сказочник, издавший 6 книг сказок, имеющих как художественную, так и психотерапевтическую ценность. Его работы по арт-терапии вызывают восхищение и до сих пор считаются новым течением в психотерапии. А его мастерская-студия стала легендарным местом не только для личностного роста, но и для литературно-музыкальных встреч.

Знатоки биографии Андрея Владимировича вспомнят, что за свою просветительскую деятельность и открытие хосписов

в России Гнездилов назван почетным доктором Эссекского университета Великобритании.

В своем сообщении мы обратимся к научному наследию Андрея Владимировича.

Его работа с онкологическими больными началась в НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова в начале 70-х годов прошлого века. В те годы в НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова впервые в нашем городе и, пожалуй, в стране была создана группа психологов, которые проводили психологические исследования онкологических больных и оказывали им психологическую помощь.

В 1974 году, тогда еще в Ленинграде, в лаборатории по изучению эффективности лечения онкологических больных НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова (сейчас — ФГБУ «НМИЦ онкологии им. Н.Н. Петрова» МЗ РФ) впервые в СССР была организована научно-исследовательская группа по изучению психологических особенностей онкологических больных. Справедливо полагалось, что психологическое сопровождение пациентов способно повысить эффективность терапии и улучшить их состояние. Одним из сотрудников этой группы был врач-психотерапевт Андрей Владимирович Гнездилов.

Андрей Владимирович стоял у истоков этого совершенно нового для нашей страны направления в онкологии — психоонкологии. Темой его кандидатского исследования стали психогенные реакции у онкологических больных с диагнозом рака прямой кишки. Среди отечественных работ рак прямой кишки был первой нозологией, участвующей в психологических исследованиях, что в те годы было связано с высокой частотой отказов от оперативного лечения, а также распространенностью тревожных и депрессивных нарушений в данной нозологической группе.

Двадцать лет спустя темой научного доклада в рамках докторской диссертации Андрея Владимировича стали психологические аспекты онкологии в условиях хосписа.

В те годы паллиативная медицинская помощь стала приобретать особую значимость. ВОЗ инициировала развитие паллиативной помощи еще в 1970-е годы. Доступ к паллиативной медицинской помощи был признан частью фундаментального права человека на обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья и благополучия.

Колыбелью паллиативной помощи в современной России стал Санкт-Петербург. Андрей Владимирович Гнездилов уже тогда изучал труды пионеров хосписного движения Англии и США, так как в ходе работы в лаборатории НИИ Н.Н. Петрова уделяли большое внимание психологической помощи инкурабельным больным, консультируя их в домашних условиях, поскольку хосписов в те времена не было. В настоящее время трудно представить, что когда-то такого вида паллиативной помощи онкологическим больным не существовало.

Гнездилов доктор медицинских наук, автор более 100 научных работ и монографий, является прежде всего ученым с мировым именем. Многолетний опыт общения с онкологическими больными привел к заслуженному признанию его авторитета в области паллиативной, хосписной помощи больным и их близким при запущенной или неизлечимой стадии рака. В 1994 году была издана книга А.В. Гнездилова «Путь на Голгофу». Эта книга послужила первым русским учебником для всех сотрудников в области паллиативной помощи. На слайде представлены основополагающие научные статьи, выпущенные Гнездиловым самостоятельно и в соавторстве с коллегами по психологической лаборатории НИИ Петрова.

- Об особенностях психического состояния больных, выписанных из онкологической клиники, 1976.
- Медико-психологические аспекты в онкологической клинике, 1979.
- О психогенных реакциях у онкологических больных, 1980.

- Психофармакологические и психокоррекционные аспекты реабилитации онкологических больных, 1988.
- Психоонкология: становление и перспективы развития, 2011.

Эти научные публикации легли в основу российской психоонкологии.

Еще одним основополагающим учебником российской паллиативной психологии стал его труд «Психология и психотерапия потерь». В этом научном труде Андрей Владимирович обобщил все свои научные наблюдения. Гнездилов стал одним из основателей хосписного движения в России, возродившего в нашей стране систему милосердного служения больному человеку.

Итак, научные исследования А.В. Гнездилова и его коллег по научной лаборатории НИИ Петрова были посвящены изучению психогенных реакций пациентов на разных этапах лечения, особенностям психотерапевтического и психофармакологического вмешательства, а также исследованию факторов риска дезадаптации, таких как тяжесть соматического состояния, побочные эффекты лечения, стадия заболевания, наличие предшествующих психических расстройств.

В 1989 году Андрей Владимирович покинул лабораторию и принял самое горячее участие в создании первого в современной России хосписа, стал прародителем российской паллиативной психологии. Сегодня история создания первого хосписа в Лахте хорошо известна.

Выявленные Гнездиловым в ходе исследований закономерности психических реакций на заболевание легли в основу формирования методов оказания помощи онкологическим больным, в том числе инкурабельным. Андрей Владимирович большое значение в оказании паллиативной помощи придавал психологическому сопровождению, включающему психиатрические, психосоциальные, экзистенциальные и духовные аспекты заботы.

Ежегодно СПб ГКУЗ «Хоспис № 1» обслуживает около 1500 тысячи онкологических больных, из них более 800 пациентов получают лечение в стационаре. Выездная служба принимает более 7000 вызовов в год, социальные работники за год выезжают к больным около 1000 раз.

Наши психологи продолжают традицию оказания помощи людям в ситуации паллиативного этапа заболевания, опираясь на научную парадигму паллиативной психологии Андрея Владимировича Гнездилова.

Уважаемые друзья, в октябре в хосписе в Лахте проводится ежегодная конференция, посвященная памяти Андрея Владимировича. Приглашаем вас к участию.

Чернышева-Гранина

Марина Данииловна

*Кандидат биологических наук,
директор Фонда сохранения
и популяризации наследия Даниила
Гранина, г. Санкт-Петербург*

ПЕРВЫЙ ХОСПИС В ПЕТЕРБУРГЕ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Здравствуйте, дорогие товарищи. Я собираюсь рассказать о своем недолгом знакомстве с Андреем Владимировичем и о том, как я стала свидетелем организации первого хосписа в России, которая осуществлялась на моих глазах в Ленинграде. История такова. Это было где-то в восемьдесят восьмом году, зимой, к папе, писателю Гранину, пришел английский журналист Виктор Зорза. Вместе с ним был врач, и это оказался Андрей Владимирович Гнездилов. Они пришли к папе, чтобы попросить у него помощи в организации первого в России хосписа. Зорза — английский журналист. Вы, наверное, все это знаете, но тем не менее я кратко повторю. У него в двадцатилетнем возрасте умерла от онкологии дочка, и после этого он решил посвятить себя организации хосписов во многих странах. И вот он приехал в 1988 году в Россию, в Петербург. Видимо, он уже знал Андрея Владимировича Гнездилова, и они решили обратиться к папе и к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву с тем, чтобы они помогли в организации первого хосписа. Никакого опыта в подобных делах у нас в России, конечно,

ни у кого не было. Я помню эту встречу. Зорза довольно хорошо говорил по-русски. Он рассказывал, как умирала его девочка, ее подруги были рядом, сколько сил они тратили, сколько времени провели рядом с ней. Все-таки, наверное, молодому человеку умирать труднее, чем старому. Старый человек, он уже, понемножку проживая свою старость, приближается к этому процессу умирания. А молодой человек считает, что его жизнь только начинается. И вот, столкнувшись с этим, Зорза, будучи достаточно известным журналистом и небедным человеком, решил посвятить свою жизнь организации хосписов, которые помогают и самим больным, и их родным справиться с этой трагедией, с этой проблемой. Зорза предложил нам, мне и Андрею, поехать в Англию — Андрею, чтобы освоить хорошо язык и познакомиться с организацией хосписов в Англии, а мне — чтобы овладеть английским языком и пожить у него, потому что он, путешествуя, оставляет жену одну и надолго. Эту проблему он хотел как-то решить. Заниматься английским мы с Андреем должны были у какой-то его знакомой. И вот таким образом мы начали общаться, встречаясь там два раза в неделю, направляясь на изучение этого жутко скучного английского языка. Я выдержала недолго, решив, что ни Англия, ни английский язык, мне совершенно не нужны, когда у меня здесь такая прекрасная жизнь, новая работа, семья, которая во мне весьма нуждалась. Мама у нас уже болела. И я быстро от этого отошла. Но общение с Андреем Владимировичем было для меня неожиданным и очень интересным. Мы с ним встречались у метро и шли к нашей англичанке где-то на шоссе Революции и по дороге разговаривали. И вот в процессе этих разговоров он произвел на меня впечатление совершенно нездешнего человека. Как будто он откуда-то появился в нашей жизни. Потому что все, о чем он рассказывал, то, как он эту жизнь воспринимал, все это мне казалось удивительным и очень интересным.

Вот вы все говорите, что он сказки писал. Мне это кажется совершенно естественным. Например, я ему рассказывала о том, что читает мой сын. В то время, в конце 80-х, все дети увлекались Хоббитом. И Андрей Владимирович сказал, что у него есть чудесный перевод продолжения истории Хоббита. Я, конечно, попросила, и он дал этот перевод моему сыну Даньке. И уже потом, став взрослым человеком, сын сказал, что это был необыкновенный, прекрасный перевод сказки. Эту сказку мы с Андреем обсуждали, и я ощущала, что разговор о ней для него гораздо более естественен и интересен, чем обычные разговоры об этой жизни, которые ведут люди, когда они куда-то вместе идут. Никаких обсуждений невероятно интересных событий в жизни нашей страны, происходивших в 1988 году. Они не были ему интересны. В то время как Хоббит и продолжение этой сказки, вот это его, видимо, удивляло и было ему гораздо ближе.

В общем, Виктору и Андрею удалось папу уговорить, хотя он всегда отнекивался от дополнительных нагрузок, поскольку был занят своей работой. Но тем не менее, созвонившись с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, они вдвоем пошли к руководителю города, в то время им был Соловьев и у папы с ним установились хорошие отношения, и обратились к нему с этой просьбой. И он предоставил им участок, на котором стоял дом, требующий ремонта. Было решено отдать его для первого хосписа в России. Нашли людей, которые продолжили это дело, потому что ни папа, ни Дмитрий Сергеевич, конечно, не могли заниматься ремонтом и обустройством. Все это возложили на кого-то другого, но тем не менее интерес к этому направлению появился. Уже потом, когда хоспис заработал, я посещала пациентов и каждый раз, входя в этот дом, думала, что появился он не без участия моего отца, не без участия людей, которых я знала. И, честно скажу, я про Андрея Владимировича несколько месяцев больше не слышала. Мы как-то пообщались зимой, я ему помогла, он был,

не знаю почему, в плохом настроении и состоянии. Он жил неделю у нас в Комарово, мы с ним гуляли, и я обратила внимание на его совершенно особые отношения с природой. Он подходил к деревьям, было такое впечатление, что он с ними разговаривал или просто стоял рядом и набирался сил от этой природы, от этих сосен, от этих деревьев. И мне было очень интересно за этим наблюдать. Потому что я как биолог тоже ощущала, что мир природный, который нас окружает, является для нас источником совершенно особой силы. И этот лес, этот залив они участвуют в нашей жизни, как не знаю, но участвуют. Это и заставило меня посмотреть на Андрея Владимировича совсем другими глазами, как на человека, который чем-то обладает, что-то чувствует, что-то видит в жизни, что мне, простому, радостному человеку, которому нравится жить, недоступно.

Это, пожалуй, все, что я могу сказать. С Виктором Зорза папа еще с полгода общался на эту тему, но потом это ушло из его интересов, и моих тем более. Перестройка, как вы помните, требовала от всех физических и душевных сил. И я обо всем этом забыла. И услышала вновь об Андрее Владимировиче как об основоположнике такого прекрасного, важного, доброго направления. На свете много добрых людей, но я думаю, лишь малый процент добрых людей может, имеет мужество и силы ухаживать за умирающими. Это не просто доброта, которой мы пользуемся в процессе жизни или сами ее кому-то дарим. Это что-то другое. И вот этим другим в полной мере обладал Андрей Владимирович. И я счастлива, что в моей жизни было пусть краткое, но важное знакомство с ним. Спасибо вам большое!

Инна Сергеевна: Марина Данииловна, вы для нас пример того, с каким уважением, трепетом, заботой можно относиться к наследию учителей, родителей, дорогих, важных людей. То, что вы делаете в фонде памяти вашего отца, писателя

Даниила Гранина, безусловно, вызывает у нас уважение. Спасибо вам огромное.

Уважаемые коллеги, я не могу сегодня не вспомнить и не поблагодарить еще одного человека, который познакомил нас с Мариной Данииловной. Хочу передать привет Лукьянову Владимиру Альфредовичу. Это президент Санкт-Петербургской региональной благотворительной общественной организации, благотворительного общества «Невский Ангел». Вы наверняка помните, что с 1988 по 1992 годы эта организация носила название Общество милосердия «Ленинград», а инициатором, идеологом и главой этого общества был Даниил Гранин. Вчера мы с Владимиром Альфредовичем разговаривали, он пожелал нам удачной конференции.

Марина Данииловна: А я хотела добавить, что и папа, и я были удивлены, что Виктор Зорза именно к нему первому обратился, и как раз Владимир мне пояснил, что Общество милосердия было уже известно в Европе, потому что папа ездил в Италию, чтобы понять, как работать в такой организации. И Зорза нам сказал, я просто не обратила на это внимания, что они размышляли, к кому в России обратиться. А это было первое общество такого благотворительного, доброго характера. Поэтому именно к организатору и главе этого общества он и приехал. Так что доброе дело цепляет следующее доброе дело, не будем же себя жалеть на такие дела. Спасибо вам огромное.

*Леоненкова
Станислава Анатольевна
Врач паллиативной помощи,
Отличник здравоохранения,
главный врач Хосписа № 1
в период с 2004 по 2018 гг. Опыт
работы 32 года,
г. Санкт-Петербург*

**ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ КНИГИ
«ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ 25-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО
ХОСПИСА В ЛАХТЕ ПРИМОРСКОГО РАЙОНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Я работаю в хосписе с февраля 1993 года. Начинала с врача выездной службы, врача-ординатора. В 1996 году назначена начмедом, а в 2004 главным врачом.

Вспоминая годы работы в старом здании, думаешь: как мы могли столько лет работать в таких условиях? Ценой невероятных усилий всего персонала удавалось работать так, что, несмотря на отсутствие многих удобств, на тесноту в палатах, в наш хоспис стремились попасть многие больные. Основную нагрузку, безусловно, несли медицинские сестры и младшие медицинские сестры. Частенько в хосписе не было горячей воды, но не припомню дня, когда больные не были умыты, вымыты, и не один раз в день.

Утро у медсестер начиналось в 5 часов с включения плиты на кухне и кипячения большого количества воды. Когда мы начинали, памперсов еще не было. Подкладная клеенка, судно и два туалета на все заведение. И неприятного

запаха в помещениях никогда не было! И мы этим всегда гордились!

А как мы работали, когда в помещениях шел косметический ремонт. Полы в коридорах и в палатах вскрывали, сверху клали несколько досок и все, как циркачи, скакали по этим доскам, а кухня даже еду на тележке провозила.

Когда узнали, что будут строить новое здание, очень обрадовались, но строительство тоже надо было пережить. Построили быстро, всего за год. Но стройка шла круглосуточно. Сначала вбивали сваи, потом возили материалы, потом строили. И так круглые сутки, целый год. Потом переезд. Двор разрыт, прокладывают канализацию, канава шесть метров глубиной. В здании нет воды и не работают туалеты, а надо готовить помещения, мыть окна, пол. Все дружно таскали воду по «мостику» через канаву, мыли, выносили воду на улицу, а строители опять что-то красили, опять грязь, а мы снова мыли и так много, много раз. Потом носили и расставляли мебель на двух этажах, создавали рабочую атмосферу и уют. Из дома приносили цветы для зимнего сада и кабинетов. Выездная служба переехала первой, когда еще не работали краны, туалеты и телефон. В туалет бегали в старое здание, а позвонить больному — на улицу, т.к. в помещении мобильники не ловили.

Потом перевозили больных и кровати, практически на руках. А потом начался ежедневный подвиг. Персонала мало, площадей много, коридоры длинные, больных больше. Справились!

Постепенно привыкли к длинным коридорам, зато появились новые помещения для отдыха, зимний сад, комната психологической разгрузки, комната ароматерапии, учебный класс, просторный конференц-зал, больничный храм. Начали приходить новые сотрудники: врачи, медсестры, младшие медсестры, психологи. В хосписе трудится большая группа волонтеров.

В наш хоспис опять стремятся попасть многие больные. Говорят: вы лучшие. Пишут замечательные отзывы, благодарят. Это радостно и во многом компенсирует сложности

нашей работы. В хосписе работает героический персонал, которому нет равных! Я люблю наш хоспис и горжусь им!

За 25 лет в хосписе сложилась настоящая команда: врачи, священник, медсестры, младшие медсестры, повара, которые очень вкусно готовят, буфетчицы, сестра-хозяйка, уборщицы, кастелянша, администраторы, бухгалтерия, техническая служба. Считается, что если сотрудник не работает с больными, то он не член команды.

Это неправильно, потому что мы все делаем одно большое дело, а больной и его родственники — тоже члены команды.

К людским потерям привыкнуть невозможно. Некоторые больные, особенно те, кто долго лежит, становятся почти родными, и их уход из жизни воспринимается как личная трагедия. Многие спрашивают: «Как вы можете работать в хосписе?» Да тяжело, но медик — это тяжелая профессия. Удовлетворение от работы получаешь, когда видишь улыбку больного, когда понимаешь, что реально помог, когда родственники со слезами на глазах говорят: «Спасибо, без вас мы бы не справились». Очень часто бабушки, особенно одинокие, говорят: «Я попала в рай!» Это приятно. Когда я очень устаю и кажется, что больше нет сил, я читаю книгу отзывов и силы возвращаются.

За 25 лет почти не было жалоб от пациентов и их родных (всего 2). Хотя на фоне болезни все обострено, и люди могут быть возбуждены и раздражены, но мы стараемся сгладить все углы. И здесь очень важна слаженная работа всей команды.

Сейчас у нас очень хорошие условия для работы, неплохая зарплата, есть психологи, свой священник, но медсестер не хватает. Очень помогают волонтеры. В выходные дни они моют больных, стригут, гуляют, беседуют с ними.

Для больных и родственников важна духовная помощь. Во время болезни многие больные приходят к вере. В хосписе есть больничный храм и свой священник.

25 лет назад мы стояли у истоков паллиативной медицины, сейчас это направление начало бурно развиваться.

Романенко Ирина Геннадиевна
*Врач-психотерапевт.
В Хосписе № 1 начинала
работу в должности врача
выездной службы, далее врача-
психотерапевта, заведующей
отделением, г. Санкт-Петербург*

О ЧЕМ ГОВОРИЛ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГНЕЗДИЛОВ?

Мы все сегодня будем говорить о зарождении хосписного движения в стране и создании первого хосписа в Лахте, о его вдохновителе и создателе.

А.В. Гнездилов и Лахта в римском значении слова «genius loci» — это гений места, гений локуса. С дореволюционных времен дачный поселок Лахта на берегу Финского залива был любимым местом для прогулок поэтов-символистов, поэтов группы ОБЭРИУ*, в том числе Даниила Хармса, у которого сохранились воспоминания в дневниках, а в 60-е годы Иосифа Бродского и многих других.

Андрей Владимирович очень любил Лахту, потому что она служила местом притяжения многих творческих людей. Великие люди существуют для того, чтобы пробудить в нас то,

* ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) — группа писателей и деятелей культуры, существовавшая в 1927 — начале 1930-х годов в Ленинграде.

что предназначено нам Провидением, или судьбой. «И виждь, и внемли, глаголом жги сердца людей», — это про Него.

Андрей Владимирович долгое время работал психиатром в институте онкологии им. Н.Н. Петрова. Наблюдал, лечил, писал научную работу о психогенных реакциях у онкологических больных. Он консультировал не только больных после выписки, но и их родственников, друзей. В своей работе он выявил и обозначил самые тяжелые эмоциональные переживания, такие как страх, стыд, боль. Страх из-за того, что установлен шоковый диагноз, стыд из-за скрытой стигматизации заболевания, существующей в то время в обществе. Больные после специального лечения выписывались фактически в никуда, особенно в запущенных случаях заболевания.

Андрей Владимирович говорил, что в доверительных беседах они называли себя «изгоями», «отработанным материалом», «поломанным механизмом». От этого и появлялась комбинированная боль, «тотальная боль», как ее называла Сесилия Сондерс, из-за табуированности темы смерти, темы умирания, конечности жизни.

Этот опыт он вложил в создание лахтинского хосписа. Он словно принял эстафетную палочку от великих философов, гуманистов, писателей, стал говорить от имени умирающих больных, их родственников, друзей.

Андрей Владимирович обличал равнодушие общества, чиновников, обнажал проблемы, указывал на невежество в отношении этих больных, призывал к милости, милосердию, состраданию. В каждом его выступлении звучало: «Наступят времена, когда каждый врач станет лекарством для больного» — слова, приписываемые великому врачу Парацельсу*

* Парацельс (лат. Paracelsus, настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Хёхенхайм (нем. Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim); родился, предположительно, в 1493 году, Эгг, кантон Швиц — умер 24 сентября 1541 года, Зальцбург) — оставил работы по медицине, физике, химии, теологии, философии, астрономии, антропологии и магии.

(1493–1541 г.). Казалось, зачем все время повторять? Что это значит? Я думаю, что он ощущал, что эти времена уже наступили.

Есть такие люди, в присутствии которых весь мир становится другим, силой своего присутствия они преобразуют все вокруг. Когда он рассказывал сказку умирающему ребенку, еще будучи совсем молодым врачом, он пережил этот опыт Присутствия и пронес его через всю жизнь.

Так, чтобы победить темноту, нужно зажечь свет. И он все время его зажигал.

Когда он обнажал проблемы, связанные с умирающими больными, он как бы убирал четвертую стену и все оказывались в пространстве и в свете его присутствия. Иногда казалось, что он говорит об одном и том же, а он говорил о невыразимом. О страданиях больных. О том, что можно пережить кризис и выйти из него преображенным. Что смерть есть смерть. Смерть — это не ошибка медицины и не ошибка врача. У всех смерть наступает в свое время. Но есть время до нее, когда мы можем помочь. Просто у всех этот отрезок времени разной длины.

В хосписной паллиативной помощи существует термин: последние 24 часа. Самый значимый и зачастую тяжелый в период умирания. Этот отрезок времени может длиться от нескольких минут до нескольких часов и даже нескольких дней. Каждый из нас ощущал, как это важно для больного, его родных и близких. И мы приобретали этот опыт помощи у постели больного.

Когда создавался хоспис, Виктором Зорзой было поставлено одно единственное условие — госпитализация в хоспис больных, проживающих в Приморском районе. Это исключало телефонное право власть имущих — госпитализации по звонку — и способствовало в дальнейшем открытию хосписов в других районах города. Это были трудные времена, нас осаждали просьбами, требованиями госпитализации в наш

хоспис, но была создана выездная служба хосписа, мы сами навещали больных и госпитализировали их в хоспис. Мне до сих пор памятли эти времена, несмотря на их драматичность. На одном вызове больной мог говорить, что он больше не хочет жить. На другом — молодая пациентка, которая долго не знала о своем заболевании, и все отрицание вылилось в крик и мольбу «я не хочу умирать!». Андрей Владимирович все время был рядом и помогал нам освоить основы психологической помощи больным, находящимся в терминальной стадии рака.

Летом 1991 года прошла учебная конференция в Лахте для врачей всех регионов России, готовых в будущем принять участие в зарождении хосписного движения в стране, создании хосписов на местах. Замечательный английский врач Дэвид Фрэмpton преподавал нам основы коммуникативных навыков в хосписе, духовной помощи. Озвучил принципы хосписной философии, которые Андрей Владимирович вскоре переформулировал и назвал заповедями хосписа. Он часто в своих выступлениях сравнивал евангельские сюжеты с хосписной жизнью. Так возможность пережить кризис, утрату и выйти преображенным он сравнивал с событиями на горе Фавор и фаворским светом. Пожелания и просьбы Господа к апостолам в Гефсиманском саду, чтобы они бодрствовали и не засыпали во время моления о чаше, Его призыв «побудьте со мной, не засыпайте» Андрей Владимирович считал основой основ хосписной помощи.

Тяжелейшие телесные страдания больных он сравнивал с крестным путем на Голгофу. Возможность трансформации больного в период умирания, перед смертью, в своих выступлениях Андрей Владимирович называл вторым рождением, а Элизабет Кублер Росс называла тотальным принятием. В книге Виктора Зорза «Смерть дочери» мы можем видеть то просветленное состояние, в котором Джейн покинула этот мир.

Благодаря усилиям и трудам многих людей хоспис в Лахте постепенно стал знаковым явлением в медицинском сообществе. В хоспис со всей страны стали приезжать единомышленники для получения практического, организационно-методического опыта. Стали открываться хосписы во многих районах города: Колпино, Парголово, Кировском районе, Московском районе. Зорза мечтал о хосписе в столице — специально построенном удобном для больных здании. Был найден один врач. Им оказалась Вера Миллионщикова. Она неоднократно приезжала в лахтинский хоспис, знакомилась с хосписной помощью, участвовала в обходах больных. И Андрей Владимирович фактически благословил ее на создание и строительство хосписа в Москве. Можно сказать, что хосписное движение стало переходить на российский уровень.

Когда московский хоспис заработал в полную силу после открытия стационара в 1997 году (выездная службы у них работала уже с 1994 года), хосписное движение стало из ручейка превращаться в полноводную реку и в последствии стало мощным потоком, несущим свои воды в Мировой океан добра милосердия и надежды.

Осенью 1995 года в Петербурге состоялся открытый семинар по хосписной помощи. Организатором выступил Колпинский хоспис в сотрудничестве с хосписом из города Колчестер. На этот семинар кроме врачей, были приглашены медсестры, психологи, соцработники, священнослужители. При подготовке были созданы учебные материалы (на русском языке на базе английских источников), так как до этого единственным пособием по паллиативной помощи было руководство «Методические рекомендации ВОЗ. Обезболивание при раке».

На этом семинаре присутствовал священник о. Артемий (Темиров) — бывший врач хосписа в Лахте, получивший рукоположение в Андреевском соборе на Васильевском острове

Санкт-Петербурга. В этом же соборе состоялось и отпевание Андрея Владимировича после его смерти в мае 2022 года. В отпевании также принимал участие и о. Андрей (Битюгов), который тоже до рукоположения работал в лахтинском хосписе, начиная с самых малых должностей. Затем он получил высшее медицинское образование в педиатрическом институте и был назначен действующим священником в Андреевский собор, впоследствии был назначен настоятелем храма во имя святой мученицы Раисы Александрийской при Институте детской гематологии и трансплантологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова.

PS. Безусловно, Санкт-Петербургу нужно мемориальное пространство не только о родоначальнике первого хосписа в нашей стране, но и о той сложной эпохе, в которую ему выпало его создавать вместе с единомышленниками. От тех лет осталось мало документов, но несмотря ни на что память остается. К 25-летию лахтинского хосписа была издана книга «Любовь сильнее». Когда мы ее создавали, то были опечалены небольшим количеством документального материала, поэтому и дали такое название этой книге. Она целиком состоит из воспоминаний сотрудников. Поэтому так важно хранить память и самое время процитировать слова из одного из «Случаев» Даниила Хармса: «Жизнь победила смерть неизвестным для меня способом».

Веревкина Ирина Михайловна
*Работает медицинской сестрой
Хосписа № 1 со дня его основания
в 1990 году. В 1989 году в городе
Ленинград проходила обучение
в числе первых сотрудников
в Обществе милосердия,
открытом Даниилом Граниным,
г. Санкт-Петербург*

ВРАЧ. ФИЛОСОФ. ПЕДАГОГ

Здравствуйте! Я медицинская сестра Хосписа № 1 Веревкина Ирина Михайловна. Хочу рассказать вам о замечательном человеке — Андрее Владимировиче Гнездилове, нашем докторе. Для начала хочу прочитать стихотворение о нем:

Врач, философ, педагог
Создать в России хоспис смог.
Любовь к людям и огонь души —
Такие помощники в этом деле хороши.
Был рядом с нами много лет,
На все вопросы знал ответ.
Растопит лед в душе,
Когда бежит слеза.
Добрые, лучистые глаза
Расскажут сказку и усадят у камина —
Всех проблем растает половина.
Ну а когда звонят колокола,
Уходит боль, тревога в никуда.
Наш верный друг, от всей души спасибо
За то, что ты такой, а не другой.
Когда вы рядом с нами, сердцу мило,
И на душе блаженство и покой.

Я познакомилась с Андреем Владимировичем Гнездиловым в Обществе милосердия «Ленинград», в 1989 году, проходила там курсы по обучению на сестру милосердия, а он читал лекции. Пообщавшись и познакомившись с ним, я сразу приняла решение работать рядом с этим человеком в хосписе, который открывался в то время в Ленинграде в Лахте, на берегу Финского залива. Старенькая больница. Здание было ветхое, старое. Пол в нескольких местах проваливался, шатался, но этого никого не пугало и не останавливало. Не это было главное. Главное было то, что Андрей Владимирович собрал вокруг себя команду единомышленников. Все пришедшие работать горели идеей помощи страждущим, больным онкологией в последней стадии, идеей милосердия и сострадания.

У нас проводили обучение английские сестры, которые работали в английском хосписе. Они приезжали к нам и проводили семинары. Андрей Владимирович учил нас главному: тому, что мы не сможем прибавить дни к жизни пациента, но мы всегда можем прибавить жизни к этим дням. Вот мы и работали в этом направлении. Андрей Владимирович применял в своей практике арт-терапию, светотерапию, сказкотерапию, звукотерапию. Его большое сердце всегда излучало любовь. Он был сказочником, написал много сказок, лечил людей колокольным звоном. И у них проходила боль, затихала. Все женщины для него были королевами, а девочки — принцессами. Пациенты считали его волшебником. Его все любили, и пациенты, и сотрудники, его невозможно было не любить. Люди тянулись к нему, как к магниту. Он заботился не только о пациентах хосписа, но и обо всех сотрудниках. Его принцип был такой, что каждый работающий в хосписе очень важен. Каждый выполняет свою работу и незаменим в своем деле. Он был очень чутким и внимательным к каждому человеку. Ему хотелось рассказывать о всех своих горестях и радостях, он всегда выслушает и поможет словом или действием.

В 90-е годы в стране развал, зарплату задерживали. Андрей Владимирович продавал свои дорогие картины и раздавал деньги медсестрам. Он заботился об отдыхе сотрудников, чтобы все хорошо восстанавливались и приходили на работу с новыми силами. Для этого двери его квартиры всегда были открыты. Там гостей всегда ждал вкусный чай, театральные костюмы, переодевания в сказочных героев, камин, прекрасная живая музыка. Музыканты очень любили посещать его квартиру и давать концерты. И приятные душевные беседы. После вечера, проведенного в гостях у Андрея Владимировича, все уходили обновленными и окрыленными. Память об Андрее Владимировиче Гнездилове живет в наших сердцах. Мы помним все уроки нашего учителя. И мы очень благодарны ему за все то, чему он нас научил. А сейчас я хочу прочитать стихотворение, посвященное сестрам нашего хосписа, которые идут по пути, проложенному нашим основателем.

Уколы сделаю и за руку возьму.
Услышу тихое «спасибо».
В глаза больному посмотрю,
Микстуру выпить попрошу учтиво.
От сердца к сердцу льется свет.
Зажечь его — моя задача.
А есть улыбка на устах —
Хороший день, пришла удача.
Что может в мире лучше быть —
Больного с чуткостью лечить?
Как эту радость передать —
Душу и тело врачевать.
Благодарю за внимание!

Никольский Евгений Владимирович

Руководитель Приморского

района г. Санкт-

Петербурга 1990–1999 г.г.,

представитель председателя

Законодательного Собрания

Санкт-Петербурга по связям

с органами государственной

власти; действительный

государственный советник

Санкт-Петербурга 2-го класса;

муниципальный советник 2

класса; действительный член (академик) Международной

академии наук экологии и безопасности человека,

Татарской академии информационных наук, Санкт-

Петербургской инженерной академии, г. Санкт-Петербурга

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Откровенно говоря, я на распутье. В своем выступлении хотелось бы столько добрых слов сказать о моем дорогом друге Андрее Владимировиче Гнездилове, о его профессиональной деятельности и о наших человеческих взаимоотношениях. Меня как председателя районного совета народных депутатов при создании хосписа и главы администрации Приморского района при его становлении и развитии связывает с этим не только служебная обязанность, но и взаимопонимание как человека, воспитанного в семье медиков. Кроме того, моя бабушка была пациентом Андрея Владимировича и, посещая ее в хосписе, я имел возможность уже как родственник больного увидеть и понять всю глубину проникновения в проблему врачей, сестер милосердия и санитарочек хосписа.

Я уверен, что в программе «Гнездиловских чтений» будет много докладов, посвященных его профессиональной

деятельности, его творчеству как сказочника и музыканта. Со своей стороны, я хотел бы остановиться только на одном эпизоде его многогранного творчества — на подготовке к строительству нового здания хосписа, установке закладного камня и написании ПОСЛАНИЯ ПОТОМКАМ, заложенного в капсуле под камень.

Читая это послание, понимаешь всю глубину мыслей этого незаурядного человека, гражданина, врача и патриота. Я имел честь участвовать в написании этого обращения вместе с Андреем Владимировичем, и у меня сохранилась копия.

Вот этому документу, как наследию Гнездилова, я и хотел бы посвятить свое выступление.

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Закладка нового здания Хосписа № 1

Из бурных девяностых годов, явившихся переходной ступенью для России, из сумерек тяжелых испытаний, из хаоса политической и экономической жизни мы обращаемся к Вам, наши потомки. В трудное время мы находим в себе силы остаться верными высоким идеалам гуманизма. Первыми в России мы взяли на себя заботу о самых тяжелых, самых отверженных среди больных — это онкологические больные. Мы приходим к ним и разделяем их одиночество, мы облегчаем их боли и страдания, мы протягиваем руки к их близким и родственникам, чтобы поддержать их в заботе об уходящем и в часы утраты. Мы создали новую форму общения со страдающими людьми. В основу ее легли христианские заветы любви и милосердия. То, что называлось работой, мы превратили в служение. Для нас стало высокой честью подать последний стакан воды уходящему человеку. В условиях нехватки лекарств мы поняли истину Парацельса, который призывал каждого врача стать самому лекарством для больного.

Создание хосписной службы в России явилось для нас проверкой нашего Духа. Время разделения людей на богатых и бедных породило безудержную алчность к деньгам и власти. Мы провозгласили принцип бескорыстия и нестяжательства. Перед Богом и смертью все люди равны, и потому наша забота не стоит денег для больных. Мы вкладываем свои сердца в наше дело, зная, что для каждого человека рано или поздно приходит свой час прощания. Смысл Жизни, смысл Бытия для нас воплотился в труд сохранения человечности, честности и доброты ко всему живому. И мы хотели бы, чтобы наши усилия и надежды, наша вера и устремление дошли до Вас. Как дерево растет много лет, сантиметр за сантиметром, строя самого себя, так и Россия. Мы осознаем себя связанными с культурой наших предков, и как эстафету передаем Вам наши идеалы и чаяния.

Вокруг нас борьба, но мы не зовем Вас братья за мечи, мы ждем от Вас понимания общечеловеческого Пути, Пути мира и Пути любви, принятия всей жизни, всего мира без исключения. Мы все плывем в межзвездных пространствах на одном корабле. Имя ему — Земля. Мы его пассажиры и матросы одновременно. Красота и мудрость — наш курс. Любовь и служение — наша вахта. Мы растим самих себя и мир вокруг нас. Мы пытаемся быть достойными наших предков и возродить духовно-обновленную Россию, Россию Достоевского и Толстого, Репина и Рериха, Циолковского и Бехтерева. Вспомните о нас в лучшие годы. Мы были Вашей предтечей, и пусть наши порывы отзовутся в Ваших сердцах, устремленных к Божественному единству Мира.

16 октября 1996 года

*Сестры сестричества во имя Святой
преподобномученицы Елисаветы при Хосписе № 1
Юлия Коноваленко, Мария Мулярчик, Юлия Бугаева,
г. Санкт-Петербург*

ЕЛИСАВЕТИНСКОЕ СЕСТРИЧЕСТВО — ОБИТЕЛЬ ВЕРЫ, ЛЮБВИ, МИЛОСЕРДИЯ

О Сестричестве: Сестричество во имя Святой преподобномученицы Елисаветы Санкт-Петербургской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

Духовник сестричества и настоятель храма во имя святителя Алексия, Митрополита Московского — протоиерей Павел Баранов.

Старшая сестра — Елена Анатольевна Кабакова.

Сестры несут свое служение в больнице, помогают ухаживать за больными, готовят их к участию в Таинствах Православной Церкви. В церковные праздники Рождества Христова и Святой Пасхи сестры и братья Сестричества поздравляют больных и персонал хосписа. Духовник проводит беседы с сестрами и добровольцами.

В настоящее время в составе Сестричества 19 посвященных сестер и братьев и 30 добровольцев.

Направления деятельности и места служения сестер милосердия Сестричества:

- Социально-профилактический центр «Лахта»*
- Военно-патриотический клуб им. святого Георгия Победоносца*
- Хоспис № 1*
- Богадельня «Елизаветинская обитель милосердия»*
- Воскресная школа им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.*
- Храм во имя святителя Алексия, Митрополита Московского в Лахте*
- Храм св. прмц. Елисаветы в Хосписе № 1*

Добрый день, дорогие участники «Гнездиловских чтений»! Мы хотим немного рассказать вам о нашем сестричестве. Наше сестричество в честь преподобномученицы Елисаветы осуществляет свое служение в Хосписе № 1 уже более 30 лет.

Наши сестры оказывают гигиенический уход пациентам хосписа, моют их в ванной, это очень важно для них. Однажды был такой случай: сестры мыли тяжело больного пациента, который несколько дней не разговаривал, даже не реагировал на внешний мир. И каково было наше удивление, когда после помывки он открыл глаза, и сказал: «Спасибо».

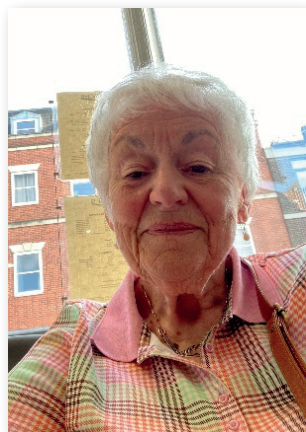
Также наши сестры помогают священникам в проведении таинств: крещения, соборования, причастия, беседуют с родственниками, поддерживают их.

В нашем хосписе есть уникальная возможность обучиться на волонтера, присоединится к сестричеству и нести это милосердное дело. Мы очень любим Андрея Владимировича Гнездилова, помним о нем, он был основателем хосписного дела в Санкт-Петербурге. Мы с радостью продолжаем его дело!

Доктор Элизабет Холл

*MBBS (бакалавр медицины/бакалавр хирургии), почетный доктор Университета Эссекс, кавалер Ордена Британской империи (МВЕ).
Врач-консультант по паллиативной медицине (на пенсии).*

Первый главный врач хосписа Св. Елены (St Helena Hospice) в Колчестере, Англия

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАРОЖДЕНИИ ХОСПИСНОГО ДВИЖЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В 1990 году члены Ротари-клуба Колчестера посетили Санкт-Петербург, чтобы предпринять попытку основать там местное отделение Ротари-клуба. Кто-то спросил, знают ли они что-нибудь о хосписах, и ответ был: «Мы привезем вам того, кто знает».

Я принимала активное участие в создании хосписа в Колчестере, хосписа Святой Елены. Я знала госпожу Сесилию Сондерс еще со студенческих лет, когда была студентом в больнице Святой Марии в Лондоне, и посещала ту же церковь, Святого Марка в Марилебоне. Я слышала, как она говорила о развитии позитивного подхода к уходу за умирающими и о создании хосписа Святого Христофора в Сиденхэме, в Лондоне. В то время она работала в хосписе Святого Иосифа в районе Лондона Ист-Энд, которым управлял орден монахинь. Мы с мужем организовывали посещения хосписа Святого Иосифа студентами-медиками. Именно воспоминания о ее преподавательской деятельно-

сти вдохновили меня 20 лет спустя на создание хосписа в Колчестере.

Я приехала в Санкт-Петербург в 1991 году и познакомилась с Андреем Гнездиловым. Он занимался вопросами улучшения ухода за умирающими в лахтинском хосписе, который также управлялся монахинями. Майкл Сиггс расскажет вам их историю позже.

Меня поразили знания Андрея и его настойчивость в поддержке работы. Он был психиатром, но взял на себя роль медицинского работника, обучившись многим аспектам медицины, необходимым для этой работы. В частности, это касалось облегчения боли и контроля за симптомами. В то же время он уже обладал необходимыми навыками общения и понимал важность заботы о человеке в целом — физическом, психологическом и духовном аспектах, а также о семье пациента. Он показал мне хоспис в Лахте, в материальном плане очень простой, но излучающий такую любовь и заботу, что пациенты чувствовали себя в безопасности и комфорте.

С тех пор Ротари-клуб Колчестера делал все возможное, чтобы поддержать его лекарствами, оборудованием и, что еще важнее, обучением медсестер и врачей. Я всегда вспоминаю о курсах, в организации которых я участвовала. Туда приехали врачи и медсестры даже из Владивостока и двое из Сибири, которые понятия не имели о существовании друг друга и об общем интересе к этой области. Это были самые ранние дни интернета, и именно там распространялась информация об этом курсе. За эти годы под руководством Терри Маги, главы Образовательного центра хосписа Святой Елены, был проведен ряд учебных курсов. Это сыграло фундаментальную роль в развитии паллиативной медицины в Санкт-Петербурге.

Я всегда буду помнить поездку 1991 года на автобусе (единственном транспортном средстве, которое им удалось

взять напрокат) из города через лес к простому зданию рядом с церковью. Это стало началом хосписного движения в Санкт-Петербурге, наследием Андрея, у которого хватило смелости сломать стереотипы. Он учил, что уход за умирающими может стать позитивным опытом, оставляющим у семей хорошие воспоминания, которые помогут им жить дальше.

В октябре 2008 года я присутствовал на открытии нового Лахтинского хосписа и образовательного центра, достойного памятника труду и самоотверженности Андрея Гнездилова.

Майкл Сиггс

*Бывший председатель Санкт-Петербургского фонда
здравоохранения (1995–2012), сотрудничал
с Андреем Гнездиловым в продвижении и поддержке
движения хосписной и паллиативной помощи
в Санкт-Петербурге, Великобритания*

ОБ АНДРЕЕ ГНЕЗДИЛОВЕ И ХОСПИСЕ В ЛАХТЕ

Настоящим письмом вношу свою лепту в память об Андрее.

Знакомство и сотрудничество с Андреем Владимировичем в области хосписной и паллиативной помощи стали одной из величайших привилегий в моей жизни.

Я англичанин, которому посчастливилось быть призванным служить проводником для людей, переживающих муки смерти, и защищать их интересы.

В 1980 году семья Сиггсов и их друзья отправились в отпуск, чтобы посетить Москву и Ленинград. Это было время

политического обновления, перестройки и перемен. У нас были хорошие русские гиды, и мы увидели оба города, их великолепную архитектуру и культуру. В последний день, когда мы обсуждали жизнь в Ленинграде, наш помощник Николай Девяткин задал удивительный вопрос: «Кто-нибудь знает о движении хосписов в Англии?»

Я поднимаю руку! С Андреем Гнездиловым я познакомился в Лахте и стал свидетелем его удивительной жизни, как он готовил своих пациентов к путешествию из этого мира в следующий. Он был православным христианином, жившим в соответствии со своими принципами. Врачом, которому его коллеги-профессионалы были благодарны за возможность учиться. Он поддерживал неустойчивую работу сестер милосердия, сотрудничавших с Лахтой в их служении местному сообществу.

Мне выпала честь изучать историю этого места. Это было благословением, ниспосланным его основательницей, Святой Елизаветой, великой княгиней России, ныне покоящейся на Елеонской горе в Иерусалиме. Чудо? Великая русская святая Елизавета, бывшая великая княгиня рода Романовых, посвятила свою жизнь служению бедным. Она — наша икона!

Доктор Элизабет Холл, медицинский директор хосписа Святой Елены, и доктор Питер Уилсон согласились посетить хоспис в Лахте и доктора Гнездилова, чтобы обсудить варианты возможной помощи. Эта встреча стала началом 25-летней программы взаимной поддержки. В Санкт-Петербурге функционировали восемь хосписов, связанных с Москвой и всей Россией.

К сожалению, мы живем в такие времена, когда предпочитают скепсис и позицию потребности увидеть настоящие раны. Но в возрасте 90 лет я имею честь оглянуться назад и подтвердить, что был свидетелем чудес.

Андрей был большим сторонником силы колоколов; пусть они звонят в память о нем, вдохновляя нас!

ХОСПИС В ЛАХТЕ

В эпоху торжества цинизма встреча с истинным чудом невероятно воодушевляет. Лахта — небольшой поселок к северо-востоку от Санкт-Петербурга. Оттуда открывается вид на Финский залив. Лахта обладает всеми полномочиями для совершения чудес. Петр Великий отправился от ее берегов на своей парусной лодке, чтобы спасти потерпевших кораблекрушение солдат. Многие спаслись, но, к сожалению, сам Петр умер от простуды.

Елизавета Федоровна, жена наследного принца Сергея Александровича, расстрелянного во время восстания 1905 года, основала в поселке одну из своих больниц для нуждающихся. Впоследствии, во времена Большевистской революции, ей суждено было погибнуть от рук большевиков, которые сбросили ее в шахту в Екатеринбурге. Она была канонизирована Православной Церковью, а статуя в ее честь была установлена над западными воротами Вестминстерского аббатства вместе с другими статуями святых-мучеников XX века.

Когда британский журналист Виктор Зорза и российский пионер хосписной помощи доктор Андрей Гнездилов обратились к президенту Горбачеву и мэру Ленинграда Анатолию Собчаку с просьбой выделить место для создания первого хосписа в постсоветской России, власти Ленинграда предложили им простое помещение — то, что осталось от больницы Елизаветы Федоровны.

Многое написано о суровых условиях, в которых Гнездилов и его самоотверженные сотрудники работали над созданием хосписа и системы полноценной паллиативной помощи в местном сообществе, обслуживавшем полмиллиона человек. Существовало мнение: «Зачем тратить время и деньги на уход за умирающими?». Не было даже аспирина, чтобы облегчить страдания умирающих. Движимый чувством со-

страдания, доктор Гнездилов помогал страждущим, используя комплексный подход. 90% пациентов, умерших в хосписе, умерли как православные верующие.

Группа туристов из Колчестера узнала о недавно созданном хосписе. После визита британских врачей, волонтеры предприняли попытку оказать помощь, предоставив финансовые средства, лекарства и оборудование для создания медицинского пункта в Лахте и еще одного — в Колпино, на противоположной стороне города.

Местный комитет здравоохранения финансировал базовую заработную плату персонала, но не более того. Члены Ротари-клуба из Колчестера основали второй Ротари-клуб в Санкт-Петербурге — клуб «Нева» на правах партнеров в проекте поддержки развития хосписа. Участников проекта вдохновляло реальное проявление чувства любви и сострадания к умирающим в Лахте. То, как мать ухаживала за неизлечимо больным сыном, страдающим от рака позвоночника, было для них символичным. Замечательным результатом работы хосписа стало появление сестринства медсестер, взявших на себя заботу о детях-сиротах.

Одной из причин развития хосписа стало активное участие британских волонтеров и членов российского гражданского общества в поддержке его персонала. В самый разгар экономического спада в России для сотрудников были организованы продуктовые наборы. Так случилось, что некоторые из этих продуктовых посылок прибыли как раз перед Пасхой, и сестры с облегчением отметили, что в них не было мяса! Был организован магазин при хосписе, где продавались подержанные товары, поставленные британцами, а вырученные средства направлялись непосредственно сотрудникам в качестве прибавки к зарплате. Партнеры смогли отстоять свои интересы в правительстве Санкт-Петербурга вплоть до уровня мэра. Поддержка госпожи Нарусовой, жены, впоследствии вдовы Анатолия

Собчака, была высоко оценена. Городские власти позаботились о назначении в Комитет здравоохранения Санкт-Петербурга должностного лица, ответственного за развитие хосписной помощи в городе.

Одна из просьб врачей, медсестер и лиц, оказывающих уход в хосписе, касалась обучения российских специалистов принципам британского опыта. Организаторам удалось договориться о визите российских врачей и медсестер в Великобританию, где они посетили хоспис Святой Елены в Колчестере и прошли там обучение. Впоследствии, благодаря директору по образованию хосписа Святой Елены Терри Маги, в Санкт-Петербурге были организованы курсы, подготовленные организатором образовательных программ Санкт-Петербургского фонда здравоохранения г-жой Сью Бевен, и российские участники приезжали не только из Санкт-Петербурга, но также из других регионов России, и, конечно же, из Москвы. С британской стороны были налажены связи с российскими партнерами, работающими через Первый медицинский университет имени Павлова, для продвижения концепции и практики хосписной и паллиативной помощи.

Благодаря постоянному присутствию и отстаиванию необходимости предоставления хосписной и паллиативной помощи для неизлечимо больных Санкт-Петербурга Комитет здравоохранения города и районный комитет осознали преимущества этой помощи, и в целом при больницах было создано 8 хосписов и хосписных отделений.

Все чаще поступало финансирование от местных районных органов здравоохранения. Поставки обезболивающих препаратов расширялись, но, как и в других частях мира, контроль за доступностью и распространением лекарств шел медленно. Хосписная и паллиативная помощь стали долгожданным дополнением к медицинским услугам в России, масштаб которых в настоящее время достиг порядка 70

хосписов и хосписных отделений по всей Российской Федерации и странам бывшего СССР.

В 2009–2010 годах местные органы здравоохранения Лахты взяли на себя обязательство создать новый хоспис, и как раз для ознакомления с этим новым проектом представители британских волонтеров посетили Лахту 9 октября. Британская делегация была поражена увиденным — это был огромный комплекс с современным оборудованием, идеально подходящий для паллиативной помощи. В нем расположились 50 койко-мест для пациентов и помещения для дневного ухода. В целом это чудесное место, из палат хосписа открывался вид на Финский залив.

КОМНАТА КОЛЧЕСТЕРА

В ознаменование завершения работы Санкт-Петербургского фонда здравоохранения, которая в различных формах продолжалась более 20 лет, британская делегация и представители Ротари-клуба «Санкт-Петербург Нева» торжественно открыли в комплексе хосписа специальное помещение, предназначенное для отдыха и консультирования персонала хосписа, взявшего на себя тяжелое бремя ухода за неизлечимо больными.

Мэр Колчестера, госпожа Соня Льюис, вручила председателю попечительского совета Майклу Сигтсу памятную табличку с изображением герба Колчестера, на котором запечатлен живой зеленый крест вместе с изображениями гвоздей и трех корон. Зеленый крест символизирует Животворящий Крест, который Святая Елена нашла во время своего путешествия в Иерусалим. Святая Елена является покровительницей Колчестера и Колчестерского хосписа, основанного в 1985 году. Доктор Элизабет Холл, бывший медицинский директор хосписа Святой Елены, была членом

делегации, посетившей хоспис. Именно ее доклад, написанный в 1991 году и посвященный работе хосписа «Лахта», вдохновил ротарианцев и других жителей Колчестера на то, чтобы заняться оказанием хосписной и паллиативной помощи в качестве своего клубного проекта. Муж госпожи Элизабет Холл, доктор Крис Холл, бывший мэр Колчестера, вручил мемориальную табличку доктору Станиславе, медицинскому директору хосписа в Лахте, в присутствии Андрея Гнездилова, человека, который стал символом российского хосписного движения, одним из его основателей.

Работа доктора Гнездилова по развитию хосписного движения в России была отмечена Эссекским университетом, который в 2001 году присвоил ему почетную докторскую степень.

Прах Виктора Зорзы, одного из соинициаторов российского хосписного движения, был развеян над фундаментом нового хосписа.

Как сказал Уинстон Черчилль: «Это еще не конец, даже не начало конца, а, пожалуй, конец начала». Эту фразу также можно отнести ко вкладу России в мировое хосписное движение, которым искренне гордятся фонд «Друзья» и представители движения Ротари.

Далее в программе конференции прозвучала запись концерта, который состоялся в рамках Всемирной благотворительной акции «Голоса для хосписов» 4 октября 2003 года. Большой зал филармонии, Санкт-Петербург.

Гендель «Аллилуйя» из оратории «Мессия».

Исполнители: Калининградский камерный оркестр, Государственный камерный хор Санкт-Петербурга, хор Lege Artis, участники Санкт-Петербургского фестивального оркестра.

Дирижер — К. Воландер.

Кристофер Воландер

Дирижер, Филармонический оркестр Лундаланда, Швеция. Учился в Королевском северном музыкальном колледже в Манчестере и в Санкт-Петербургской государственной консерватории. С 2004 по 2007 год занимал должность художественного руководителя Северного музыкального фестиваля в Санкт-Петербурге.

Сотрудничал с Симфоническими оркестрами Петербурга, Калининграда, Исландии, оркестром Государственного Эрмитажа, академией Мариинского театра, Симфоническим оркестром Южной Ютландии и другими.

С 2010 года Кристофер Валандер руководит профессиональным Лундаландским филармоническим оркестром на юге Швеции.

Затем в программе конференции был показан документальный фильм об А.В. Гнездилове «Сказочник» (The storyteller), 2017 г.

Автор Н.А. Щеголев, г.Санкт-Петербург

Щеголев Николай Альфредович

Титулован как Hasselblad Master — один из трех в России, один из 100 в мире. В 2023 получил награду «За выдающиеся заслуги в области фотографии» из рук наследного принца Шарджи (ОАЭ). Изобретатель, 3D печатник, лазерорезчик. Школьный учитель. В детстве разработал и воплотил в жизнь процедуру зашивания порванных крыльев бабочкам, возвращая им способность летать.

Ниже приводятся слова А.В. Гнездилова, звучащие в фильме.

В старинном замке скребутся мыши;
В старинном замке, где много книг,
Где чуткий шорох был еле слышен,
В ливрее дремлет лакей-старик.
В старинном замке больна принцесса,
В подушках белых, прозрачней льда...
И только слышно на башне древней
Стучат часы: всегда... всегда...

Вот это стихотворение Алексея Толстого, оно как-то в меня впиталось буквально. Я закончил школу, пошел в педиатрический институт, потому что хотел стать детским врачом, спасать маленьких принцесс, которые ждали своего врача, я их развлекал сказками и так далее.

Мои подопечные дети что-то слушали, что-то пропускали мимо ушей. Во всяком случае, меня не спрашивали, когда вовлекали в какие-то игры, которых я и сути не знал. Когда я оказывался в не очень ловком положении, ругал их на та-рабарском языке и однажды обозвал их волками, которые не слушаются законов стаи. Они сказали: «Ах, мы волчата, тогда вы для нас самый настоящий медведь, не просто медведь, а медведь-Балу из Кипплингского Маугли». Я, естественно, избрал среди них самого отчаянного мальчика, которого прозвал Маугли. Ну и, соответственно, получил это название Балу.

Можно считать, что сказки я начал писать впервые сам для себя. Я обычно гулял с матушкой и пытался увлечь ее своими фантазиями. Она говорила: «Если ты хочешь сказку, сочини ее сам для себя». Чему я и последовал, стал сочинить сказки для себя.

Когда я начал работать в хосписе, мне понадобилась специфическая психотерапия. Самое удивительное, что этот интерес мой к сказкам нашел какое-то применение. Поскольку сказка всеобъемлющая, она бывает не только вербальная. Она

может быть зрительная, и сказка всегда является сюжетом, моделированной реальностью, которая отражается в персонажах, а персонажи дают начало куклотерапии. А куклотерапия может сочетаться с музыкотерапией, в частности, с колоколотерапией. Эти направления, они как бы всеобъемлющи, потому что опираются на человеческие архетипы.

Наверное, нужно быть всегда, даже заранее, благодарным своим родителям за то, что они были в твоей жизни и как-то отпечатались в тебе самом. Для меня моя матушка представляет собой целый конгломерат самых невероятных вещей, которые она то воплощала, то собиралась воплощать. Но главное, стоит подчеркнуть ее творческий характер. Она была скульптором и была настолько предана своему делу, что занималась скульптурой до последнего дня своей жизни.

Моя специальность набрасывает на меня особое отношение к психотерапии, потому что это основной метод нашего взаимодействия с больными, которые должны не только подготовить себя к великой минуте перехода в иной мир, но и должны как-то подумать о своих родственниках, которые остаются большими сиротами, чем сами больные...

С первых дней работы в хосписе мы старались, чтобы наши больные уходили не просто так, не оставляя следа в нашей памяти, в памяти родственников, близких. И поэтому мы завели книгу, в которой записывали последние слова больных, пожелания. И они сочетались с фотографиями, которые приносили больные из дома. И получалась своего рода история хосписного движения, обрамленная высказываниями самих больных об их переживаниях, которые предшествовали таким серьезным моментам жизни, в которых бывает каждый рано или поздно.

Исходя из общей тенденции, могу сказать, что призыв религиозных теорий к тому, чтобы искать прежде всего смысл жизни, — ищите прежде всего Царствие Небесное, остальное приложится. И мне кажется, что это именно то, что стоит заповедовать будущим поколениям, потому что жизнь наша временна.

Милютина Юлия Валерьевна
*Исполнительный директор
Ассоциации профессиональных
участников хосписной помощи
(АПУХП), специалист по
управлению в социальной сфере,
г. Москва*

ДАВАЙТЕ ВМЕСТЕ БЫТЬ РЯДОМ

Добрый день, уважаемые коллеги. У многих сегодня дрожит голос. Я с 2008 года в хосписной паллиативной помощи. Конечно, готовила доклад, а сейчас понимаю, что часть слайдов я пролистаю, потому что многие специалисты говорили как раз о тех вещах, которые я тоже собиралась затронуть. Но, наверное, я сделала это и для себя, и я благодарю организаторов, что пригласили снова, заставили окунуться в эту историю, вспомнить, поработать, подумать. После этого фильма я просто даже не знаю, что еще можно сказать, потому что в эти 10–12 минут так много вложено того, что делал Андрей Владимирович Гнездилов, что он нам дал. Последний кадр, когда он стоит на берегу Финского залива, мне кажется, целым космосом, целым миром, который о многом говорит: он с нами, Андрей Владимирович, но пошел куда-то дальше, где гораздо больше всего... Но, я постараюсь сейчас совладать со своими эмоциями и сказать по теме.

Многогранен Андрей Владимирович, несомненно. Многие говорили, что в первую очередь он был Человек. Хочу сейчас вспомнить двоих людей. Андрея Владимировича Гнездилова, сегодняшний день — это его день, день основателя хосписного движения у нас в стране. Но для меня есть еще один очень важный человек, повлиявший на мое становление

как специалиста в паллиативной помощи — это Вера Васильевна Миллионщикова. Эти два человека для меня, для всех нас оставили заповеди, заветы. Заповеди хосписной помощи, к которым мы постоянно обращаемся. Я держу их на своем рабочем столе. В прошлом году, когда меня приглашали для выступления, я как раз вспоминала про эти заповеди. Мы тогда нашли их первую редакцию.

Хочу сказать о ценности этих встреч, которые, я уверена, надо продолжать. Мы будем находить все новые артефакты, истории, документы. На каждом углу сейчас говорим, что память — это та основа, на которой мы стоим. Память об этих людях, об Андрее Владимировиче и о Вере Васильевне, очень нужна нам, живущим сейчас, и тем, кто будет продолжать следовать их философии. Это основоположники паллиативной помощи в России: Андрей Владимирович в Санкт-Петербурге, Вера Васильевна — в Москве. Они много работали как вместе, так и параллельно. Они изменили в нашей стране культуру отношения к человеку, завершающему жизнь, и мы обязаны не забывать об этом и нести эти знания дальше. Мне очень отрадно, что многие присоединились к конференции. С утра я смотрела и думала, что мне придется отрываться от трансляции на другие дела, но я не могу оторваться. Даже когда я отхожу ненадолго, я опять хочу сюда. Потому что здесь тепло и кажется, что все друг друга знают, хотя в действительности нет. Я знаю нескольких человек из тех, кого я вижу на экране. Но здесь очень комфортно и безопасно. Здесь присутствуют прекраснейшая Татьяна Федоровна, что ухаживает в гериатрическом центре за пациентами, преподаватели из Оренбурга, молодые психологи. Так радостно, что привлекаются молодые специалисты в эту отрасль, приобщаются к философии помощи человеку новые и новые люди.

Этот слайд — дань памяти тем людям, которые, как сказала Диана Владимировна, заложили фундамент, о котором мы

обязательно должны помнить, а за фундаментом надо следить и поддерживать, чтобы здание стояло. Посмотрите, традиционная картинка на которой представлена паллиативная помощь в Российской Федерации. Мы все знаем определение паллиативной помощи. Суть ее, в общем-то, ясна. Облегчение страданий через купирование боли, психосоциальную поддержку, духовную поддержку. Но главное — не лечение симптомов, хотя медицинский аспект, конечно, присутствует, главное — поддержка. Задача, смысл и философия этой помощи — поддержка и сопровождение пациентов, человека.

Андрей Владимирович умел мягко так сказать: «А ты должна сделать». И у тебя появляется желание, ты идешь и делаешь. Вот ровно так же и Вера Васильевна: когда я работала в Первом Московском хосписе, приходила на нашу конференцию утреннюю на выездной службе и что-то такое скажет, и ты прямо хочешь идти и что-то делать, и отдавать, и получать от пациентов, потому что нас так учили. Вера Васильевна всегда говорила: «Вы можете от пациента получить даже больше, чем можете ему дать». И это правда. Когда готовилась, я думала: ну что можно сказать лучше, чем сказали эти люди? Вот они основные мысли искусства быть рядом с человеком. Это то, что сейчас, мне кажется, в нашем мире теряется, а нам надо сохранить, постараться не потерять. Мы проводим школы по уходу за тяжелобольными пациентами, очные и онлайн. Обсуждали тему робот или не робот, искусственный интеллект или человек, и понятно, что без человека не обойтись. Как сказала Татьяна Федоровна, руками работайте, руками. А без тепла этих рук, без включенности, наверное, не получится того самого человеческого, что мы боимся потерять. Надо исключить суету.

Возвращаясь к заповедям хосписа, хочу сказать: остановитесь! Мы и так бежим в этом мире. Я говорю коллегам, когда они приходят: «У вас есть момент немножечко притормозить». Это важно. В этот момент важно побыть у постели,

побыть с этим человеком и, может быть, даже помолчать. Дальше я приведу цитату Андрея Владимировича на эту тему. Две минуты — много это или мало? Вот я сейчас говорю, даже по времени засекаю, чтобы не перевернуть время. В двух минутах может столько вместиться, столько быть вложено, если ты действительно погружаешься и находишься рядом с человеком! Не дать человеку быть одиноким. «Люди плачут не оттого, что болит, а оттого, что они одиноки или оттого, что ими брезгают». Тоже нужно понять, осмыслить. И одиноким можно быть в присутствии: «Подойдите молча, сделайте и уйдите. Нечего разговаривать». Так же, как в детдомах, говорят: «Не берите их на руки». Так не может быть. Это не то, чему нас учили Андрей Владимирович и Вера Васильевна.

Страхи тяжелобольного всем вам знакомы, тут все в основном психологи. Я очень благодарна, что пришлось в это погрузиться снова, потому что сейчас у меня в основном бумажная работа, но ведь наша задача в том, чтобы человек чувствовал, что он не один, и чтобы ему не было страшно. И нам самим, уважаемые коллеги, тоже ведь этого хочется. Чтобы нам было не страшно, чтобы нам было безопасно, чтобы была возможность высказаться. Вера Васильевна говорила: «А почему вы считаете, что человек, тот, что лежит, не хочет также мечтать, чего-то хотеть, что-то делать? Поговорите, спросите, он вам откроется». В этом наша задача, в этом суть.

Хотела рассказать один случай. У нас вышла дискуссия со специалистами по поводу шкалы боли. Конечно, мы оцениваем боль по шкалам, мы медицина, паллиативная помощь отнесена к медицинскому виду помощи. Есть шкалы боли для невербальных пациентов, взрослых и детей. Пришлось прояснять одну ситуацию. Разговариваю со специалистом, который ведет детей, и она говорит: «Знаете, Юлия Валерьевна, я посмотрела, а у взрослых есть такой пункт при оценке боли: «Насколько я могу утешить?». А нам в детский вариант тоже надо». Ребенок может кричать, но ведь это не всегда

может быть боль, это может быть страх. Нам надо подумать, пересмотреть. Это тоже критерий, показатель. Боль, гримаса у невербального пациента — насколько я могу его утешить? Возможно, это какая-то другая боль. Я не психолог. Вы тут психологи, вы, наверное, лучше знаете, как действовать. А мы, персонал медицинский и не медицинский, в любом случае должны тоже уметь это делать.

Слово утешить понятно всем, понятно, что происходит в момент, когда ты держишь пациента за руку, говоришь спокойным голосом, теплой рукой гладишь, ты рядом, ты присутствуешь, и человек успокаивается. Тогда ты понимаешь, что, может быть, его беспокоит даже не физическая боль.

И вот они, заповеди хосписа. Мое любимое настольное чтение. Оно короткое, но очень емкое, и мне важно, что эти два человека в симбиозе сделали для нас. За это им большое спасибо. Хочу еще процитировать: «Незапланированный визит не менее ценен, чем визит по графику. Чаше заходи к пациенту. Не можешь зайти — позвони, не можешь позвонить, вспомни и все-таки позвони». Это немаловажный момент — именно поговорить. Ведь зачастую нам тоже не хватает простых «поговорить». Эсэмэски, пиктограммки какие-то. Где-то самое человеческое общение?

Я очень благодарна за эту встречу. Конечно, это конференция научная, практическая, но это и Встреча. Это возможность увидеться и поговорить. Спасибо огромное за эту возможность быть людьми. Даже если времени мало, его достаточно, чтобы сделать все возможное. А если ты думаешь, что не все успел, то общение с близкими ушедшего или уходящего успокоит тебя. Может быть, человек уже при смерти, и ты разговариваешь с родственниками, это тоже дорогого стоит. Это важно и для родственников, и для тебя, когда ты реально в моменте с этой семьей, поверьте. Много могу примеров привести своих личных, когда это так, и это тебя тоже обогащает.

Что значит быть внимательным и чутким? Андрей Владимирович всей своей жизнью показал, как это. Сколько всего про него говорят! Он и педиатр, и психотерапевт, и сказочник. Каждый вспоминает какие-то свои моменты. Мне тоже повезло быть с ним знакомой, хоть и не так близко. Он приезжал, читал нам лекции, были встречи, которые я старалась не пропускать. Когда смотришь на фотографии, слайды, обращаешь внимание на его взгляд. Тут говорили о том, что можно быть и незнакомым с человеком, но считать его учителем. И я говорю, что Андрей Владимирович — мой учитель. И Вера Васильевна — мой учитель. А что значит учитель? Можно заучивать информацию: учитель дал — ты выучил, но ученик — это не тот, кто зазубривает, а тот, кто смотрит, как делает учитель, и старается это повторить. Знаете, я помню, как Андрей Владимирович в холле хосписа читал нам лекцию. Он у меня прямо сейчас перед глазами. Это ощущение даже помню.

Помню, как Вера Васильевна разговаривала с нами, как она с персоналом общалась, подмечала какие-то детали. Это тоже наложило отпечаток на мою жизнь руководителя. Я понимаю, что это такая модель «выигрышная», как Вера Васильевна говорила: «Добрый быть выгоднее. Вы поймите, добрый быть выгоднее, внимательным и добрым».

Быть внимательным и чутким — это умение. Вот один из моментов: родственники в горе не выдерживают тишины, поэтому, если с ними молчишь, они наконец-то начинают говорить. Я думаю, что, наверное, вы как психологи тоже этот прием используете. Я не психолог, никто меня поначалу, когда я пришла в паллиатив, этому не учил. Но я внимательно смотрела: вот Вера Васильевна говорит, потом замолкает... Как она общалась с пациентами! По средам у нас были обходы. Это было удивительно, как она подходила к каждому. 30 человек в хосписе, мы всех обходим, но она подходила к каждому индивидуально, и человек раскрывался, начинал рассказывать. А специалистам это важно, это помогает по-

нять тактику поведения с этим пациентом и абсолютно точно дает результат. Это к вопросу о том, все ли мы сделали, когда помогли и проводили человека: погружаться в человека, быть с ним рядом в моменте очень важно.

Как быть рядом? Практические шаги на этом пути вы все знаете, не буду на этом останавливаться. Единственное, о чем хочу сказать в конце, — это забота о себе. Она необходима, чтобы быть в тонусе, идти дальше помогать. У Андрея Владимировича я это находила, и Вера Васильевна всегда об этом напоминала, что надо уметь отдавать, но надо и уметь восстанавливаться, думать о себе, чтобы не умирать рядом с одним пациентом, а иметь силы и возможность идти помогать тысячам.

Снижение уровня боли, тревоги, ощущение осмысленности, поддержка семьи в трудный период, формирование культуры милосердия в обществе, вот наши с вами задачи, коллеги. Я так рада, что все продолжается, что есть новые люди, так важно сохранить и транслировать эти знания, чтобы культура милосердия у нас не умерла, а развивалась.

Это наша с вами задача, и будем стараться это делать. Конечно, поддержка семьи очень важна. Вера Васильевна говорила: «Как мы с ними, так и с нами будет». Важно быть рядом с пациентом, быть рядом всем нам, чтобы реализовать ту самую правильную качественную помощь. Вот и название моего доклада: «Давайте вместе будем рядом». Это и психологи, и медицинские сестры, и волонтеры, это и сама семья — пациент и его родственники. Когда получается та самая правильная паллиативная помощь и человек уходит спокойно, тогда, наверное, мы сделали все правильно. И семья остается с грустными, но теплыми воспоминаниями.

В заключение резюмирую: быть рядом — это не обязанность, а дар, который мы можем дать другому человеку. Наследие Гнездилова и Миллионщиковой — это философия человечности и не только в медицине, а в целом нашем человеческом обществе.

Давайте учиться быть чуткими, внимательными и присутствующими для других. И, возможно, когда-то для нас... каждый для себя подумает, что бы мы хотели, чтобы было для нас? Наверное, то же самое...

А это небольшие кадры нашего Первого Московского хосписа. Хочется на чем-то позитивном закончить, хосписы — это про жизнь, это про жизнь до конца. И именно с таким настроем мне хочется, чтобы мы с вами шли дальше и были друг с другом рядом. Были рядом с нашими подопечными и с нашими близкими. Благодарю всех за внимание.

Ассоциация хосписной помощи* открыта для того, чтобы просвещать специалистов в вопросе оказания паллиативной помощи. Коллеги, подключайтесь, вступайте в ряды Ассоциации, делитесь своим опытом. Ассоциация максимально открыта к общению.

И медицинские сестры, и врачи, и волонтеры, и социальные работники — немаловажная часть в нашей с вами работе. Буквально вчера мы провели школу для волонтеров, которые будут работать здесь у нас в Москве, в госпиталях для ребят после СВО. Хочу еще напомнить, что Андрей Владимирович Гнездилов стоял у истоков создания ассоциации. Он был членом правления ассоциации, и когда он ушел, правлением было принято решение оставить его членом правления, не юридически, конечно, но на сайте и, по сути, Андрей Владимирович остается членом правления навсегда, потому что это путеводная звезда, ориентир для нас. И Вера Васильевна тоже.

Спасибо за внимание. Может, сбивчиво, но уж очень волнующей оказалась для меня эта встреча. Спасибо огромное.

* Ассоциация хосписной помощи- занимается формированием стандартов оказания паллиативной медицинской помощи в целом и оказанием комплексного содействия развитию сети хосписных учреждений для взрослых и детей. Выступает организатором и участником всех значимых мероприятий в области паллиативной медицины и хосписной помощи. Сайт: <https://pro-hospice.ru/about/>

Гаранина Мария Михайловна

*Клинический психолог,
логотерапевт; медицинский
психолог ГАУЗ ЛО Детский
хоспис; медицинский психолог
ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава
России; старший преподаватель
кафедры клинической психологии
ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава
России; преподаватель
программы «Логотерапия
и экзистенциальный анализ»
Высшей школы логотерапии
Московского института психоанализа
в г. Санкт-Петербург*

ЗАБОТА О ДУШЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ЛОГОТЕРАПИИ В ХОСПИСЕ

Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я очень рада здесь присутствовать и благодарна организаторам за возможность рассказать сегодня про логотерапию, про то, каким образом мы как логотерапевты работаем, чем поддерживаем. Я работаю в области паллиативной помощи детям, логотерапевт, преподаватель. Очень ценно выступать после Юлии Валерьевны, которая рассказала про хоспис, напомнила о его заповедях.

Мне сегодня важно говорить своими словами, делиться наблюдениями, и, может быть, чуть глубже познакомить вас с логотерапией.

Мы с вами знаем, что хоспис — это мировоззрение, определенная философия. Это не только стены — несомненные стены, — но именно мировоззрение, в центре которого человек, его жизнь, его возможности, его окружение, его семья, его драгоценные минуты, его мечты, он сам и его интересы.

Это про того человека, который находится в нашем доме. Мы всегда говорим, что у нас не учреждение, а дом, в котором мы помогаем, находимся, совместно живем то время, которое можем и должны быть вместе.

Хоспис — это люди. Я про тех, кто там работает, служит, приносит свои истории, а затем уходит. По принципу кругов на воде они дальше рассказывают истории — необязательно словами — тех людей, с которыми мы все встречаемся.

Конечно, все это невозможно без безусловного принятия человека, без того, чтобы видеть его в каждый момент его жизни. Это мировоззрение гуманизма, как говорил Андрей Владимирович Гнездилов.

Логотерапия — это терапия, направленная на смысл. Ее основоположник — Виктор Франкл. Как удивительно: сегодня, вспоминая Андрея Владимировича, мы говорим, что он врач, педиатр, психотерапевт, основоположник сказкотерапии. А когда мы говорим про Виктора Франкла, мы говорим, что он врач, невролог, психиатр, основоположник логотерапии. В своих книгах Андрей Владимирович ссылается на Виктора Франкла, и, наверное, вдвойне радостно, что мы можем это объединить и посмотреть вместе.

Согласно логотерапии, жизнь безоговорочно имеет смысл в любой момент, и в любой момент этот смысл может быть обнаружен. Мы с вами сегодня, слушая друг друга, говорим о смыслонаполненности, о смысле. Андрей Владимирович в фильме говорит про смысл жизни. Логотерапия утверждает, что смысл жизни не может быть обнаружен при жизни; он открывается только тогда, когда жизнь завершилась, потому что только тогда видно все путешествие, совершенное человеком.

Мы всегда постулируем неоспоримое достоинство личности. Каждый выступающий сегодня говорит об этом. Это относится и к болеющим людям, включая неизлечимо болеющих.

Логотерапия видит человека как свободное существо. Благодаря ответственности мы отвечаем на вопросы жизни.

Еще мы говорим об уникальности человека и уникальности ситуации. Смысл, который может быть постигнут, открыт, обнаружен, — это смысл момента: вот того уникального человека и той уникальной ситуации, которая есть.

В паллиативной помощи, в хосписной помощи мы всегда подчеркиваем уникальность человека вне зависимости от возраста и состояния. Уникальность конкретного человека и конкретной ситуации, в которой находится семья, наш подопечный. И мы всегда решаем, исходя из этой уникальности.

В. Франкл писал: «У каждого есть свое особое призвание. Каждый человек незаменим, а жизнь его неповторима. И поэтому задача каждого человека настолько же уникальна, насколько уникальна и его возможность выполнить эту задачу». Сегодня в самом начале прозвучал вопрос-напутствие: можем ли мы продолжать? Мне видится, что не просто можем — наверное, в этом и есть наше призвание, потому что мы что-то знаем. Мы сейчас те руки, которые передают знание, умение, заботу и любовь, которым когда-то нас научили Андрей Владимирович Гнездилов, Виктор Эмиль Франкл, Вера Васильевна Миллионщикова, огромное количество людей, которые есть рядом с нами сейчас и благодаря которым мы учимся. И абсолютно точно — все те люди, которых мы встречаем в жизни, особенно в конце их жизни, потому что они являются свидетелями своей неповторимой жизни, уже состоявшейся в той части, в которой она состоялась.

«В общении с нашими пациентами иные, не материальные ценности мира ощущаются куда как острее, чем в повседневности», — писал Андрей Владимирович Гнездилов. Логотерапия показывает возможности обнаружения смысла. Когда мы говорим про смысл — это то, что должно быть, что может быть осуществлено, лучшее из возможного. Андрей Владимирович в фильме тоже об этом упоминал.

Каким образом мы можем делать это? Через творчество — то, что человек может дать миру. Наша профессия, специаль-

ность, рукотворные дела. Это ценности переживания — то, что человек может принять от мира. Одна семья, мама, поделилась: «Знаете, мне всегда казалось, что ценности — это что-то материальное». Столкнувшись с тяжелой болезнью ребенка, в конце его жизни, она поняла: «Важно, когда мы вместе смотрим на осенние листики, на озеро, на красивый мир и вместе это подмечаем». Для этого у нас всегда есть возможность посмотреть наверх, заметить момент мира и пережить определенное чувство в этот момент времени.

Еще самое важное: поскольку мы существа, обладающие свободой и многими специфически человеческими качествами, говоря языком логотерапии, — тем, что недоступно животному миру и что никогда не может быть затронуто болезнью. Болезнь не затрагивает наши человеческие способности: юмор, интерес, любовь. И не затрагивает возможность нашего отношения, той позиции, которую мы можем занять.

Элизабет Лукас, ученица Виктора Франкла, в одной из книг пишет: «Обстоятельства, с которыми мы сталкиваемся в жизни, могут быть и мучительными, и радостными, но они всегда материал, нуждающийся в оформлении». Логотерапия говорит о смысле страдания. Страдание не приводит к неперенной утрате смысла, а позволяет открыть новые смыслы. Человеческая жизнь сталкивается со своей трагической стороной: со страданием, смертью. Болезнь — одна из разновидностей страдания. При этом не всегда болеющий человек — это страдающий человек, он может как-то к этому отнестись. Нам, психологам, врачам, нянечкам, медсестрам, волонтерам, людям, которые рядом, — потому что человеку всегда нужен человек — важно, какую позицию человек займет к тому, что происходит в его жизни, к страданию, которое пришло.

Смерть придает смысл человеческому бытию. «Что бы произошло, будь наша жизнь не ограничена во времени, но бесконечна?», — писал Виктор Франкл. Определенные гра-

ницы придают осмысленность жизни. Мы проживаем жизнь, осуществляя уникальные задачи, которые может осуществить только этот уникальный человек.

Сегодня звучало важное слово — утешение. Задача нас, людей, находящихся рядом с человеком, который столкнулся с сомнениями, страхом, болью, одиночеством — и это естественно, мы как специалисты знаем про естественные стадии эмоционального принятия, — убедить его, что есть абсолютно надежный способ существования. Это прошлое, все, что в жизни уже сложилось. Оно никуда не может деться, оно увековечилось.

Наша встреча сегодня — тому подтверждение: мы вспоминаем Андрея Владимировича Гнездилова, его учеников, соратников, наших подопечных, маленьких и больших. Многих нет уже рядом, но мы продолжаем говорить об их делах, продолжаем дела, которые они начали. Мы учимся у них и несем это учение дальше. Ничто не может это забрать или изменить.

У нас есть время, которым мы располагаем. Это наше настоящее. И у людей, которые готовятся к умиранию, знают о приближении смерти, есть это настоящее: эти минуты, секунды — все время, которым они располагают.

В практике мы встречаем людей с серьезными неизлечимыми заболеваниями, которые знают прогнозы жизни. Они не всегда видят только страдание. Они могут увидеть в страдании и приближающейся смерти дар. Потому что что-то открывается, меняется отношение к миру, переживание мира, важное выходит на первый план и становится очевидным. Все, что еще может быть прожито человеком. Это касается и нас, находящихся рядом, в сопереживании, в сопроживании моментов, о которых мы говорим сегодня. Мы продолжаем учиться и открываем возможности, которые дает жизнь.

Если говорить о практической стороне, то истории, которые звучат, хорошо иллюстрируют, что человек, отвечаю-

щий на вопросы жизни, может давать великолепные ответы. В диалоге, в совместном времени можно находить: что еще для меня есть возможность? Что я могу делать? Если не могу делать — как могу воспринимать? Что смотреть? Чему радоваться? Может быть, не прямо сейчас, но в жизни было много того, о чем я могу вспомнить и к чему обратиться. У меня могли быть мечты, на которые в суете не хватило времени, и я могу к этому вернуться. Я могу переживать. Обо мне кто-то может заботиться, я могу о ком-то позаботиться. В фильме были чудесные фразы подопечных хосписа про заботу о другом. Вот этот момент, где мы заботимся о людях и люди заботятся о нас, тоже придает осмысленность жизни.

Еще важный момент — чувство глубокой благодарности. Благодарность обладает невероятной исцеляющей силой. Благодарность за моменты, которые сейчас, за возможности, которые были, за то, что кто-то был в жизни. Это чувство благодарности и человека, готовящегося к смерти, и тех, кто остается. Встреча, которую вряд ли кто-то хотел бы отметить, — это определенный подарок: кто-то встретился, провел время. И главное — это время было столько, сколько состоялось. В чувстве благодарности не только приходит утешение, но и открываются смыслы.

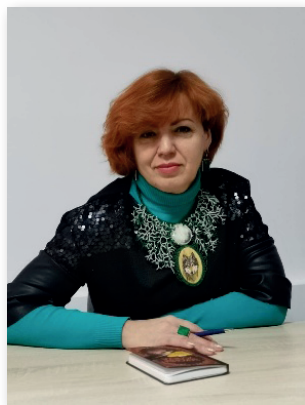
В завершение поделюсь двумя мыслями. Андрей Владимирович Гнездилов: «Какими бы ни были наши представления о жизни и смерти, человек, обреченный на преждевременный уход из жизни, вправе прожить свой последний час, осознавая и весь его трагизм, и все его величие». Виктор Эмиль Франкл сказал: «Страдание делает человека проницательным, а мир прозрачным».

Слова, которые звучат сегодня здесь, в удивительно теплой, домашней обстановке, с ощущением, что мы все давно знакомы, даже если видим друг друга впервые. Истории людей, которые нас привели, истории тех, кто нас учил и продолжает учить. Мы продолжаем быть их учениками и уже

учим кого-то, делимся. Мы тоже где-то подчеркиваем прозрачность этого мира.

И последнее. Знаете, два человека, которых я сегодня упоминала, — это потрясающие истории из жизни, личности фундаментальные, огромные. Важно помнить: не только слова, но и поступки, то, как мы живем, — все взаимосвязано. Андрей Владимирович Гнездилов говорил и жил так, как говорил. Виктор Франкл не просто рассказывал — он жил так, как говорил. Оба служили своему делу, ценности человеческой жизни, ее достоинству и любви в самом широком понимании. Спасибо большое.

Яровая Галина Алексеевна
*Психолог, сказкотерапевт,
член Международной
Ассоциации Сказкотерапевтов,
практика 24 года.
Директор АНО «Дом-музей
кукольных историй»,
г. Майкоп*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛЬЗА КУКЛОТЕРАПИИ

Я помню, как объяснял Андрей Владимирович Гнездилов эффект куклы: «Кукла — это один из атрибутов сказки, а поэзия сказки спасает, создает внутренний мир, который человека поддерживает в трудную минуту».

Первый вопрос, который мы обычно задаем посетителям в музее: сколько лет существуют куклы, игрушки? И, вопреки мнениям интернет-знатоков и даже вопреки археологам, берем смелость говорить, что игрушки существуют столько, сколько существуют в этом мире дети, потому как развитие человека изначально происходит через познание в игре, в фантазии, в приобретении навыков взаимодействия. Не важно, о какой именно игрушке идет речь: палка, ставшая мечом или лошадкой, тряпочка, свернутая в ляльку. Даже если родитель не позаботился об игрушке, ребенок способен придумать ее сам. Ценность игрушки, особенно олицетворенной, велика именно в детском восприятии безусловности! Издревле люди олицетворяли образ природы, природных явлений, божеств, животных, растений и т.д. Не даром говорят, что человек есть то, во что он верит. Это и есть его личный выбор, его вера, способ его действий.

Куклы-игрушки — олицетворение близкого существа, особенно в условиях ограниченного доступа к реальному близкому человеку. Это возможность неограниченного доступа. Ведь с игрушкой можно общаться и она непременно вам ответит именно так, как вы хотите, или промолчит, спокойно выслушает, а быть может даже вытерпит или посоветует, посочувствует. Мудрое изречение: «Будьте как дети и спасетесь!» Многим взрослым игрушка важна не менее, чем детям. Доктор Баллу предлагал пациентам выбирать куклу, которая, по его мнению, чем-то похожа на них. Например, в коллекции доктора были короли, королевы, принцы и принцессы разных эпох, их предпочитали молодые пациенты хосписа, так как они, несмотря на болезнь, продолжали идентифицировать себя с молодостью.

Я это наблюдаю на примере мастеров, создающих игрушки, на примере взрослых посетителей нашего музея. Я даже не стану вдаваться в психологические причины. Но напомню, что в игрушке есть то самое безусловное принятие вас как такового таким, какой вы есть, без критики и упрека. Общение с игрушкой — свое таинство, свой обряд. Недаром издавна существовало множество кукол помимо игровых. Олицетворенное изделие непременно наполнялось смыслом, верой и становилось помощником, оберегом, другом.

Жизнь человека наполнена смыслами: кто, что, для чего? Жизнь в проявлении смыслов и в осознании... и смерть в таинственной неизвестности. Или в представлении, которое стало верой. Каково это? Наполнено это страхом или принятием? Все это вопрос воспитания, культуры социальных верований.

Человек в реальности бытия не всегда безусловно любим, принят, понятен. Он очень часто уязвим, одинок даже в своих мыслях, даже среди людей. Поэтому я опять говорю об игрушке, о кукле, как о символе близости, защиты, как об источнике и возможности общения. Даже если взрослый поч-

ти всегда рядом, нужен образ себе подобного. Это ведь и навык формирования модели своего фантазийного будущего.

Среди игрушек можно отметить популярность фигурок Ангелов. Они как представители двух миров: этого, где они Защитники, и того — неизвестного, но уже и не такого страшного, потому что они являются добрым проявленным воплощением.

Наши предки делали кукол из натуральных материалов и говорили: негоже, чтобы игрушка жила дольше хозяйки. У многих народов это верование относилось и к женам, которые переходили в мир иной вместе с супругом. Быть вместе и в этой жизни, и в другой — наивысший кредит доверия перехода Души из тела, из реальности в реальность. Ведь когда вместе, не так страшна неизвестность.

Когда человек болен, он одинок в своих персональных чувствах, переживаниях, страхах, ощущениях. В болезни как части жизни, безусловно, есть смысл, но радости мало!

Куклотерапия — мудрое наследие, взрастившее в своей эволюции осознание пользы игры, позволяет «безопасно» проработать, выговорить, проиграть сценарий, побыть вместе. Частенько можно слышать о том, что Бог далеко, а люди рядом, для больного я бы перефразировала, что кукла рядом. Хотя людям с верой, что Бог неотделим от нас, легче. Но уж так устроен наш материальный мир, что нам нужна вещественность, наглядность: тогда в помощь, иконы, статуэтки, и это тоже такая взрослая игра — так легче! Самое главное, это не вредит.

В игрушке важна доступность. Травматично состояние беспомощности и одиночества. В больнице у детей (и зачастую у взрослых) должны быть игрушки-помощники. Многим известны обучающие куклы компании МЕДИКИН. Таких помощников используют в 49-ти штатах США и в 11-ти странах мира. У меня нет статистики по России. Кукла-помощник помогает выразить тяжелые эмоции, сглаживает оди-

ночество, даже помогает принять свою внешность и понять смысл и последовательность процедур, служит обучающим экспонатом. Например, Андрей Владимирович Гнездилов показывал родителям и родственникам паллиативного ребенка куклу, которая, по его мнению, помогала адаптировать людей к внешности ребенка с трубочками или катетерами, преодолеть страх перед установкой гастростомы.

Гнездилов отмечал, что психотерапевтические методы, его методики могут показаться несколько отвлеченными и «детско-игровыми», но он считал, что они помогают не только умирающим, но и их родственникам.

В моем детстве был такой травматический опыт, который, как мне кажется, так и не изжит. Я оказалась в инфекционной больнице на 80 дней. Для 5-ти летнего ребенка это огромный срок при условии, что он в одночасье оказался в болезни, когда и так плохо без родителей, без привычной среды, вещей, одежды, без игрушек. Общение было только через закрытое окно. По сей день в ситуации, когда мне нужно стать пациентом, я испытываю первично панику.

Сейчас прогресс даже в том, что уже во многих местах психотерапевты помогают родителям с детьми изготовить инклюзивную куклу. Мне известны волонтеры, вяжущие кукол для деток в больницах и деток-сирот. Детям, которые спят вместе с мягкой игрушкой, очень важно чувство близости, телесный контакт.

На сегодняшний день есть уже достаточно направлений в психотерапии, таких как игровая, сказкотерапия, куклотерапия. И это замечательно. Наш музей тоже несет такую миссию для людей. С куклами взаимодействуют на разных уровнях, например взрослые женщины, которые уже не имеют родительской заботы (потерявшие родителей и вырастившие детей) через кукол, изготавливая их, компенсируют отсутствие доверительной близости, кто-то доигрывает или более смел в своем творчестве.

Сам выбор куклы среди множества уже диагностичен и позволяет продолжить дальнейшую коррекцию. В музее это происходит не так заметно, как в кабинете психотерапевта, но тоже очень наглядно. Оживают глаза и лица взрослых, дети познают историю и воспринимают ее гораздо легче, лучше усваивают урок за счет наглядности. Все мы родом из детства, поэтому не прекращаем играть и став взрослыми, просто игры и игрушки у нас уже несколько меняются, но мне кажется, что люди даже молодеют во взаимодействии и, пожалуй, очень важно нам успеть доиграть все, что было не доиграно по какой-то причине.

Мельников

Владимир Леонидович

*Кандидат культурологии,
лауреат премии Правительства
Санкт-Петербурга в области
культуры, литературы
и архитектуры, генеральный
директор АНО «Центр
культурных и научных проектов
«АРС», г. Санкт-Петербург*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ДРУЖБЫ Л.С. МИТУСОВОЙ И А.В. ГНЕЗДИЛОВА, ОСТАВШЕЙСЯ МНЕ ПО НАСЛЕДСТВУ*

Здравствуйте! Хотелось бы поблагодарить организаторов конференции и всех участников за такой исповедальный ее характер. Все, что делал Андрей Владимирович Гнездилов, предполагало сразу исповедь, рассказ о себе, передачу ему этой важной информации, которая ему помогала нас как-то скорректировать и вообще помочь.

В качестве примера такого общения, такого взаимодействия я бы хотел продемонстрировать вам несколько кадров из презентации, касающейся Людмилы Степановны Митусовой, и доставшейся мне по наследству дружбы между ней и Андреем Владимировичем. Обратите внимание на эту фотографию. На экране вы видите группу людей в квартире сестер Митусовых в Петербурге. Это улица Моисеенко, дом 6, квартира 7, бывшая Большая Болотная. Это квартира связана

* Текст приводится по стенограмме, за которую автор выражает признательность организатору Научно-практической конференции «Гнездиловские чтения» И.С. Ковалевой. — *Примеч. автора.*

с именем Рерихов. Именно имя Рерихов и Теософия объединили когда-то Андрея Владимировича и сестер Митусовых.

Вот здесь на этой фотографии в центре сидит Святослав Николаевич Рерих, Девика Рани Рерих, его супруга, и участники киногоруппы первого большого фильма, снятого в Советском Союзе о Рерихах, полнометражного, который назывался «Николай Рерих». Он был снят по итогам празднования в нашей стране столетнего юбилея Николая Константиновича Рериха. Здесь оператор, режиссер, вся группа. Но, самое главное, слева стоит Андрей Владимирович Гнездилов в темных очках. Тогда он их носил. И вот следующий кадр, комната Людмилы Степановны в ее уже другой, следующей квартире, где происходило общение с Андреем Владимировичем. Он очень дорожил дружбой с Людмилой Степановной. Теперь эта комната принадлежит мне, я с вами разговариваю, находясь в ней. И когда я вошел в эту комнату, то сразу почувствовал особый мир и особое существование в этом мире Людмилы Степановны. И все, кто к ней приходили, они это тоже чувствовали. Я наблюдал за ними, постепенно становясь помощником не только Людмилы Степановны, но и этих людей. Вот рядом со мной сейчас вы видите куклу. Это Домовенок, которого когда-то подарил Андрей Владимирович Людмиле Степановне и мне на Новый год; о куклах мы еще скажем. И вот так называемый «шкапик Юрия Николаевича Рериха», где Людмила Степановна хранила очень много важных предметов, которые интересовали и Андрея Владимировича Гнездилова. Он приходил к ней не всегда поговорить, иногда просто отдышаться и помолчать. И я помню много моментов важных уже для нас с ней, когда мы начинали какие-то важные шаги, например, по созданию Музея-института семьи Рерихов в Петербурге. Вот один из таких очень важных моментов, когда мы должны были ехать с ней на встречу с ректором нашего Санкт-Петербургского государственного

университета Людмилой Алексеевной Вербицкой. Вдруг открываем дверь, чтобы уже выйти, и на пороге стоит Андрей Владимирович с букетом цветов: «А я вот тут мимо проходил, решил Вас навестить и поддержать». Мы с Людмилой Степановной так удивились, обрадовались. И вот таких встреч было как минимум три. Для меня была еще одна встреча, когда я уже жил один после того, как Людмила Степановна умерла. Я жил в офисе нашего музея, тогда еще совсем молодого, на Исаакиевской площади, дом 5. И представляете, такой момент, Людмила Степановны уже нет, но у меня, как и тогда, очень важная встреча, и я должен опять куда-то идти. И вдруг на пороге офиса нашего стоит Андрей Владимирович Гнездилов. И говорит мне: «Вам так повезло, что Вы сейчас живете здесь. Ведь Исаакий — это солнце Санкт-Петербурга». В общем, он действительно был ангелом, об этом уже сегодня сказали. Он помогал всем, как ангел. И я могу сказать, что это было и в моей жизни.

Удивительной была и Людмила Степановна Митусова в конце ее жизни. Она тоже для многих была ангелом. И для Андрея Владимировича, видимо, именно таким человеком она была. Объясню, почему Андрей Владимирович вошел в этот мир Рерихов, Митусовых, Голенищевых-Кутузовых. Он сам из очень благородной семьи, его мать тоже очень интересный человек, и отец.

В Музее-институте семьи Рерихов хранится фотография, где запечатлен юный Степан Митусов, отец Людмилы Митусовой, вместе с Еленой Ивановной Шапошниковой, которая в будущем станет женой Николая Константиновича Рериха. На другой фотографии, которая также хранилась у Людмилы Степановны, Николай Рерих — студент. На аналогичной фотографии Митусов, ее отец, тоже студент. Он был из так называемых «белоподкладочников», то есть из благородного семейства. Его отчимом был князь Павел Арсеньевич Путятин. Митусов потом работал долгое время

с Рерихом. Здесь вы видите их в канцелярии Рисовальной школы Императорского общества поощрения художеств. Митусова все его друзья называли вестником. Святослав Николаевич даже назвал его «буревестником». Потому что он всегда приходил с очень нужными, энергичными новостями, и дело двигалось. Он помог создать Игорю Стравинскому первую его оперу «Соловей», Николаю Рериху постоянно помогал, например, получить заказ на проект памятника на могиле Николая Римского-Корсакова, который был наставником Митусова. И он был настолько популярен в Рисовальной школе, что даже был изготовлен витраж в классе художественного стекла под руководством О. Н. Каратыгиной на тему «Рерих и Митусов купаются в Реке Жизни». Примечательна одна его деталь: в качестве предсказания их одежда на другом берегу Реки Жизни у Рериха голубая (образ Индии), а у Митусова — красная как флаг СССР. Действительно, Митусов остался в Советской России, а Рерих отправился в Индию.

Вот такая информация, такие истории и, можно даже сказать: *сказки* звучали в доме Митусовых, и это, конечно же, привлекало Андрея Владимировича, а также то, что здесь была уникальная, хоть и небольшая библиотека. Сейчас вся она в полном составе вместе с мемориальными вещами в Музее-институте семьи Рерихов. Первая книга изданных сочинений Николая Рериха имела надпись: «Дорогому Степану Степановичу Митусову, моему милому и хорошему Степе, сердечно любящий Николай Рерих. 15 ноября 1913».

Митусов был призван в Первую мировую войну в действующую армию, что также видел в семейном альбоме Митусовых Андрей Владимирович. А вот таким он был уже, когда создал Рабочую консерваторию в городе Хибиногорске, современном Кировске, известном горнолыжном курорте. Он работал во многих музыкальных учреждениях, и очень длительное время — в системе Психоневрологиче-

ского института В.М. Бехтерева* и сотрудничал с Владимиром Михайловичем на предмет влияния музыки и вообще искусства на состояние пациентов. Это, естественно, интересовало Андрея Владимировича, и он тоже эти рассказы, всю эту информацию как-то сублимировал. В конце жизни Степан Степанович Митусов выглядел уже как мудрый старец, который был связан с Теософией, с Учением Живой Этики. После его ухода из жизни в Ленинградскую блокаду Людмила Степановна, конечно, очень горевала, но вести от Рерихов были позитивными. Все ждали возвращения кого-то на Родину. И вот вернулся Юрий Николаевич Рерих, вы видите его на экране, — это старший сын Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих. Встречи с ним дали новый импульс, новый глоток. Ну, к сожалению, он тоже вскоре умирает. Вот здесь на экране его рабочий стол в его квартире на Ленинском проспекте в Москве. Обращаю ваше внимание на этот стол, как он аккуратен, сколько в нем материалов для работы и в то же время мемориальных вещей. И вот, если увеличить, то в левом нижнем углу вы увидите фотографию Степана Степановича Митусова. Это свидетельствует о том, что он был очень дорог и сыновьям Рерихов. Для них это двоюродный дядя получается. На этой фотографии уже Святослав Николаевич; его провожают на Ленинградском вокзале в Москву. И где-то здесь уже рядом Андрей Владимирович Гнездилов. Он знал про эти встречи, он тоже стремился общаться с Рерихами.

Но вернусь немного к Митусову. Степан Степанович своих дочерей и близких не пичкал книгами по «Живой Этике» или какими-то сложными трактатами. Он им все знания из Высоких источников передавал в виде игры. И он придумал игру, которую назвал «Петрушина Гора», и к ней

* Ныне Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева. — *Примеч. автора.*

он постоянно придумывал стихотворные фрагменты и графические композиции. На одном из изображений «Петрушиной Горы» есть храмы всех религий. Оно было включено им в письмо из Омска, из действующей армии, своим дочерям, где он письмо описывал, что скоро они все будут жить на Петрушиной Горе, то есть в некой реальности избранных. Замечательная сказка, замечательная история. Вот на этой горе вы видите Камень, который процвел огнем. Символ Камня был важен и для Рерихов, и, естественно, для Андрея Владимировича. На других рисунках к Петрушиной Горе семья Митусовых движется к псковскому имению Римских-Корсаковых в Любенске и Вечаше. То есть все самое лучшее, все самое главное сосредоточено было в этой сказке, в этой мудрости. Степан Степанович играючи зарисовал, как его дочери обязательно преодолеют все скалы жизни, о которых другие незадачливые восходители споткнулись. И впереди их ждет замечательное Древо познания — некая яблоня — рядом с ней шатер, где они будут пировать.

Вот некоторые стихи:

Когда мой дух усталый стонет
Под небом мрачным Петрограда,
Когда в туманах зимних тонет
Моя любовь, моя отрада,
Когда один в толпе враждебной
Брожу я с раннего утра,
Надеждой озарит целебной
Меня Петрушина Гора.

Что в том, что денег нет в кармане,
Что в том, что в сапоге дыра? —
Лишь виден был бы, хоть в тумане,
Твой Свет, Петрушина Гора!

У одного она пониже,
А у другого высока.
Иному путь лежит к ней ближе
А для иного — далека.
Но знайте же — никто поныне
Ее вершин не достигал.
Кто ж мнит, что он уж на вершине,
Тот не на ту гору попал!

Мы гордимся тем, что смогли не только обнаружить эту рукопись, но и расшифровать ее. И потом мы читали ее вместе с Людмилой Степановной в доме Андрея Владимировича. Книги, которые присылали Рерихи, оставались у Митусовых все годы Ленинградской блокады и сталинских репрессий, последующих перегибов и гонений. И, конечно, Андрей Владимирович прикасался к этим книгам, читал их. Вот здесь, на первой книге Учения Живой Этики «Зов» написано рукой Елены Рерих: *Каю! Кай* — это имя Степана Митусова в переписке Рерихов. Это, можно сказать, его эзотерическое имя. Все это Андрей Владимирович четко воспринимал и эти элементы, эти важные сущностные линии взаимодействия, он использовал и в своей писательской работе.

Вообще, Андрей Владимирович огромное значение придавал наследию, полученному его семьей от теософов. Это отдельная и важнейшая для понимания его наследия тема. У него был интерес к тем портретам, которые сохранились у Митусовых от Рерихов и от их Учителей. На одном из портретов из семьи Митусовых был изображен один из Учителей Востока. У Андрея Владимировича в семье хранился другой подобный по значимости портрет, так называемый «теософский портрет Учителя», который он доверительно демонстрировал Людмиле Степановне, а в дальнейшем поделился с нами.

Таким образом, самое сокровенное у них всегда было вместе. В конце жизни, когда уже не было Людмилы Степановны, он предложил нам, Музею-институту семьи Рерихов, этот портрет у него приобрести, и мы это сделали. И тем самым его поддержали.

Здесь же рядом были другие люди из этого же митусовского окружения, очень быстро ставшие для Андрея Владимировича важными.

Я назову сейчас членов художественного объединения «Амаравелла». Это Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий, вы его видите на экране молодым. Это Виктор Тихонович Черноволенко и Александр Павлович Сардан (Баранов). Со всеми этими художниками он был знаком, но только один из них, Борис Алексеевич, оставался и даже жил у него подолгу. И свои последние дни он провел у него, в его сказочной мастерской. Поэтому пусть никого не удивляет, что у Андрея Владимировича такое количество картин и рисунков Бориса Алексеевича. На экране некоторые работы Бориса Алексеевича, которые принадлежали Андрею Владимировичу Гнездилову, а сейчас принадлежат его дочери Анастасии Андреевне Гнездиловой. Замечательные картины, они передают и Север, и Юг. Они в равной степени были нужны и дороги Андрею Владимировичу. В конце я еще покажу несколько фотографий, где вы увидите встречи со Святославом Николаевичем Рерихом в Москве. Андрей Владимирович специально приезжал на эти встречи. На всех этих снимках есть он и Людмила Степановна Митусова.

Вот Святослав Николаевич что-то рассказывает. Андрей Владимирович очень внимательно слушает и пристально смотрит на говорящего. Замечательные кадры. Таких материалов очень много сохранилось в архиве Людмилы Степановны Митусовой, и они теперь находятся в Музее-институте семьи Рерихов.

Возвращаюсь еще раз к той фотографии, с которой я начал. И хочу в заключении сказать, что, конечно же, замечательные встречи были в его доме.

Вот здесь, на этой фотографии, вы видите уже вместе Людмилу Степановну и Андрея Владимировича, который много лет был ее другом и лечащим врачом. А на этом снимке еще одна женщина — это Юлия Юрьевна Будникова, которая сейчас является заместителем директора Музея-института и хранит те материалы и мемуары, которые связаны с обоими этими замечательными людьми. Андрей Владимирович успел много сделать и непосредственно в музее-институте, и его можно назвать одним из организаторов этого учреждения. Вот, например, вы здесь видите его в первые годы существования института, он проводил большие программы для детей. И в заключение еще хочу показать дочку Андрея Владимировича Анастасию Андреевну Гнездилову (для Людмилы Степановны она как внучка). Здесь она вместе с куклами отца и Людмилой Митусовой.

Куклы Андрея Владимировича, которые он дал на выставку Государственному музею-заповеднику «Изборск», с которым я сотрудничаю до сих пор, и в наши дни украшают его экспозицию. Каждый, кто хочет приобщиться к куклам из коллекции Андрея Владимировича, может поехать в Псковскую область, в музей-заповедник «Изборск», и увидеть там отдельную экспозицию его коллекции кукол.

В заключение я хочу сказать, что дружба между Людмилой Степановной и Андреем Владимировичем досталась мне в «наследство» очень интересным способом.

Андрей Владимирович сам все придумал. Вот вы говорили об изданиях его книг. Никаких проблем нет с этими книгами. Вы можете обратиться к Анастасии Андреевне, его дочери и единственной наследнице, и получить любую из книг, которых вышло уже более десяти. Если открыть книгу терапевтических сказок «Хрустальный город», то можно прочитать сказку «Сестры». И однажды, когда я был с Людмилой Степановной у него в доме, он мне сказал: «Володя, возьмите вот этот фолиант». (У него сказки были переплетены в заме-

чательных бывших фотоальбомах, выглядевших как старинные тома-увражи). «И прочтите вот эту сказку. Эта сказка про Вас». Вот так он мне сказал. Я был очень удивлен. Но здесь действительно рассказана история двух сестер, которые не ладили друг с другом, но в судьбе которых появился рыцарь, который помог им, а также помог сделать то, что предназначено королевству этих двух принцесс. В общем, получилось так, как и написал Андрей Владимирович. Он был человек очень чуткий, прозорливый, и многие вещи программировал не только в конкретный момент, когда к нему пришел пациент или какой-то другой человек. Он хотел помочь многим, и для этого писал особые сказки. Эти сказки обладали таким демиургическим качеством, что меняли обыденную реальность. И когда он, уже не зная, как помочь в конфликте двух сестер Митусовых, написал эту сказку, она просто стала работать, и появился в их жизни я. Это, может быть, нескромно, но результат был.

Значительная часть его рукописей была мною сохранена и передана в Музей-институт семьи Рерихов. На экране один из автографов: «Жил-был волшебник». Это один из самых последних написанных им текстов. Он был, он есть, он будет.

Его наследие еще нужно изучать. Более внимательно прислушиваться к его прогнозам и к его мечтам, и пытаться их реализовать. Спасибо за внимание!

Инна Сергеевна: Владимир Леонидович, спасибо огромное. Особенно последний слайд вызвал бурю эмоций. Мы на первой конференции как раз читали эту сказку. Я была в Музее-институте семьи Рерихов в 2016 году, когда Анастасия Гнездилова делала выставку, посвященную работам ее бабушки Нины Конрадовны Слободинской. Андрей Владимирович читал там лекцию, все эти экспонаты я видела и сфотографировала эту рукопись. Спасибо, что Вы ее сохранили. Изначально эта сказка называлась «Жил-был волшебник». А нам

она досталась в наследство с названием «Завет». И просто удивительно, если переносить это на жизнь самого Андрея Владимировича, насколько он был прозорлив, предсказав в этой сказке самого себя и свою историю.

Спасибо огромное за то, что напомнили нам об этом, за чудесные истории. Не знаю, как вы, коллеги, а я увидела в глазах Людмилы Степановны, не знаю даже, как сказать, какой-то свет, и это свет в глазах наших Учителей. Просто удивительно, но что-то очень похожее между ними наблюдаешь. Видимо, как раз ту внутреннюю духовную связь, которую невозможно облечь в слова. Это Свет, который есть, он идет изнутри, а мы его, слава Богу, умудряемся ощутить, прикоснуться к Нему. Спасибо Вам еще раз.

Владимир Леонидович: Я хочу еще раз поблагодарить всех, кто участвует в этом мероприятии. Продолжайте делать так, как делал Андрей Владимирович, не отступайте от этого Пути!

Фролков Виталий Витальевич
Кардиолог, терапевт РЦ
«Преодоление» им. Л.П. Кезиной,
заведующий городским
паллиативным отделением
г. Донецка (2008–2017),
г. Москва

ПРОФЕССОР А.В. ГНЕЗДИЛОВ. ИСТОРИЯ ЗНАКОМСТВА И СЛЕД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Мне посчастливилось встретить Мастера в феврале 2010 года накануне переезда Лахтинского хосписа в новое здание, после 20 лет служения. Андрей Владимирович предложил посетить семинар, который он организовал у себя дома для врачей-психиатров. Эта встреча воспринималась как волшебство. Старинный дом, изображение Единорога перед входом в квартиру. Комнаты со средневековым убранством, тяжелая деревянная мебель, шпаги на стенах, винтовая лестница в башню с восхитительным видом на зимний Петербург.

В числе завораживающих воспоминаний история Ордена Башенного Братства*, терапия колокольным звоном. Выступив в роли ассистента при генерации мелодии, я был удивлен тому, как коллеги, критически оценивающие реальность в силу своей профессии, погружались в состоя-

* «Башенное братство Санкт-Петербурга»: <https://xn-80alhdjhdcxhy5hl.xn--plai/content/bashennoe-bratstvo-sankt-peterburga> *Примеч. автора.*

ние транса. На практике многим больным удастся помочь при коррекции болевого синдрома, но около трети могут испытывать дискомфорт в силу специфических ассоциаций. Особый настрой формировался при демонстрации фотографий пламени, которое видоизменялось причудливым образом при исполнении классических произведений, и без труда можно было рассмотреть, например, фигурку балерины, которая получилась при исполнении музыки Бивальди.

Основное впечатление складывалось из рассказов о работе и мировоззрении, которым поделился Андрей Владимирович. По горячим следам мне удалось сделать заметки, и спустя время я могу прокомментировать эти тезисы, которые позволяют приоткрыть завесу тайны его личности.

- Дитя, зачатое в любви, проживает психологически здоровую жизнь.
- Часть сюжета жизни напоминает родительский.
- Детство — золотой век. Есть воображение.
- Значение в жизни игрушек, сказок. Жить одной реальностью — значит потерять себя.
- Дети за день проживают жизнь, у взрослых дефицит времени.
- Старикам дети растягивают чувство времени.
- Взрослому легко покритиковать, трудно похвалить. Стереотипы подавляют живое восприятие мира.
- Смех уменьшает социальную напряженность.
- Больной тоже ответственен за свое здоровье.
- Обрести смысл жизни! Важно, во имя чего ты живешь и умираешь.
- Человек оценивает себя в конце жизни и когда обречен. В конце пережитая жизнь может показаться бессмысленной.
- Трансситуационный контакт — мы смотрим не на то, что, а на то, как говорят.

- Случай с женщиной, на которую повлиял на перевязке врач с поджатой губой: вечером она умерла от инфаркта.
- Реакции на болезнь. Первая реакция паники с прогнозированием жизни. Вторая реакция — подавление, вытеснение заболевания. Ищут целителей, других врачей. Третья стадия агрессии — самая тяжелая. Если человек не находит, на кого ее выплеснуть, она превращается в аутоагрессию, возможно самоубийство. Четвертая стадия — депрессия (до нее можно не дожить), переходит в стадию примирения с судьбой, может появляться «второе дыхание», понимание Бога.
- Люди не должны поступать в хоспис за три дня до смерти.
- Наша жизнь наполнена ложью. «Белая ложь» — когда скрывают правду от больного.
- Правду открывать постепенно. Евангелие: ищите правду, остальное приложится.
- В одиночестве человек возвращается в детство. Спроси ребенка: ты какой? — Я маленький. Борьба за внимание персонала.
- Раньше врачи были учителями жизни, посредниками между небом и землей.
- Сопереживание! Чтобы понравиться, должна быть готовность принять внутренний мир другого человека.
- Нормальный контакт минимум через 40 минут общения.
- Однажды пациент посчитал, что за 1.5мес. онколог, лечащий врач потратил 56 минут на общение.
- Психологически есть ограниченный круг больных, которым врач может помочь.
- Чтобы увидеть Лейлу, нужно смотреть глазами Мень-Джуна (китайский поэт).
- Через Веру можно вылечить индифферентным средством.
- Переломить формальное отношение к больным!
- В хосписе основной груз общения — на медсестрах и санитарках.

- Больные часто умирают группами, на дежурствах определенных врачей и медсестер, лучших, чтобы умереть в любящих руках.
- В различных религиях: лучше умирать в ясном сознании, жизнь прокручивается, сам видишь себя и можешь раскаться.
- Парацельс — врач должен стать лекарством для больного.
- Терапия присутствием. Человек не должен быть одинок. Больной не должен чувствовать себя изгоем.
- Пугает не смерть, а страх боли.
- Не торопить и не тормозить смерть.
- Эвтаназия. Один человек не может убивать и лечить.
- Программа смерти закладывается в момент зачатия. Каждая смерть индивидуальна. Легко родился, легко умер.
- Мы не знаем себя до конца.

Дальше я останавлиюсь на тех утверждениях, которые получили подтверждение, развитие в моей работе и были опубликованы в различных изданиях.

Еще до войны психолог Инна Сергеевна Ковалева привозила в наш хоспис своих подопечных, воспитанников детского дома. Получилась неожиданная и результативная встреча. Оказывается, не только родители бросают своих детей, но и дети могут бросать своих родителей. Детям и взрослым было о чем поговорить. Удивительным образом в беседе проявлялись важные эпизоды из жизни пациентов, которые мне при сборе анамнеза оказались недоступны. Этот визит отражен в предисловии к публицистическому сборнику «Донецкий рассвет» (2016 г.). Первым материалом, с которого начались публикации, был текст «Эвтаназии быть?», опубликованный в 2012 г. Спустя время он стал визитной карточкой, по нему нас узнавали члены жюри, с которыми установились неформальное общение на журналистском конкурсе.

В плане ответственности за свое здоровье можно выделить физические и духовные аспекты. Только однажды мне довелось услышать от пациентки с ограниченным прогнозом жизни слова «я знаю, за что мне это». Что касается физической составляющей, то показательны результаты работ учениц 10-го класса, которых мне довелось курировать. Эти работы были отмечены на Всероссийской Сеченовской конференции школьников. У половины старшеклассников с нормальным индексом массы тела повышено содержание жировой ткани, что сопровождается худшими функциональными показателями со стороны сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Также около 40% молодых людей ведут образ жизни, который способствует развитию онкологических заболеваний. Соответственно вопрос не в том, будет ли, а в том, когда будет.

С ситуацией, когда пациент всеми силами пытается тебя дождаться, я столкнулся сразу после возвращения в родной город. Пациентка с раком молочных желез, двусторонним плевритом, получала разгрузочные пункции, которые позволяли ей излучать оптимизм, несмотря на тяжесть состояния. Преподаватель музыки, занимавшаяся в молодости волейболом, проявляла настоящие бойцовские качества. Так сложилось, что за время моего отсутствия очередная манипуляция не была выполнена, и я застал ее в состоянии нарастающей гипоксии со спутанным сознанием. То, что было дальше, отразила журналист Марина Ахмедова в своей публикации «Заведующий домом жизни. Как уживаются любовь и смерть в донецком хосписе»: «После манипуляции у больной прояснился взгляд, она успела сообщить Фролкову, что ей сделалось лучше, и умерла — на его руках. Сразу. Смерть больной заставила Фролкова пережить три смены настроений. «Потерять человека именно так!» — с удивлением подумал он, еще не опуская рук. «Появился шанс, но не получилось!» — удивление сменилось досадой. «Надо было

проконтролировать все. Дать указания четче!» — повторял про себя он, когда им уже целиком и полностью овладело разочарование».

В последующем обобщение материала о работе нашего отделения в довоенный период привело к появлению материала «Региональный опыт оказания паллиативной помощи»*, который был опубликован в медицинской газете «Здоровье Украины» в феврале 2015 г. Один из акцентов сделан на наблюдении А.В. Гнездилова о том, что большая смертность на сменах у определенных сотрудников может парадоксальным образом свидетельствовать об их хорошей работе.

Подтверждение важности «терапии присутствием» произошло при прохождении курсов по онкологии в Республиканском противоопухолевом центре им. проф. Г.В. Бондаря в 2015–2016 гг. Хоспис был в числе отделений, к которым я был прикреплен, и была возможность подробно познакомиться с его пациентами. Драматичная история случилась в двухместной женской палате. Пациентка, которая, несмотря на заботу родственников, нуждалась в дополнительном стороннем участии, была закрыта для общения и больше внимания доставалось ее более общительной соседке. Закономерно у первой пациентки можно было распознать чувство ревности. На этапе, когда она находилась без сознания, я завершал очередной визит. Проходя, заметил, боковым зрением, едва уловимое движение век. Как оказалось, она попросила о внимании. Я присел, взял ее за руку, вскоре после этого ритм дыхания стал нарушаться. Это была агония. В течение нескольких минут она умерла, но была при этом не одна. Рассказ об этой истории был опубликован в статье «Тяжелобольной и его окружение» в журнале «Форум долгосрочной опеки» в декабре 2017 г.

* «Региональный опыт оказания паллиативной помощи»: <https://health-ua.com/article/5652-regionalnyj-opyt-okazaniya-palliativnoj-pomoshi>. *Примеч. автора.*

Особых красок добавила военная реальность на фоне вооруженного конфликта, который начался в 2014 г., когда отделение перенесло повторные артобстрелы с прямыми попаданиями по больнице, критическое нарушение систем жизнеобеспечения, двукратную эвакуацию, но удалось его сохранить как структурную единицу. Именно в этот период ярко проявился неформальный подход к пациентам со стороны сотрудников хосписа, который ранее старался прививать с самого начала работы. И в это отделение, которое находилось в непосредственной близости от передовой, без преувеличения рискуя жизнью привозила гуманитарную помощь от Фонда помощи хосписам «Вера» Ковалева Инна Сергеевна вместе со своим отцом. Эта та помощь, которая очень выручила в период экономической блокады, когда, даже располагая средствами, не было возможности приобрести элементарно необходимые памперсы.

В числе людей, которые оказали неоценимую помощь, были и слушатели православной радиостанции «Радонеж», читатели писателя и журналиста Марины Ахмедовой, организация инвалидов «Новая жизнь» и многие другие неравнодушные люди, чье содействие проявлялось практически в безвыходных ситуациях. На этом фоне многие сотрудники отделения оставались в строю. Рискуя, продолжали выходить на работу и, кроме выполнения своих непосредственных обязанностей, сами готовили пищу пациентам из доставленных гуманитарных продуктов, участвовали в восстановлении разрушенного здания в режиме реального времени.

Этот период, когда возникло еще большее сплочение не только между сотрудниками, но и пациентами, отражен в публикации «Необъявленная война»*, которая была отмечена литературной премией «Преодоление 2021» в номинации

* «Необъявленная война»: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26870.7/3912471/>
Примеч. автора.

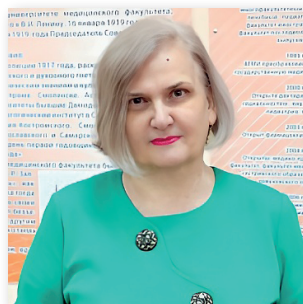
«Жизнь задыхается без цели» в честь Ф.М. Достоевского, учрежденной МГО СП России. Также эти события упомянуты в выступлении на Межрегиональной научно-практической конференции «Паллиативная медицинская помощь и поддерживающая терапия» в Южном федеральном округе, в г. Севастополе 06.09.2018 г.

Работая в последующем в структуре крупного промышленного предприятия Дальнего Востока, мне довелось встретить рабочего из глубинки, который продемонстрировал качества, как мне представлялось, характерные для русского человека. Он сам был как источник света, не благодаря, а вопреки. «Мне больно, а я улыбаюсь»*. Есть в этом что-то, опрокидывающее все вражеские устремления сломить волю наших соотечественников. И я задался вопросом, почему я так ярко встретил его только сейчас? И ответ на него крылся во встрече тринадцатилетней давности, на берегах Невы. При проведении семинара Андрей Владимирович в определенный момент предложил некоторым участника станцевать, и выбрал для этого соответствующие музыкальные композиции и одежды. Так мы увидели танец огненной цыганки и очаровательную грацию русской Аленушки, которые просто менялись на глазах, не сдерживая эмоций, удивительных в первую очередь для них самих от произошедшей трансформации.

Разве знаем мы сами себя, погруженные в суесть в ворох различных проблем? Узнайте себя, не бойтесь быть детьми. Оставайтесь человечными. Это наследие, которое я сохраняю лично для себя, возвращаясь в паллиативную службу.

* «В чем сила русского человека»: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27520/4784189/> Примеч. автора.

Левина Татьяна Александровна
Руководитель Центра
истории Астраханского
государственного медицинского
университета, врач-организатор
здравоохранения высшей
категории. Почетный ветеран
г. Астрахани, г. Астрахань

МОИ ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ГНЕЗДИЛОВЫМ

Уважаемые коллеги, друзья, участники сегодняшней встречи!

Роль личности в истории

Андрей Владимирович Гнездилов — патриарх отечественных хосписов и мой первый наставник в этом вопросе. В 1989 году я начала работать главным врачом 2-й городской клинической больницы в г. Астрахани. В 1991 году вышел первый приказ об организации отделений сестринского ухода (ОСУ) и хосписов в составе многопрофильных больниц. Новые структуры, новые задачи и самый сложный контингент больных. Больные, которые уходили из жизни дома, их не хотели брать в стационары, чтобы не портить статистику. И каждый день персонал отделений видел горечь и боль в глазах своих пациентов. С чего надо было начать? Если с ОСУ было более или менее понятно, так как это было ближе к терапии, то понятие, даже само слово «хоспис» было непривычно и не очень ясно. Требовалось, чтобы мы, организаторы здравоохранения, четко представили, как это должно создаваться, как должно работать, какие нормы лекарственных препаратов и перевязочного материала нам понадобятся на год и т.д. Где можно посмотреть, как этот хоспис работает? У кого можно поучиться этому?

Впервые я увидела А.В. Гнездилова на конференции в Москве у Веры Васильевны Миллионщиковой (1994). Она пригласила нас в красивый особняк (Пушкинский музей) и начала рассказывать приехавшим врачам все о паллиативной и о хосписной помощи. Впервые мы слышали совсем новую идеологию подхода к больным, но показать она нам ничего не могла, она перестраивала здание под хоспис и у нее работала только выездная служба. И тогда на сцену вышел А.В. Гнездилов, он приехал не один, с ним были его коллеги. Для демонстрации своего выступления он привез альбомы с фотографиями пациентов хосписа, которые ему передавали больные, многие снимки были сделаны еще до болезни. Это были своеобразные фотоальбомы. Около своего фото пациент что-то писал лечащему врачу, и когда больной уходил из жизни, эти слова оставались безмолвным напоминанием персоналу об их совместном пути, своеобразным творческим памятником пути пациента. Простая методика создания этих альбомов — галереи больных — потрясла всех присутствующих.

Второй факт, который остался в памяти, был вопрос к участникам конференции от В.В. Миллионщиковой: «А вы сможете сделать тот последний укол больному, о котором он просит вас, чтобы окончить свои страдания?» В зале не поднялось ни одной руки...

В перерыве я подошла к доктору Гнездилову и попросила разрешения приехать к нему в Лахту посмотреть, как устроен хоспис и что надо сделать мне, главному врачу больницы, чтобы открыть такое отделение в Астрахани.

У меня не было ни малейшего сомнения, что это надо делать обязательно и делать именно в своей больнице. Он спокойно выслушал и пообещал прислать для меня приглашение в горздравотдел. Через несколько дней приглашение на участие в семинаре по психотерапии в паллиативной помощи пришло, и я приехала в Ленинград. Остановилась у родных,

а утром уехала в Лахту. Маленький одноэтажный корпус очень напоминал здание нашей больницы. Берег залива, рядом церковь, пациенты...

Наталья Переверзева, главный врач Пермского хосписа, вспоминала, что год, когда затеяла открыть хоспис в Перми в 1994 году, тоже решила посетить Лахту, чтобы убедиться в правильности своего выбора. А.В. Гнездилов встретил ее, и пока шли к хоспису она озвучила свою просьбу: «Посмотритесь ко мне внимательно, смогу ли я?» В ответ она слышала простые слова: «Да ты что, ты же хосписный человек!». Это дало ей силы на все 20 лет работы в хосписе. Вот наглядный пример силы слова!

В Астрахани мы открыли выездную службу в 1995 году, а в 1996 году открыли 10 коек стационара, так называемую «горячую десятку».

Как молоды мы были, как искренне любили, как верили всерьез!

Да, из нашего небольшого коллектива Лена Шаныгина, Оля Комова, Наташа Киреева были потом в Московском хосписе, Таня Голикова, Аня Акимова побывали в Лахтинском хосписе. Мне посчастливилось увидеть хосписы в Москве, в Колпино, в Ульяновске, в Самаре, в Финляндии и Германии. К нам в Астрахань приезжали специалисты из других городов: Мегиона, Перми, Тамбова, Сызрани, Ростова, Ярославля, Москвы, и стран: Великобритании, Германии. Они учились у нас, помогали нам и нашим пациентам, мы обменивались опытом. Наша «горячая десятка» была в числе первых городов России, где было открыта выездная служба хосписа и отделение хоспис на 10 коек. А.В. Гнездилов и В.В. Миллионщикова передали нам много литературы, и эти книги стояли в шкафу в молельной комнате, и их свободно могли читать сотрудники больницы и пациенты.

Последняя встреча с мэтром состоялась в Симеизе, на конференции по паллиативной помощи. Я постоянно пригла-

шала Андрея Владимировича в Астрахань, мне так хотелось показать то, что нам удалось сделать, узнать его мнение. А он сказал совсем простые слова: «Танечка, чтобы приехать, я должен что-то привезти вашим больным. А что я могу привезти? С пустыми руками я не могу приехать...». Это были трудные 90-е годы. В этом был весь он! Отдать от себя что-то другим, это его философия отношения к больным и окружающим. Он и В.В. Миллионщикова изнутри знали работу хосписов в Англии, они были знакомы с Виктором Зорзе и старались донести до других все, что они увидели и показать, как это должно работать. А мы, как губки, впитывали эти знания и внедряли у себя.

В Симеизе среди участников конференции был наш коллега из Кемерова — Юрий Абрамович Магарилл (затем он возглавил одну из кафедр Кемеровского мединститута). 26 апреля у него был день рождения. Мы собрались за столиком, чтобы поздравить его. В качестве подарка Андрей Владимирович исполнил музыкальное произведение на маленькой дудочке, которую он захватил с собой в командировку. Это было незабываемым событием. Музыка всегда была в его жизни, он слушал ее на концертах, играл сам. Она вдохновляла его.

Незадолго до его ухода в день его рождения я звонила ему домой вечером, хотела поздравить его, но телефон упрямно молчал, и это было страшно. На другой день я настойчиво звонила ему снова, он наконец поднял трубку и просто ответил, что был на концерте. Он любил музыку.

Этот человек был для нас маяком в жизни с онкопациентами, он учил, как должны строиться эти отношения и какими должны быть мы!

Уже нет сотрудников Астраханского хосписа — Аллы Романовской, Виктора Малышева, Нонны Ивановны Барханской, Алексея Постникова, Люды Галовой, ушли из этого отделения Аня Акимова, Таня Голикова, Елена Шаныгина...

Но осталась память о совместной работе и команде специалистов, которую удалось создать и сохранить с которой мы поддерживаем отношения до сих пор.

Дом, где жили сказки

Мне посчастливилось дважды побывать дома у Андрея Владимировича Гнездилова. Первый раз я приехала вместе с ним после конференции по психотерапии, которая прошла в дворце князей Белосельских-Белозерских (Невский проспект, 41). Тогда я познакомилась с его семьей.

Сейчас нет таких квартир, где нет телевизора, где играют по вечерам на старинных музыкальных инструментах, где сохранились театральные костюмы для гостей, где собрана огромная коллекция колоколов и колокольчиков, где жил и творил А.В. Гнездилов.

Вторая встреча состоялась после конференции в Питере, которая была посвящена вопросам хосписной деятельности. После окончания встречи небольшая группа его коллег приехала вечером к нему домой. И здесь мы попробовали перенестись в другие эпохи, примеряя на себе не только театральные костюмы, но и погружаясь в этот стиль и дух того времени. За столом шли разговоры о важном, но это уже был обмен мнениями полноправных коллег по духу. Вспоминая общение с Андреем Владимировичем, Наталья Переверзева рассказала, что она приехала к нему в очень угнетенном состоянии именно для исцеления. Оделась в костюм «волны» и, поговорив о чем-то несущественном, исцелилась навсегда. Его дом нас сдружил, мы стали одной семьей.

Пермскому хоспису повезло больше. А.В. Гнездилов приезжал в Пермь в 1995 году и читал лекции для сотрудников хосписа, студентов медиков с особым вниманием рассказывал о методах работы: куклотерапии, музыкотерапии, сказкотерапии, а в 2002 году уже обучал психологов Перми на практике в Лахтинском хосписе.

Наше поколение пришло в хосписы не за богатством, славой и наградами, а с целью помочь тяжелейшим больным. Мы не делали селфи, у нас просто не было хороших фотоаппаратов, но те немногие снимки показывают, как было у него дома и каким он был на работе. Посмотрите на эти фотографии.

Вглядываясь в те немногие кадры, я с удовольствием вспоминаю своих коллег Наталью Михновскую (Санкт-Петербург), Веру Миллионщикову (Москва), врачей Наталью Переверзеву (Пермь), профессора Александра Агамова (Ярославль), специалистов хосписов Сызрани и Мегиона, Ульяновска и Самары.

Что остается после человека? Память, образ, книги.

Сегодня я работаю руководителем Центра истории Астраханского государственного медицинского университета. Просматривая книгу Андрея Владимировича Гнездилова, я нашла фразу, которая очень актуальна для моей работы: «...И здесь не покажется нелепой мысль о том, что больницы должны объединять свои усилия с возможностями музеев, которые бы смогли предоставить страдающим людям такую возможность в драматический для них период жизни. Имеется в виду возможность музеев помогать хоспису в проведении здесь сеансов арттерапии на базе музейных экспонатов, в частности произведений живописи. И наиболее предпочтительны здесь были бы картины природы, пейзажи. Понимая неосуществимость в ближайшем будущем этих рекомендаций, предлагаем для осуществления арттерапии в хосписе воспользоваться качественными репродукциями».

Эти слова А. В. Гнездилов написал в книге «Путь на Голгофу», которую с дарственной надписью подарил мне 23 апреля 1996 года. Ровно 30 лет назад!

В 1996 году в Астрахани открыли стационарное отделение-хоспис в составе городской клинической больницы № 2. В этом году ему исполняется 30 лет.

Зоткина Елена Александровна

Аккредитованный супервизор

ОППЛ, клинический психолог

с 10-летним опытом работы

в отделении реабилитации

Самарского областного

клинического онкологического

диспансера, преподаватель

Самарского университета,

член Совета Российской

арт-терапевтической

ассоциации, руководитель АТА

в г. Самаре, обучающий личный терапевт ОППЛ,

доцент, обучающий психотерапевт по методу

символдрамы АОРС КИП в Самаре.

Аккредитована в двух модальностях:

Арт-терапия и Символдрама, г. Самара

БАЛ НЕСЛУЧИВШИХСЯ ВСТРЕЧ

Уважаемые коллеги, слушая выступающих на конференции, понимаю, что каждый поделился своим образом Андрея Владимировича, он был для каждого из нас разным, и в тоже время это был Он. Я тоже очень волнуюсь сегодня. Для меня это уникальная возможность еще раз задуматься, на каких основаниях я вообще могу говорить об Андрее Владимировиче... Я вспомнила 2014-ый год, когда позвонил Андрей Владимирович и попросил поехать в Кемерово на конференцию «Дни экзистенциальной психологии». «Расскажите, как мы работаем», — сказал он. Я испытала шок, так как для меня это было очень ответственно. Я понимала, о чем рассказывать... и что бы я ни рассказала, это могло быть лишь легким прикосновением к тому огромному миру помощи и поддержки пациента, который творил Андрей Владимирович.

Если говорить о моем приходе в работу с онкологическими пациентами, то он был прост: на кафедру обратились с просьбой помочь организовать психологическую помощь в Самарском областном клиническом онкологическом диспансере (СОКОД). Так я оказалась психологом недавно организованного отделения реабилитации СОКОДа. СОКОД — это огромное пространство, в котором легко потеряться нашим пациентам с их бедами, горестями и нуждами. Очень важной оказывалась своевременная психологическая помощь.

Так получилось, что за годы практики я работала с людьми в разных состояниях, на разных этапах развития заболевания: от реанимации и паллиативной помощи до реабилитации и возвращения к обычной жизни. Андрей Владимирович стал для меня тем человеком, который помог увидеть нюансы и тонкости работы при переходе от разных стадий развития заболевания до хосписной помощи.

Я пыталась вспомнить, когда мы стали общаться с Андреем Владимировичем по профессиональным вопросам, но не смогла. Кажется, что он был в моей профессиональной жизни всегда и всегда в ней есть. Первая встреча была связана с обучением арт-терапии в Санкт-Петербургской Академии постдипломного образования (АППО), потом в Психоневрологическом институте им. М.В. Бехтерева, когда училась на клинического психолога. Вспоминаю клинические разборы с участием Андрея Владимировича. Его речь была удивительна. Он мог говорить так ясно и понятно, ни на шаг не отступая от научности текста, и в тоже время на языке пациента.

Впоследствии Андрей Владимирович присутствовал во всех сферах моей жизни. В конечном счете мы стали дружны. Он очень много дал моим детям, введя их в мир сказки и человеческих отношений. И в тоже время он никогда ничему не учил. Он давал возможность просто быть рядом и каким-то удивительным волшебным образом проживать этот опыт. Я как-то спросила Андрея Владимировича: «Как вы вообще

выдерживаете эту работу?» Он растерянно посмотрел на меня и ответил, что ничего другого не умеет. И этот простой ответ меня очень удивил. На мой взгляд Андрей Владимирович — человек, который умел все... Особо ценно было то, что все, о чем он говорил, он подтверждал каждым днем своей жизни, делая все, что мог для тех, кто рядом, кто нуждался в его помощи.

Я скажу языком своих пациентов. На слайде презентации фотография сухого обгоревшего дерева. В таком состоянии человек попадает в диспансер, когда ему ставится онкологический диагноз. Одна из пациенток, узнавшая о своем тяжелом онкологическом диагнозе, шла через парк и размышляла о том, что происходит в ее жизни, когда привычный мир рухнул. Придя ко мне, она рассказала, что на глаза ей попало неживое, с засохшими ветками, обгоревшее дерево. Она подумала, что я — как это дерево. И эта аналогия стала для нее столь яркой, столь связанной с ощущением собственной жизни, что, когда прошло время, и на дереве зазеленела одна единственная ветка, женщина, вбежав в кабинет, с радостным блеском в глазах воскликнула: «Я еще поживу!». И это была ее метафора жизни: зазеленевшая веточка на обгоревшем дереве, которая еще не раз ей помогала, когда было трудно и страшно.

Андрей Владимирович всегда работал с символическим началом в жизни пациентов, чему помогали и пространство Замка, и куклы, которые всегда с вами, которые не придадут, никуда не исчезнут, и индивидуальная символика при написании своей сказки пациентами. Важно было обращение к природе и искусству, которое становится важной поддержкой для пациентов в трудные моменты жизни. Часто они идентифицируют себя с различными природными явлениями, обретая внутреннюю гармонию и покой. Один из пациентов со значительным затруднением дыхания представлял, что находится на заливных лугах, как это было в его детстве,

и, выбираясь в образе на возвышенность, какое-то время испытывал легкость в теле, свободу дыхания.

Был момент в моей практике, когда было очень тяжело, потому что пациенты уходили и я не знала, что с ними было дальше. И эта неизвестность очень тяготила меня. Как-то, придя на работу, я решила написать заявление об уходе. День был длинный и, когда вечером я вышла из кабинета, писать заявление было уже некому (все ушли). И в этот момент я увидела, как по коридору идут две девчущечки, прижавшись друг к другу и несут какую-то книгу. Я не знала автора этой книги (как потом оказалось, на обложке была девичья фамилия моей пациентки, которую я не могла знать), но как только я увидела фотографию обложки, я все поняла. На ней было то самое зеленое ожившее дерево. И этот дар стал мне ответом «по ту сторону жизни». Ее дочери рассказали, что за последний год жизни мама написала книгу (то, что хотела сделать всю свою жизнь, но как-то не довелось) и сама отнесла ее в типографию, но не смогла получить, и попросила один из экземпляров передать мне. И после этого дара у меня уже не возникало вопросов: работать или не работать. Тоненькая ниточка, связующая нас всех, не оборвалась. Эта женщина никогда не занималась литературным творчеством и только в последний год своей жизни в такой стихотворной и прозаической форме (ею была написана целая книга) подводила итог своего земного пребывания. И это нисколько не помешало ей решить многие бытовые вопросы, вплоть до организации собственных похорон. Она была готова к завершению жизненного пути.

Символическое очень важно для тех, кто работает с онкологическими пациентами, для самих пациентов и их близких. Оно играет важную роль в возникновении ремиссии или уходе из жизни в согласии с собой. При приходе в диспансер человек узнает о своем диагнозе, попадая в ситуацию До и После. Так пишет об этом состоянии автор книги:

Н.Ф.

...И сразу все, что было «до»,
Исчезло, кануло в тумане.
Болезнь поставила клеймо
И свет потух в оконной раме.

Андрей Владимирович обладал уникальной возможностью заглянуть За... посмотреть на самого человека, увидеть его, посмотреть туда, куда смотрит он, куда обращен его внутренний взор, к чему лежит его душа. Думаю, что мы можем назвать это интенциональностью в жизни человека. Андрей Владимирович создавал условия Встречи, когда все становилось возможным. Он был тем, кто мог быть рядом, выдерживать, принимать, разделять, вдохновлять.

Хочется отметить особую бережность Андрея Владимировича к коллегам, пациентам, ко всем, с кем он работал и общался. Я помню случай (узнала о нем через несколько лет), когда он позвонил в диспансер и сказал, что нельзя так эксплуатировать сотрудников, необходимо о них заботиться. Очень важна проблема эмоционального выгорания персонала, которой Андрей Владимирович отводил особое место.

Существует определенное количество пациентов, которых необходимо принять за день. Чем же и как можно измерить такую помощь? Возможно ли это? И каждый из сотрудников отвечает на эти вопросы по-своему, часто значительно превышая свои возможности. Сотрудники хосписа — это особые люди, зачастую с большим опытом собственных утрат. Любовь к миру, к жизни, ко всему, что нас окружает — их яркая черта.

Замок, как Андрей Владимирович его называл, действительно, для многих из нас стал местом силы и восстановления, местом заботы друг о друге. Особо ценно, что мы были там действительно вместе: и пациенты, и медперсонал, и семьи пациентов, и журналисты, и студенты, и дети, и взрослые...

Если говорить о потребности онкологических пациентов,
то вновь обращаюсь к стихотворению:

Н.Ф.

Не жалеите меня, не жалеите!
Ну и что, что диагноз не грипп?
Ну и что, что на мне оттиск смерти?
Я живу и не плачу навзрыд.
Ну и что, что, прошитая дробью,
Полыхает огнем моя грудь?
Не жалеите, клонясь к изголовью, —
Унизительна жалости суть.
Ненавижу. И приторно-сладкий
Ее вкус разъедает, как соль.
Я проткнула бы жалость булавкой,
Чтоб умчалась, почувствовав боль.
Не жалеите и самую малость.
Я все раны свои залечу.
Не нужна мне в глазах ваших жалость.
Я любовь в них увидеть хочу.*

Все, что делал Андрей Владимирович, это для меня
о большой любви к людям, о большой любви к пациентам,
о большой любви к коллегам.

Когда я работаю со студентами от тех, кто не знал Андрея
Владимировича, часто слышу вопрос: «А как создать такое
пространство? Как научиться так работать?» И это для меня

* Стихотворение из книги Фофашковой Н.В. «Отражение»: Проза и поэзия (Самара: Русское эхо, 2010. — 128 с.).

В докладе использовались стихотворение пациентки (с ее согласия), решившей остаться инкогнито; видеоролик, созданный Андреем Зоткиным для творческой встречи, посвященной памяти Андрея Владимировича Гнездилова в 2024 году на Международной конференции: «Арт-терапия — 2024: Прошлое. Настоящее. Будущее.» в г. Самаре.

очень сложный вопрос. Если говорить о методах работы, получается очень сухо, и это не о Балу, не о помощи онкологическим пациентам; если анализировать статистику, говорить о восстановительных процессах и ранозаживлении — это тоже не об Андрее Владимировиче. А вот дать возможность человеку умереть на любящих руках — это про него, это про милосердие.

Задаваясь вопросом как же передать дух этого пространства, я обратилась к старшему сыну (который тоже общался с Андреем Владимировичем, бывал на группах и помогал вести группу) с просьбой собрать видеоролик, попытавшись передать атмосферу, которая царила в пространстве Замка. Если вспомнить сказку Андрея Владимировича «Бал неСЛУЧИВШИХСЯ встреч», то любая Встреча становилась возможной в этом месте. И в конечном счете это единственное, что каждый из нас может дать своим пациентам — пространство возможностей обретения нового смысла жизни и готовность быть рядом (терапия присутствием).

В нашем диспансере есть пациенты, которые помогают тяжелобольным, находящимся дома. Это, по их словам, дает им силы жить дальше, придает осмысленность и их жизни тоже. «Я там нужен» — можно часто слышать от них.

Важный вклад в атмосферу Замка вносили работы мамы Андрея Владимировича, вдыхая жизнь в каждый уголок. Особенно ярко вспоминается «Обнимающий Христос», встречающий вас с принятием и любовью. Скульптуры самого Балу, созданные им из пластилина и рассказывающие истории в театре теней, когда мы можем видеть стрелу, выпущенную на рассвете и пронзающую того, кто ее выпустил на закате. Поликультуральная среда помогала каждому проходящему найти свой отклик, обрести своего проводника в сказку своей внутренней жизни.

Особого внимания заслуживает использование А.В. Гнездиловым звука колокола, бил. Им было замечено, что коло-

кольное звучание снимает боль у одной трети пациентов (у которых она не снималась медикаментозно), еще треть хорошо засыпала, а другая треть никак не реагировала на эти звуки. Из акустических характеристик особой является радиусность распространения звука, который способствует снятию напряжения. Как позднее выяснилось, во многом оказывается воздействие на спинной мозг, а не непосредственно на зону напряжения в теле. В последние годы Андрей Владимирович активно использовал чаши, которые тоже характеризуются радиусным звуком. Сострадание к пациенту и недостаточное количество обезболивающих препаратов заставили сотрудников первого в России хосписа искать другие способы облегчения боли. Так и появилась колоколотерапия.

Через что только человеческая душа не пытается донести миру о самом главном, о самом сокровенном. И так важно, чтобы в этот момент было с кем поделиться этими открытиями. Видя беспомощность врачей, невозможность справиться с болезнью, больной переживает это как «брошенность», когда все от него отказались и он остался один на один со своими страхами и болью. Тягостно и мучительно одиночество онкобольного. В этот момент на помощь приходит не только психолог или психотерапевт. Появляется кукла... Именно она обладает уникальными качествами: бессмертна; никогда не покинет, не бросит, будет с человеком до последнего его часа. Она «на равных» с пациентом, и поэтому может испытывать те же трудности, что и он сам. Она — друг. В этом смысле кукла берет на себя функции терапевта, привнося в происходящее элемент чуда, веры в сказку. Она способна соединить внутренний мир человека и тяжелую реальность, помочь сбыться самой заветной мечте, облегчив душевные страдания. Удивительно сходство куклы и человека ее выбравшего. Она часто наделяется не только биографическими, но и поведенческими чертами владельца, способностью разрешать сложные, на первый взгляд, безвыходные ситуации.

Андрей Владимирович считал, что самым важным для пациента является написание собственной сказки с любым концом. Она повторяет жизненный сюжет пациента, помогая разрешить на символическом уровне то, что не дано изменить в реальности. Зачастую сказка способствует подведению итога земного существования, помогает сохранить внутренний мир человека при тяжелых обстоятельствах реальной жизни.

Хочется привести строки, написанные молодой женщиной, прошедшей свой нелегкий путь принятия собственной жизни и духовного освобождения. Выражать свои чувства и переживания для нее оказалось легче в стихотворной форме.

Отпусти меня, прошлая жизнь,
Я составлю тебе благодарность.
Я воздам тебе, может, и приз
За большую былую моральность!
У медали есть две стороны,
У моральности, кажется, тоже.
Ты одну из них свято прими,
А другую и трогать негоже.
Может быть, я ошиблась судьбой?
Шла везде наугад, невпопад.
Быть должна ведь совсем я другою,
Так сказал мне мой внутренний взгляд.
Потому-то и шла, спотыкаясь,
Выбирая чужие пути.
По дороге на долю ругаясь,
Что свой курс не сумела найти.
Лишь потом это стало понятным:
Ошибается все же судьба!
И даря, и даря мне проклятье,
Все же вывела к свету меня!
Лучше поздно, чем долго незрячей.
Лучше плача, но встретить покой.

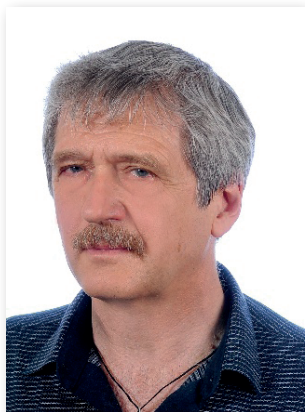
Лучше с болью, ну что ж, не иначе —
Все же выстрадать путь свой другой!

Хочется сказать слова благодарности всем пациентам, с которыми мне довелось работать за эти годы. Восхищает их мужество, мудрость, жизнелюбие и решительность. Особые слова благодарности хочу сказать Андрею Владимировичу, Балю. Именно благодаря ему мне удалось сохранить свою профпригодность и начать использовать в своей практике не только отдельные техники и приемы работы, но и начать жить рядом с пациентами, не боясь разделить их боль и страдания, оставаясь живой.

То, что делал Андрей Владимирович, с одной стороны, невозможно повторить, а с другой стороны, слушая сегодняшние доклады, я как никогда понимаю, что каждый из нас, прикоснувшийся к этому опыту, к сказке бытия, несет это с собой через всю жизнь и делится этим с другими. Так же, как когда-то сказал Андрей Владимирович: «Я ничего другого больше не умею» ...

Есельсон Семён Борисович

Вице-президент Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, член Почетного совета Всемирного экзистенциального движения, член Правления Европейской Федерации экзистенциальной терапии, руководитель модальности «Экзистенциальная терапия» ОППЛ, руководитель комитета модальности ОППЛ, руководитель Совета Международного института экзистенциального консультирования (МИЭК), организатор ежегодной научно-практической конференции «Гнездиловские чтения», г. Ростов-на-Дону

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ МИЭК «БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ НАШИХ БЛИЗКИХ»

Спасибо, коллеги. Сейчас я нахожусь в Средней Азии и думаю, как не повторять то, что уже говорили до меня. Постараюсь не повторяться.

Расскажу, начиная с 2004 года, о том, что мы потом называли экзистенциальными путешествиями. Я вез людей из Ростова-на-Дону, поезд ехал сутки. Один день — группа в пути туда, потом два дня общались с Андреем Владимировичем, потом поездом назад. О чем можно говорить в поезде после встречи? О послевкусии. Так начало складываться то, что мы называли экзистенциальными путешествиями. Собирались люди из разных городов и даже стран. Как это происходило? Покупали билеты заранее: нужно было бронировать; покупали в один отсек, в один кубрик в плацкартном вагоне.

Закупались и места сбоку и прилегающие места в соседних кубриках. Выяснялось, что наш народ может сильно уплотниться. Много людей помещалось вместе. Инна Сергеевна когда-то тоже в такой группе участвовала. Много чего может происходить у наших людей просто в плацкартном вагоне. Другие пассажиры при этом ходили, смотрели на нас, им странно, непонятно было, кто это едет и куда. Разные предположения были. Когда подслушивали, о чем мы говорим, думали, что это секта какая-то. Или группа сумасшедших, потому что странные вопросы обсуждают.

Помню ту первую поездку. Тогда начали происходить невероятные, запредельные вещи. В первой поездке ехала группа, в ней были супруги, которые только что поженились, молодой врач и его жена — психолог. Андрей Владимирович долго смотрел на них и начал вдруг вспоминать дамасскую сталь: пока сталь не прошла закалку, она еще не может быть оружейной сталью. Я запомнил, хотя не очень понял, к чему это относится.

Этот молодой человек, врач, приезжает домой в Ростов и совершенно неожиданно тяжело заболевает. Очень тяжело. Чтобы его спасти, нужно много денег. Его жена, психолог, пускает побоку свою профессию (а она была очень талантливым специалистом), увольняется, уходит из центра, где работала, устраивается в туристическую фирму, начинает очень прилично зарабатывать, и все деньги тратит на то, чтобы вытащить мужа. Так длится несколько лет — и он выздоравливает. Он выздоравливает, у них появляется ребенок. Вот тогда я вспомнил про эту дамасскую сталь. И подумал: одним хорошим психологом стало меньше, зато одной счастливой семьей больше.

Рассказал об этом Андрею Владимировичу. Он очень обрадовался, говорит: «Может, даже сказку об этом напишу». Может и написал, но я не знаю, поскольку читаю не все сказки. Но я помню про дамасскую сталь.

Дальше, если по годам вспомнить, идет 2006. Мы организуем на базе Бехтеревки приезд лидеров психотерапии. Лидер мировой экзистенциальной терапии профессор Эмми ван Дорцен из Великобритании и ее муж, английский психоаналитик профессор Дигби Тамтам. Они в гостях, в квартирном музее Андрея Владимировича, и можно ожидать, что сейчас начнется профессиональная беседа. Ничего подобного. Андрей Владимирович начинает просить их о какой-то маленькой девочке. Не о психиатрии, не о психотерапии идет речь, а конкретно он пытается о чем-то договориться с ними для маленькой девочки, демонстрирует им эту девочку. Англичане удивляются: как из музея может образовываться психотерапия? Это очень странно. Группы никакой не было: были они и музей. Андрей Владимирович большую часть времени потратил на просьбы о маленькой девочке, и только потом показал, что есть в этом музее. Замечательный музей. Но при чем здесь психотерапия? Гости недоумевали.

После этого прошло 14 лет. Шел уже 2020-й год. Февраль, канун ковида. В феврале у Андрея Владимировича проходила группа «Болезни и смерть наших близких». В составе этой группы был Христиан Шульц — немецкий и канадский экзистенциальный терапевт, который занимался онкопсихотерапией. Шульц говорил: «Я много ездил, и могу сказать, что в мире ничего подобного нет. Вы сами себя не цените. Того, что делает Андрей Владимирович, нигде в мире больше нет. Нужно как-то его представить мировому сообществу онкопсихологов, онкопсихотерапевтов» ...

К сожалению, началась пандемия, и сделать это не удалось.

Помню из области удивительного. 2007-й год. К Андрею Владимировичу приезжает совместная группа из Ростова, из Мариуполя, из Донецка. Зима. Хоспис закрыт. Не помню почему, кажется, эпидемия гриппа. День провел у него. Андрей Владимирович говорит:

— Послушайте, люди, вам бы к Иоанну Кронштадтскому.

— Вы, может, ошиблись? Нам к Ксении Петербургской.

— Нет, к Иоанну Кронштадтскому вам.

Это смутило людей, но Андрей Владимирович настаивал:

— В Кронштадт вам лучше бы поехать.

Времени было мало — поехали в Кронштадт. В Кронштадте тогда еще был открыт частный домашний музей. То, что было в этом домашнем музее, было связано с жизнью Иоанна Кронштадтского и нигде больше не показывалось, не рассказывалось. Речь шла о сложностях жизни, которые святой праведный Иоанн Кронштадтский преодолевал.

После этого я начал проводить группы на эту тему. Группы на тему смирения. По мотивам того, что нам тогда в Кронштадте рассказывали. Андрей Владимирович сказал:

— Ну, наверное, это то, что и следовало ожидать.

— Вы знали об этом?

— Нет, — говорит, — но я чувствовал, что вам нужно к Иоанну Кронштадтскому.

Это его поразительные предвидения и предчувствия!

Поначалу я участвовал в таких встречах, но потом уже слишком много людей было, и, к тому же, «двойные отношения». Я только привозил людей. Когда я в первый раз был у Андрея Владимировича дома и участвовал в действиях с переодеваниями, то он меня одевал в адмирала Нельсона. Я играю спектакль «Прощание адмирала Нельсона перед Трафальгарской битвой», — и вдруг стремительно возникает огромное количество отделений института по разным странам, целая эскадра. Уже позже, в Индии, когда я был в гостях у тибетцев, ко мне подошел какой-то проезжий прорицатель и сказал, что я капитан большого корабля... Адмирал...

Следующий раз я приезжаю к Андрею Владимировичу, он меня одевает в Марко Поло и подсказывает: «Это не просто венецианский купец, это Марко Поло». Сыграл я Марко Поло — неожиданно и стремительно начинаются мои путешествия по миру. Что будет дальше?

В следующий раз приезжаю, меня одевают в поручика Ржевского. Опять подсказывает: «Учтите, это поручик Ржевский». И вот группы, которые я после этого провожу, видоизменяются, насыщаются юморотерапией. Из меня анекдоты льются как из рога изобилия. Раньше я так не умел.

Последнее мое переодевание стариком. Стариком Хоттабычем. Вот теперь я действительно начинаю себя чувствовать психотерапевтом. Это из воспоминаний о себе.

А вот из удивительного, с чем сталкивался в ходе работы группы «Болезни и смерти наших близких». Идет терапия переодеваний. Андрей Владимирович предлагает одной даме (она завкафедрой психологии и у себя в городе активно позиционируется как христианский психолог) одеться в костюм Фараонши. Она говорит: «Да нет, что ж вы мне такое предлагаете?» — «Одевайтесь, одевайтесь, вы просто вылитая Фараонша». — «Как же? Да что это вы мне предлагаете?» — «Надевайте, просто костюмчик льнет к вам».

Оказывается, она очень жесткий руководитель. Вот как это он чувствовал?! Мне Андрей Владимирович потом говорил: «Если она поймет, почему я ей дал Фараоншу, уже полдела будет сделано».

Предлагает женщине украинский костюм, а женщина в теле. Она надевает костюм и начинает танцевать гопак, танцевать до упаду. С большим напряжением, выпучив глаза. Явно давление у нее, а ее ведь никто не заставляет. После танца он отвел ее в сторонку и долго с ней беседовал. Потом я спрашиваю: «Ну что?». Он говорит: «Ну, слушайте, это диагностика всех возможных ее проблем, никто ее не заставлял, зачем она перегружает себя?». Эта женщина фактически загнала себя до смерти этой перегрузкой. За много лет до этого пытался он как-то ее предупредить. Она привыкла так жить. И этот танец был предупредительным.

Многие коллеги видели, как он работал с куклами. Главное в этой работе было то, какую куклу выберет себе человек.

Это очень важный принцип. Я видел, как с детьми работают дальше те наши слушатели, которые усвоили это. Приезжаю в гости к коллеге в Севастополь: у нее огромное количество маленьких, но разнообразных куколок. Чувствую, что мое внимание притягивает почему-то одна кукла. Думаю: «Почему она?» И начинается работа. Что можно с этим делать? Кукла помогает людям рассказать о себе. Почему они выбрали эту куклу? Чем она их привлекла? Могут ли они рассказать о жизни, придумав сказку об этой кукле, в связи с этой куклой?

Много возможностей таил в себе театр теней. Для театра он сам (подхватил это от своей мамы, известного скульптора) изготавливал всевозможные фигурки. Он придумал такой состав пластилина, который мог не плавиться годами — и фигурки сохранялись. Фигурки можно вращать, освещая в темноте лампой, — возникают разные образы-тени, с которыми можно работать. Главное — передать движение, понять, кого какие образы притягивают.

Что было еще в его квартире-музее, которую называли замком? Ключи всех видов. В том числе ключ от средневековых ворот в городской стене. Огромный был такой ключ, если помните.

Повторение средневековых опытов с огнем, то, что называется танцем саламандр: образование устойчивых фигурок в огне и наблюдение за этими устойчивыми образованиями. Дальше размышления: что все это значит? Почему один человек наблюдает там одни танцы, а другой — совсем другие? Как эти танцы связаны с наблюдающим за ними человеком? Какие мысли у него при этом появляются?

Колоколья... Когда было последнее гонение на церковь, предпринятое Хрущевым в начале 60-х годов, и снова, как в 30-е годы, сносились храмы, то Андрей Владимирович, сколько мог, колокола собирал. Потом, когда началось восстановление церквей, он их раздал, но несколько маленьких

колоколов оставил себе и создал колокольную на чердаке. Работа с колоколами... Особенно, если несколько людей начинают вдруг вместе бить в колокола... Надо сказать, что в свое время Андрей Владимирович подружился с сообществом звонарей, проводившем конкурсы в Ростове Великом. Андрей Владимирович осваивал это искусство, старался быть и в этом деле профессионалом. Так вот, ценно было то, что происходит с этим звоном на чердаке. Будет ли человек звонить в одиночку или с кем-то? Что за звон будет? С какими именно колоколами. С этим можно было работать.

Вспоминаю про истории, которые Андрей Владимирович рассказывал про Башенное братство. Какую башню можно отсюда увидеть? Кто может увидеть сигналы, если ты их подаешь в окно чердака? И Башенное братство, и соседний дом с табличкой, указывающей, что здесь жил Гумилев, все начинает обретать реальность. И мебель антикварная, и те, для кого эта мебель была бытом, повседневностью... Мережковский, Ахматова, Гумилев, Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов, Марина Цветаева — все они сидели на этих стульях, в этих креслах, за этим столом. Вот это и создает определенную атмосферу и настраивает на размышления. Современные психотерапевты часто говорят о четырех измерениях бытия, в которых наша жизнь проходит, но Андрей Владимирович называл еще пятое — сказочное. Оно открыто детям, но в процессе социализации исчезает из сознания. Если помочь человеку вернуться в это сказочное измерение, он будет по-другому относиться к смерти: исчезнет страх перед ней. Как вернуть человека в это пятое измерение? Вот здесь и помогало это антикварное пространство и все, чем оно было насыщено.

В хосписе много говорили о том, как важно уходить из этой жизни на любимых руках, а не в одиночестве. Андрей Владимирович, как мог, противостоял построенному по представлениям высокого начальства новому расфуфыренному

хоспису, где практически создавалось одиночество — палаты на один-два человека. Он был в ужасе от такой организации хосписа, потому что люди привыкли быть среди других людей. Это хорошо, когда уходящие среди других людей, могут о чем-то разговаривать, делиться. Хорошо, когда палаты многолюдны.

В хоспис приходили группы из нашего института. По пути в Санкт-Петербург, в поезде, начиналась экзистенциальная терапевтическая группа «Болезни и смерти наших близких». Люди думали с надеждой о том, что они едут к доктору Балу. К встрече с Андреем Владимировичем уже готовы были вопросы. Встреча была полезной и насыщенной. В хоспис везли подарки. Долго готовились, думали о том, что везти. Это был целый процесс — выбор подарков. Встреча людей из группы и людей из хосписа не проходила без подарков...

Андрей Владимирович говорил также и о том, насколько для умирающих людей важны встречи с любимыми животными.

Вспоминая доктора Балу, очень сложно остановиться, потому что одно воспоминание влечет за собой другое, и, вспоминая, ты заново все проживаешь.

Может быть, нам начать создавать что-то по модели виртуального музея?

Инна Сергеевна: Семён Борисович, да. Мы озвучивали в начале работы конференции наши задачи, и одна из них — создание виртуального музея. Пока, к сожалению, не получилось так, как хотелось бы: живое пространство, коллекции, которые работают, учат, помогают. Мы приняли решение, что будем делать то, что зависит от нас. А от нас зависит помнить и продолжать. Мы надеемся, что музей будет пополняться вашими докладами, коллеги, вашими воспоминаниями, вашим опытом работы, тем, как вы перенимаете и используете на своем рабочем месте то, чем поделился с нами Андрей

Владимирович Гнездилов. Повторю, что только вместе мы сможем с этим справиться. Также не могу не сказать: насколько серьезно было построено Семеном Борисовичем путешествие по воспоминаниям. Например, можно было доехать за 20 часов до Петербурга, а мы ехали 42. Почему? Потому что важно было пространство, которое создавалось в плацкарте, то, как мы друг друга поддерживали, слушали. Это драгоценные часы и минуты. Ведь потом, Семен Борисович, после лекции в хосписе, после встречи в квартире Балу (в Замке), мы собирались в гостинице, в хостеле, на Знаменской и обсуждали основные переживания прошедшего дня.

Семен Борисович: Да, каждый вечер там снимался один большой номер, чтобы мы могли собраться. И немец-канадец (Х. Шульц) просто поражался, как можно столько людей собрать в такой небольшой комнате? Но наши люди не боятся тесноты. Вот собирались и проводили группы в этой комнате по итогам дня.

Инна Сергеевна: Все это было нашей терапией. Здесь обязательно стоит упомянуть один из девизов нашего Международного института экзистенциального консультирования: «Врач — исцели себя сам». С чего мы сегодня начинали? С вопроса: имеем ли мы право, помогать кому-то, кому очень тяжело? Наверное, имеем, если подошли к осознанию того, что прежде всего мы сами должны быть чем-то наполнены, и что-то в нас самих должно быть открыто, прежде всего для нас самих, о себе.

Здесь нам, конечно, помогают наши учителя. Спасибо, Семен Борисович.

Степанов Михаил Петрович
Поэт, музыкант, близкий друг
А. В. Гнездилова,
г. Санкт-Петербург

КАК АНДРЕЙ ГНЕЗДИЛОВ СТАЛ ДОКТОРОМ БАЛУ

Спасибо, что пригласили меня, что пронесли через долгое время любовь к Балу, и думаю, пока мы в сердцах несем его имя, мы будем живы, будем счастливы, будем творчески работать. Теперь о том, о том, как Андрей Владимирович стал Балу.

Дело было так: 63 года назад я попал в больницу со сложным заболеванием сердца. У меня было бычье сердце, куча всяких писков, скрипов, шумов в сердце. Гарантий на жизнь мне не давали. Потом, когда мне стало немного полегче, меня перевели в большую палату. Сердце у меня громохало, и чем это закончится, никто не знал. И вот однажды появился доктор в больших коричневых роговых очках. Курчавый блондин. Он стоял в дверях и смотрел на меня.

— Ты знаешь, я отсюда слышу, как бьется твое сердце. У тебя, наверное, очень большое сердце, — говорит он мне.

— А это хорошо, когда большое сердце? — спрашиваю я.

— Ну, наверное, хорошо. Значит, ты хороший человек, — говорит он.

— Ну, не знаю...

— Ты так похож на Маугли, очень похож, — говорит он.
(А у меня были длинные волосы до плеч. Мы приехали туда

с юга, где мне не подошел климат по здоровью. Вот я оттуда прямо в больницу попал).

— А кто такой Маугли?

— Ты что, не читал «Маугли»?

— Нет.

— А Киплинга ты вообще читал что-нибудь?

— Нет, не читал.

— И сказки Киплинга не читал?

— Нет.

— Я тебе обязательно принесу.

И вот буквально через день он принес мне книжку, которая называлась «Маугли». Я эту книжку прочитал с большим удовольствием. Потом он пришел снова.

— Ну как, тебе понравилось? — спрашивает.

— Понравилось, — говорю. Рассказал, что мне понравилось, какие песни, какие звери понравились.

— А можно я буду звать тебя Маугли?

— Можно. А я буду вас звать Балу, — говорю я.

— А почему Балу?

— А потому что вы большой и добрый.

С тех пор я стал звать его Балу. Потом его так стали называть все его друзья, мама и другие люди. Будучи сказочником, он все время придумывал себе разные имена. То был Принцем, то Аладдином, много всяких было имен, но они как-то не приживались. А вот имя Балу прижилось сразу. И все стали звать его Балу.

Позже он меня привел к своей маме, познакомил. Она говорит: «Ну, дай-ка я на тебя посмотрю. Ты правда похож на Маугли». И мы с ней подружились. И началась наша дружба с Балу, которая прошла через всю нашу жизнь. Мы с ним выезжали за город, провожали закат солнца.

Были интересные приключения. Он меня научил играть на дудочке. И как-то вечером мы с ним поехали в Комарово на залив, вечером сели и играли вдвоем на дудочке, импро-

визировали в восточном стиле. И вдруг он оторвался от музыки и говорит: «Ты знаешь, а вот здорово было бы, если бы сейчас под наши дудочки пришла большая кобра, поднялась бы и слушала нас». Я говорю: «Да, было бы здорово». Мы продолжили играть. И в это время проходила мимо женщина. Она заинтересовалась, ей понравилось. Присела на камушек и стала слушать. Балу ко мне наклоняется, смеется и говорит: «А все-таки пришла».

И праздники мы вместе с ним отмечали, и дни рождения. На дне рождения у него тоже были всякие приключения. Тогда у тети Нины была отгорожена часть большой комнаты, где сейчас стол стоит. Там она занималась лепкой своих скульптур. Балу в этой комнате убирал все и устраивал свои праздники и там праздновали день рождения. Одевал всех в костюмы, он их заказывал в Кировском театре. У меня постоянно был костюм пажа. Точно такой, как в фильме «Королевство кривых зеркал» у двух сестренек. Я слушал, смотрел, как разыгрывались всякие спектакли.

Например, было очень интересно, когда в проеме, который выходит на кухню, ставили большую-большую раму от картины. И кто-то должен был появиться из темноты в этой рамке и что-нибудь прочитать или рассказать.

Вечера были очень интересные. Он же был большой выдумщик. Как-то я прихожу к нему на день рождения, открываю дверь в прихожую, а там постамент, на нем лежит Балу, накрытый простыней. Я смотрю, не могу понять, что случилось. Он поворачивается ко мне, чувствует, что я в недоумении, и говорит: «Маугли, не переживай. Я просто сейчас умер, но у меня сегодня день рождения, я буду сейчас рождаться». Потом его унесли в большую комнату, где он возродился.

Много у нас было на протяжении всей жизни разговоров, бесед. Но я чаще приходил к нему в будние дни, потому что по пятницам, которые он назначил для гостей, было много

народу, не поговоришь. Я, если приходил в такие моменты, то просто созерцал, слушал. А так в будни мы с ним беседовали, что-то обсуждали. Здоровье мое улучшилось. Потом он мне посоветовал заняться йогой, чтобы поправиться. Давал старинные книжки, я внедрялся в эту систему и в конце концов вылечился. Потом, когда уже все прошло, я перестал даже йогой заниматься, были свои дела, занимался музыкой.

Мне стало как-то плохо однажды, и врачи назначили операцию по пересадке сердца. Я обиделся на них за это. Но мне сказали: «Ты не волнуйся, после этого можно лет пять-пятнадцать прожить. Люди живут и ничего». Я говорю: «Нет, спасибо, что-то не хочу». Пролечился я опять по своей системе, через год пришел, и меня спросили: «Да кто вам сказал, что вас нужно оперировать?». Балу всегда поражался, как это я умудрился все эти болезни, казалось бы, неизлечимые преодолеть. Кроме того, я сам стал заниматься целительством, многим людям помогал. Меня даже приглашали в клиники к сложным больным. Я занимался диагностикой, лечением руками.

В последние годы Балу стал себя плохо чувствовать. Мы с ним чаще виделись. Но тема смерти его волновала на протяжении всей жизни. Как-то он говорит: «Не хочу, чтобы плакали, расстраивались, если я помру. Я хочу, чтобы все танцевали, веселились, чтоб это как праздник был, а не печаль». Я говорю: «Балу, ну вот если я помру, вы будете радоваться? Представьте, что я сегодня умру, а завтра вы должны будете танцевать, веселиться». Он задумался, говорит: «Так у нас что-то не получается». Я говорю: «Вот, ни у кого не получится».

А еще интересно то, что рядом с ним невозможно было быть просто человеком, все время хотелось чем-то заняться особенным. И я писал стихи тогда. Когда принес ему свою первую книжку, он посмотрел на нее и говорит: «Ну накопец-то!». Как будто бы ждал всю жизнь, что я должен был это сделать.

Когда я приходил к нему в гости, что-нибудь импровизировал за инструментом. После восьмого класса я поступил в музыкальную школу и окончил ее за два года, поступил в музпед. А через три года уже на больших концертах выступал. Потом сказку одну написал, которая ему очень понравилась, про фонарики. И как-то вся жизнь прошла в творчестве и болезни, и в борьбе с болезнями.

Тетя Нина говорила: «Маугли: ты Шерхана в книжке победил?». Я говорю: «Победил». «Но ты учти, что Шерханов будет много, тебе еще не раз придется побеждать какого-нибудь Шерхана». Потом она меня крестила, стала моей крестной мамой. А Балуг стал моим крестным братом. Все, кто приходил к нему в гости, звали меня Маугли и до сих пор зовут.

Инна Сергеевна: Михаил Петрович! Пожалуйста, расскажите немного о удивительных Балах, которые проходили с участием Андрея Владимировича. Мы много слышали о них, а вы их непосредственный участник на протяжении многих лет.

Михаил Петрович: Это были действительно чудесные встречи. Их организовывала Татьяна Тугунова. Однажды Балуг приехал ко мне в гости на дачу с Наташей Морозовой — дочкой профессора Морозова, который создал известные капли Морозова. Они посмотрели, что я там натворил, насадил, построил. Балуг говорит: «А вот если бы здесь устроить бал-маскарад с костюмами, как бы было здорово!». Мы так и порешили. Устроили с ним костюмированный бал, приехали все приглашенные. Люди очень интересные, в основном, конечно, медики. Было очень здорово, красиво, разыгрывали какие-то спектакли, сценки. Были прекрасные гитаристы.

У меня на даче бал проходил два раза. Там фонтан сделан в виде замка и сам дом построен с намеками на старинный

замок. На конференции обязательно покажем вам все фотографии следующего бала.

Случаев интересных много, но, если рассказывать, нужен отдельный вечер. Хорошо бы за самоваром с чашкой чая, как в Замке Балу.

Могу рассказать напоследок один случай, который произошел буквально в последний год. Как-то Балу попросил меня: «Маугли, ты можешь что-нибудь новенькое из своих стихов прочесть?». Я говорю: «Есть грустное одно стихотворение», и прочел:

Однажды не будет весны.
Однажды не будет лета,
Не будет даже зимы,
А осень заблудится где-то.
Любимых не будет цветов
Тепла и задора не будет,
Не будет несказанных слов,
И сказанных тоже не будет.

Он помолчал, посмотрел и говорит: «Знаешь, Маугли, не торопись».

Вот так. А знакомству нашему с ним больше пятидесяти лет. К следующей конференции подготавливаю, что-нибудь еще расскажу интересное.

Даур Арина Юрьевна
Член Союза художников России,
Действительный член Петров-
ской академии наук и искусств,
руководитель Студии-мастерской
(обучение живописи в технике
Старых мастеров), организатор
Международных фестивалей мо-
нотипии, художник-иллюстратор
пяти книг А. В. Гнездилова,
г. Санкт-Петербург

СКАЗОЧНЫЕ МИРЫ

Просмотр документального фильма «Сказочные миры», автор Арина Даур

С Андреем Владимировичем Гнездиловым меня познакомила сестра Галина Парфенова. Она была певица-исполнительница обертоновых импровизаций. По пятницам в мастерской Андрея Владимировича собиралась творческая компания музыкантов, художников, поэтов, где проходили импровизированные концерты, велись разговоры об искусстве. Мастерская производила впечатление жилища волшебника-чародея, где всем оказывали радушный прием. Каждый метр пространства мастерской был наполнен удивительными артефактами и сказочной атмосферой.

Вот в этот сказочный мир я пришла со своей большой клетчатой папкой, в которой хранились мои монотипии.

Я профессиональный художник, занимаюсь живописью и монотипией. Монотипия — это вид творчества, который живет между графикой и живописью. Это импровизация внутреннего мира в заданной ситуации созданного красочного пятна. Возможность увидеть художественный образ в хаосе

красочного пятна и довести его до убедительной поэтической реальности является практически волшебством.

Именно эти работы я разложила на легендарном огромном столе под большим абажуром. Работы были очень разные, их было больше ста.

Андрей Владимирович долго ходил вокруг стола, рассматривал, удивлялся, ярко и эмоционально реагировал. Я, конечно, знала, что он серьезный ученый, доктор, сказочник и поняла, что мои монотипии не оставили его равнодушным. Художники это чувствуют по первому взгляду на их работы. Андрей Владимирович удалился на время с ощущением человека, увидевшего нечто странное. Вскоре он вернулся со стопкой книг и подарил их мне. Это были его сказки. Затем он сказал, что, если хоть одна из них мне понравится, мы сделаем иллюстрированную монотипиями книгу. Мне было очень приятно быть понятой таким зрителем, и я согласилась, сказав, что попробую поработать с предложенным материалом.

Андрей Владимирович попросил меня показать процесс создания монотипии. При следующей встрече я пришла с красками и кистями. Сам процесс создания монотипии сказочный, непредсказуемый, требующий концентрации и настроения.

Теперь я понимаю почему монотипии так заинтересовали Андрея Владимировича, когда он сказал, что работать не надо, потому как во всех работах живет дух сказки. Затем, внимательно разглядывая мои работы, он стал произносить имена своих сказочных персонажей и сказал, что мы попали в один сказочный мир. Так сложилась дружба и творческий союз сказочника и художника.

Мне хочется завершить свое выступление цитатой из сказки Андрея Владимировича «Музыка рассвета» в которой точно изложено творческое кредо сказочника.

«Душа — это универсальный инструмент, который может издавать самые разнообразные звуки. Но, согласитесь: любо-

му музыкальному инструменту требуется настройщик. Ведь расстроенный инструмент способен отчаянно фальшивить, издавать лишь дисгармоничные звуки, и таким настройщиком является сказочник. Да, да, именно так».

Сказочник настраивает музыкальный инструмент нашей души долго и терпеливо. Он то натягивает, то чуть отпускает струны. Он протирает молоточки мягкой тряпицей, капает волшебное масло или клей туда, где это необходимо. Вы не видите этого. В это время вы читаете сказку. Просто читаете сказку.

Первая книга «Сундук старого принца» с моими монотипиями вышла в 2006 году, а всего было проиллюстрировано пять книг Андрея Владимировича.

Ковалева Инна Сергеевна

*Клинический психолог, онкопсихолог,
член Союза писателей России,
преподаватель Санкт-
Петербургского института
практической психологии
«Иматон», Московского
Института психоанализа,
руководитель научной секции
«Геронтопсихотерапия»
Общероссийской Профессиональной
Психотерапевтической Лиги
(ОППЛ), ученица и последователь
А.В. Гнездилова, организатор ежегодной
научно-практической конференции
«Гнездиловские чтения», г. Москва*

ТАМ, ГДЕ НИЧЕГО БЕСПОЛЕЗНОГО НЕТ...

Заключительное слово

Уважаемые коллеги! Мне бы хотелось завершить нашу конференцию словами благодарности не только Андрею Владимировичу, но и тем людям, которые постоянно находятся рядом с пациентом. Свой доклад я назвала «Там, где ничего бесполезного нет». Конечно, он посвящен учителю, чье дело мы продолжаем. Но, повторюсь, и с огромной благодарностью к его коллегам и соратникам.

В моей жизни есть два учителя, не считая близких и моих пациентов. Это Семен Борисович Есельсон. Именно через него пришел второй учитель, главное благословение в моей жизни — Андрей Владимирович Гнездилов. 14–15 апреля 2011 года мы были в экзистенциальном путешествии в Петербург к Андрею Владимировичу с Донецкой площадкой

МИЭК (Международный Институт Экзистенциального Консультирования). Там состоялась наша первая встреча, определившая мой дальнейший профессиональный путь. Сегодня уже звучала фраза Андрея Владимировича, которую мы слышали тогда в хосписе, которую я постоянно использую в докладах и лекциях: «Важно прийти в этот мир на любящие руки и уйти из этого мира на любящих руках». Она в прямом смысле перевернула мою жизнь. Но не в сторону страха смерти, конца жизни, наоборот, я озаботилась ценностью самой жизни. Как ее прожить так, чтоб эти любящие руки оказались рядом. В подготовке к поездке я вычитала где-то фразу, описывающую паллиативную помощь так: «Паллиатив — это обволакивание любовью». Сейчас к ней я добавляю слова, а метод врача — это сам врач.

Мы были поражены увиденным в хосписе, увиденным в замке и словами Андрея Владимировича, который говорил, что «Болезнь — это та же жизнь, только в особых условиях, и ее можно сделать красивой, добавить эстетики или смысла. Это значит облегчить и сделать ее более качественной и более прекрасной».

Для многих было непостижимо услышать его слова: «Всегда нужно помнить, что разговор с онкологическим больным — это все равно что разговор под пулями, потому что можно чувствовать, как у больного сжимается сердце, когда он слышит диагноз и прогнозы о своем заболевании и массу деталей». Нам важно помнить — страшная тема, но она актуальна — о суицидальной готовности больного. Даже если он не совершает суицида, то постоянно об этом думает, что усугубляет его переживания.

Вы видите фотографии Сесилии Сондерс, которую называют матерью хосписов, и Виктора Зорза. Присоединившись к их миссии, Андрей Владимирович говорил: «Хоспис вещал собой, что умирать не больно, не страшно, не тяжело. Заманчиво звучащий лозунг не всегда был состоятельным.

Измерить боль, которую испытывает уходящий человек, невозможно, как бы ты ни пытался. У каждого она своя и требует помощи. Некупированная боль — это легальная пытка».

Безусловно, сегодня мы научаемся работать с болью и научаемся более важному — видеть человека, а не его диагноз и проявление его болезни. Учимся быть рядом с пациентом и его страданием, вспоминая слова Учителя:

«Очень важно человеку говорить. Но еще важнее быть в обществе с человеком, который к нему расположен, который может понять его и не будет участливо спрашивать о жалобах, а поведет его в какой-то другой мир».

Мы знаем, какой мир создавал Андрей Владимирович. Доктор лечил искусством, пространством чудес, радости и веры. В этом и была его уникальность, сила, мастерство, проявленное деятельной любовью к каждому, живущему или умирающему. Помогал пациенту колокольным звоном, магией огненного танца, сказками, куклами, костюмами, лепкой из пластилина, старинными ключами, картинами, музыкой, театром теней. Он был врачом, исцеляющим не только наукой и своим профессионализмом, но и молитвой, любовью, пониманием вечности и самим собой. В его сказке есть такие слова: «Соприкосновение со смертью необыкновенно отрезвляет нас от повседневных мелочей и забот тумана».

Никогда бы не подумала, что хоспис перевернет мою жизнь и, более того, спасет меня. Спасибо дорогим коллегам выездной службы, каждому пациенту и его семье.

Мой сын, впервые побывав в Первом Московском хосписе им. В.В. Миллионщиковой, сказал, что «Вера родилась для облегчения страха смерти». Когда мы оказались беженцами, а я стала сотрудником этого хосписа, не столько я приходила облегчить состояние, сколько мои пациенты помогали мне. Поддерживали, возвращали, учили, растили и как человека, и как специалиста. Сопровождая тяжело болеющих и умирающих людей, могу сказать, именно они каждый день дарят

нам бесценные подарки своим примером мужества быть. Особенно дети в детском хосписе.

Очень часто, особенно при утрате ребенка, все внимание обращается на маму. И мало кто понимает, вообще задумывается о том, как страдают мужчины. Мне повезло стать первым игровым терапевтом выездной службы детского хосписа «Дом с маяком», а собственная рана дала смелость провести первую терапевтическую группу поддержки для пап подопечных детей фонда.

Пришло семь мужчин. У них были тяжело болеющие, умирающие дети. Мы сидели в прекрасном зале кафе, я подготовила тематическую беседу с элементами фильмотерапии. Начали с простого разговора. Один папа не выдержал, заплакал. Мы не знали, как ему помочь в этот момент. Каждый думал о своем горе. Повисла недолгая пауза. Его ребенок обречен, смерть может наступить в любую минуту. Как мужчины стали поддерживать его! Каждый делился своим опытом, рассказывал, как он с этим справляется. Конечно, это было бесценным даром. Только сильный духом может все, но и он, такой мужественный, нуждается в поддержке ничуть не меньшие, чем мама.

Сейчас жизнь многих моих клиентов уместается в одном ящике прикроватной тумбочки. Посмотрите, пожалуйста, реальные фотографии, сделанные в ноябре перед конгрессом ОППЛ. Это гериатрический центр, вот кровать пациентки, вот ее приоткрытая тумбочка. Куда дотянулась ее рука — это и есть пространство ее жизни. И больше в ней ничего нет.

Обратите внимание: внутри тумбочки старая фотография, которую она не видит, часы, очки и телефон, которым она не пользуется. Она говорит: «Я не плачу, я злюсь, что никому не нужна». Эта история и про меня. Про мою боль как специалиста и как человека. Когда взрослые дети моих пожилых болеющих клиентов говорят: «Какой смысл биться с деменцией, если он все равно через год помрет?»

Было сложно с этим примиряться, и, конечно, я «пытала» Андрея Владимировича вопросами, как справляться с неверием в возможность помощи неизлечимому больному. Он сказал эти слова: «Самому специалисту важно дорасти до врача. Мы должны пробовать помочь. Искать. Совершенствовать свою личность, чтобы она доросла до уровня врача, врача в понимании Парацельса». Сам Гнездилов добавлял: «Для меня эти слова золотые».

Конечно, мы понимаем, что в жизни нашего пациента мы с вами временно, но очень важно оказаться рядом с ним и его страданиям своевременно. Потому что у наших пациентов, у наших подопечных нет того самого времени или его остается очень мало, но именно у нас есть возможность успеть что-то доделать, досказать, допрожить вместе с ними или даже за них. Часто это проявляется в совершенно незначительных деталях, но имеющих огромную ценность, о которых хосписные люди знают как никто другой.

Знаете, вроде, мелочь, кто-то даже посмеется, но, когда я прихожу на работу в пансионат, слышу запах котлет, или запах салата из свежих овощей, который готовит повар, тут же вспоминаю вкус компота из сухофруктов из детства —, теплоту дома, в котором тебя ждут — все это терапия, все это поддерживает не только пациентов, но и меня саму, нас с вами.

На фотографии вы видите мою замечательную подопечную Александру Севастьянову, у которой тяжелое заболевание. Я называла ее Коко Шанель. Она была великолепна в своих нарядах. Посмотрите, как она улыбается. Разве мы можем сказать, что она вообще ничего не помнит? Ни о себе, ни об этом мире, ни о своем любимом платье. Вот она с куклой, сделанной по подобию куклы, которая досталась мне по наследству от Андрея Владимировича. И тут же вспоминаются его слова: «В общении с больным, с любым болеющим человеком, бесполезного ничего не бывает. Он считает даже наши усилия, даже в полном молчании».

Наиважнейший аспект, терапия словом. Мы сегодня много говорим о смерти и о том, как сопровождать в процессе горевания. Но ведь важно помнить, что терапия словом действует еще до рождения человека.

А терапия общением! Сегодня тысячу примеров приводили. Расскажу одну историю о важности взаимодействия, несмотря ни на что. Пациентка полностью зависима, не коммуникабельна, находится в инвалидном кресле, это только оболочка, казалось бы. Но она всегда, постоянно присутствует с нами на занятии. Я провожу групповой когнитивный тренинг для поддержки высших психических функций у пожилых людей, имеющих деменцию, болезнь Альцгеймера и другие нейродегенеративные заболевания. И вот представьте себе, человек спит, голова опущена, нет никаких реакций на происходящее вокруг. А у нас в девчачьем коллективе работа кипит. Мы и спорим, и смеемся, и ругаемся. В какой-то момент стали вспоминать слова на определенные буквы. Дошли до буквы Л. И вдруг эта женщина, которая, казалось бы, находится в другом измерении, поднимает голову, открывает глаза и говорит: «Либретто». Вы знаете, мы плакали все. И мои дементные подопечные, и я сама, и девчонки-сиделки, которые стали свидетелями этого чуда. Это было оживление, казалось бы, уже мертвого, погибшего от болезни человека.

Послушайте некоторые фразы моих клиентов.

- У меня состояние трепыхания потрясающее.
- Отвлеки меня, а то я собралась умирать...
- Я тогда не буду умирать, раз ты меня так хвалишь!
- Самое лучшее лекарство общение.
- Динозавры вымерли, потому что бродили в одиночку.

Прошу заметить, эти слова принадлежат пожилым людям с тяжелыми когнитивными нарушениями. В них виден прямой посыл о важности взаимодействия.

На фотографии вы видите руки еще одной моей подопечной. Она была удивительным человеком. Тем, которые на-

всегда остаются в памяти и в сердце. Мы понимали, подошли последние дни ее жизни. Она уже почти не говорила, почти ничего не видела, но еще помнила, узнавала меня. Хотелось, что-то еще для нее сделать. Я вывезла ее на улицу на коляске. Она успела увидеть красоту деревьев, услышала птиц, прикоснулась к цветам и траве. В состоявшемся диалоге был только мой монолог, с воспоминаниями о наших встречах, о ее жизни, ее любимой работе на студии «Союзмультфильм». Её любящие руки рисовали мультики, на которых выросли мы и наши дети. Сейчас эти любящие руки нужны ей.

Когда я спросила: «Надежда Николаевна, вы хотите еще посидеть в коляске или лечь в кровать? Она ответила: «При вас».

Вы знаете... В тот миг для меня мир остановился. Она не могла ничего сказать, не могла объяснить свое желание, дать точный ответ. Но эти два коротких слова «при вас», сказали обо всем... Думаю, каждому из нас понятно, это и есть главное. Недавно Надежда Николаевна умерла. Хорошо, что мы успели попрощаться с ней, а она успела прикоснуться к окружающему миру.

Безусловно, надо сказать о терапии личной историей. Этот случай из практики подарил понимание важности напоминания человеку о самом себе. Болезнь ограничивает срок его жизни и оставляет нам меньше возможностей для помощи ему. Знание его личной истории становится лекарством.

Моя подопечная была воспитателем в детском саду, проработала там всю жизнь. Мы писали ее воспоминания, ее историю. Болезнь Альцгеймера отнимала у нее память, уничтожала личность, мы же старались чувствовать жизнь и себя в ней ни смотря ни на что. Куклы в моем кабинете, конечно, всегда привлекали ее внимание и каждый раз она придумывала игры с ними для «своих детей».

По дороге на прощание с ней, я увидела в переходе старенькую женщину, которая продавала вязанные своими ру-

ками игрушки. Не первый раз ее там встретила. И знаете, не мы с вами решаем, а что-то свыше нам посылается. Я срочно остановилась, купила вязаного кота. На отпевании спросила разрешения у сына: «Можем ли мы Валентине Никифоровне положить в гроб эту куклу?». И он ответил: «Да, Инна Сергеевна, спасибо, конечно». Моя дорогая Валентина Никифоровна осталась не одна. Она ушла из этого мира с тем, что было для нее дорого. Наша любовь и ее любовь к профессии, к детям остались с ней в виде игрушки. Но самое удивительное в том, что нитки, из которых пожилая рукодельница связала кота, были того же цвета, что любимый халат Валентины Никифоровны. Ко мне это осознание пришло позже, когда пересматривала наши фотографии.

Еще одна история, о том, что воспоминания вытаскивают из пропасти болезни, именно воспоминания. Достаточно сказать даже глубоко дементному человеку: «Ваш Тосик», упомянуть близких, и он сразу же возвращается из патологического небытия. Многие, со мной пытаются спорить, говорят о бесполезности работы, обесценивают все попытки. Да, пусть пациент возвращается ко мне на секунду, на минуту, но, дорогие коллеги, ведь мы с вами понимаем, что этот миг может быть последним для него и для нас рядом с ним. Мы с этими переживаниями останемся.

— Одиночество- один, которого носит...

Так говорят мои подопечные. А ведь мы знаем, что можем быть рядом с ними. Конечно, помочь разделить боль, горесть, одиночество самого человека, его близких, ухаживающих, отыскать ресурс для продолжения жизни в болезненной реальности, принять происходящее, подготовиться к неизбежному, успеть что-то изменить, оставить после себя, позаботиться о горюющих, помогает прошлое. Важно, чтобы кто-то был рядом, мог послушать о нем или напомнить.

Андрей Владимирович в хосписе ставил своей задачей сохранение памяти об ушедших, а это способствовало сохра-

нению и улучшению качества взаимоотношений с вновь поступающими больными. В хосписе создали альбомы памяти больных, где помещены фотографии и записаны последние или наиболее значимые их слова. Это была возможность успеть проявиться ценному и истинному, пусть и в самый последний момент жизни человека.

— Н.А. 17.10.1991 г.: «У вас здесь, как в раю».

— Мария Федоровна 16.06.1991 г.: «У меня кроме самой себя и вас никого нет. Побудьте со мною».

— Петр Павлович 09.01.1991 г.: «У вас здесь дышать легче».

— Евгения Илларионовна 11.07.1991 г.: «Я с вами так жила, что никогда не расстанусь».

— Тамара Григорьевна 06.12.1991 г.: «За неделю, проведенную у вас, я отогрелась душой так, как никогда в жизни».

— Валентин Михайлович 30.11.1991 г.: «Не плач жена... вся человеческая жизнь- приготовление к смерти».

— Константин Антипович 22.12.1991 г.: «Помирать у вас лучше, чем дома»

— Нина В. 15.06.1991 г.: «Я все знаю, но здесь хоть можно умереть без боли».

Эти слова: «Я стала видеть чудесные сны, которые заменяют мне жизнь!» превратились в целую сказку «Старая королева», которую Сказочник, Андрей Гнездилов, посвятил своей уходящей в мир иной пациентке.

А я сама с 2011 года помню одну единственную фразу, которая зацепила меня: «Всю жизнь я любила шоколад...»

И, конечно, тема сожалений перед смертью. Они есть у любого человека. Андрея Владимировича я постоянно спрашивала об этом. Он говорил: «Многие сожалеют, но не имеют времени что-то изменить. Часто жалеют, что жили, не думая о Боге, но абсолютно всех волнует вопрос, что дальше?»

А дальше вступает сила веры. «Если у больного есть перспектива будущего, вера поддержит его в том, что оно есть.

Потому что каждый живет в трех ипостасях времени: прошлое, настоящее, будущее. У человека, который признает существование Бога, есть нравственные устои в его сознании существования будущего. Он перейдет в другой мир, где нет смерти. Вера помогает не трагедизировать ситуацию. Да, мы уходим из этого мира, но у нас есть осознание того, что жизнь не кончается. Разлука с любимыми и близкими людьми не вечна. Потому что придет время, когда мы пополним, вернее, пришло время, когда мы пополняем ряды уходящих из этого мира, и это пополнение несет в себе разрешение любви в вечности». Так говорил доктор Баллу.

Сейчас каждый день я являюсь свидетелем стремления людей быть услышанными, понятыми и принятыми. В их желании попросить прощения, простить или проститься, рассказать о любви или ее потере, об утрате самых дорогих людей. Но не всегда человек способен сделать это сам. Тогда наша молитва может стать совместной. И не важно, крещеный человек или нет, верующий или нет. Главное услышать зов, иногда крик души, создать пространство и намерение. Молитва есть у всех. Своя, личная, разная. Молитва -это открытие, признание, разговор, память и много раз любовь.

И снова тысячу раз мы вспоминаем слова Андрея Владимировича о том, как важно помнить о желании пациента умереть в смену своей любимой нянечки.

Готовясь к хосписной конференции, я провела исследование. Опрос проходили люди, потерявшие близких. Они выделяли две категории медиков: выгоревшие и неопытные. И лишь о сотрудниках хосписа говорили как о людях с душой, не роботах, что они «про настоящесть в моменте». Их выделяли в отдельную касту.

Прошу прощения за эти словах у всех специалистов, но я свято верю в то, что профессионалом можно стать только

в паллиативе. Потому что, только столкнувшись с уходом пациента, болью и страхом его близких, несвоевременностью и несправедливостью всего происходящего, одновременно встретившись со своим отношением к смерти, к себе, к Богу и к жизни в целом.

Моя подопечная сказала: «Я истерю, так как выпадаю в ужас». И мы знаем, что именно слова, руки, глаза, эмоции, прикосновения сотрудников хосписа вытаскивают пациента из бездны страха, отчаяния и боли, поддерживают близких и самих коллег. Но уверена, что и нам они помогают увидеть нашу собственную бездну.

У меня был подопечный с тяжелым когнитивным нарушением. Родственники говорили: «Ну, зачем вы ходите? Он же ничего не понимает». И я задумалась. Это был момент моего сомнения и Божье провидение, которое открыло смысл паллиатива в очередной раз. Решила, что приду еще один раз, почувствую себя, приму решение, что делать дальше. И вот представьте себе, я иду по длинному коридору Государственного гериатрического центра. Раскрыты все двери. Подхожу к комнате своего подопечного. Поворачиваюсь, она тоже открыта. Он сидит на кровати, понуро, опустив голову, и молчит. Я стою, замерла. Не знаю, как вам это объяснить, постарайтесь представить. Как в замедленной съемке, он поворачивает в мою сторону голову, смотрит. Сначала это совершенно неподвижная маска на лице. А потом он начинает медленно-медленно улыбаться, и наконец я вижу его улыбку до ушей. Я так растерялась, засмеялась и говорю: «Феликс Васильевич! Ну вы даете!». Это дало мне понимание того, что не могу оставить его, буду с ним до конца. Подарило открытие, которое звучит так- только прикасаясь к боли другого можно ожить самому. Мне самой хоспис спас жизнь.

На 35-летию первого Лахтинского хосписа, 3 октября 2025 года, все было красиво и празднично. Прощаясь, в ко-

ридоре мы увидели медицинскую сестру. Она шла, положив ладонь на ладонь, на ладошках салфеточка, на салфеточке угощение. Улыбнулась, застеснялась и как будто бы оправдываясь, сказала: «Это моему Коленьке угощение. Он только и говорит всем: «Спасибо! Спасибо! Спасибо!». Спасибо сотрудникам хосписа и особенно первого хосписа в Лахте, за то, что они хранят дух хосписной помощи!

Пациент для нас, а не мы для него. Они наши учителя и наставники. Именно они делают нас теми, кто мы есть, открывая и допуская к самому сокровенному. Позволяя нам быть на своем месте и быть нужными. Рядом с немощным, зависимым мы научаемся милосердию, терпению, служению, снова и снова любви.

И последнее. Посмотрите, пожалуйста, фрагмент интервью 27 ноября 2013 года. Я сделала субтитры, потому что Андрей Владимирович очень тихо говорил.

Просмотр фрагмента видеоролика (из личных архивов И. С. Ковалевой).

27 ноября 2013 год. Замок в Ковенском переулке, Санкт-Петербург.

И. С. Ковалева: Это выражение я вспомнила, когда думала о том, как много лет вы посвятили работе в хосписе. «Знания умножают скорбь» или «Многие знания многие горести». За этот огромный период общения с чужой болью, с чужими жизнями и смертями, что вам дали эти знания? Они вам подарили что-то? Показали, открыли может быть?

А. В. Гнездилов: Может, и подарили, и открыли, и отняли много радости. Трудно избавиться от впечатлений, которые ты перенес, отойдя от постели умирающего человека. Ты не можешь сразу перемениться, забыть об этом и смеяться. Ты продолжаешь как бы с ним пребывать в его поле. Конечно, хотя и слабое утешение, но возможность хоть немножко облегчить человеку жизнь, разделить с ним его ситуацию,

ужасную для него, это равносильно тому, что ты, хотя и не умеешь плавать, но бросаешься в воду, видя, что тонет ребенок. Тут не рациональное. Я работаю тут не потому, что что-то получаю или что-то теряю. Просто инстинкт бросает тебя туда. Хотя ты и знаешь, что это не поможет. Не остановит процесс смерти...

Последняя фраза моей подопечной, которую, мне кажется, можно брать в очередной девиз паллиативной помощи: «Давай полечимся друг от друга». Мне кажется, в этом и есть смысл нашей работы.

Пользуясь случаем, обращаемся ко всем: тем, кто присутствует здесь, и тем, кто смотрит нашу трансляцию на Rutube.

Уважаемые коллеги! Спасибо за время вашей жизни, которое вы посвящаете нуждающимся, страждущим, болеющим людям. Спасибо за выбор быть рядом с теми, кому помочь действительно может только вера, забота и любовь. И, конечно, спасибо за память о наших учителях, наших коллегах, наших пациентах и их семьях.

В сказке Андрея Владимировича я прочла эту фразу и хранила ее для нашей сегодняшней встречи. Он написал: «Мертвые не оживают сами по себе. Они воскресают в живых». Хочется ответить голосами тысяч людей. Андрей Владимирович, дорогой учитель! Мы вас слышим и отвечаем: Вы воскресли тысячу раз в сердцах тех, кому улыбнулась удача, подарив радость встречи с вами.

СЕКЦИЯ «ОТКРЫТЫЙ МИКРОФОН»

Высказывания участников конференции на секции «Открытый микрофон» приводим частично ввиду их многочисленности.

Ирина: Мне бы хотелось выразить благодарность организаторам от лица первых сподвижников — персонала первого хосписа, тех, кто находился рядом с Андреем Владимировичем. Все вспомнили те трудные времена, которые, нам казалось, выдержать очень трудно. И Марина Гранина вспомнила, как Андрей Владимирович приезжал к ее отцу, Даниилу Гранину, когда ему было очень тяжело. И Виктор Зорза временами впадал в такое отчаяние. Но бесполезного ничего не бывает. Вот именно этой вдохновенностью Андрея Владимировича поднято такое колоссальное дело, труд, который остается на века.

Надежда: Огромная благодарность за этот невероятный день! Столько душевности, сердечности! Я от души сегодня поплакала со многими докладчиками. И хочу поделиться еще одним волшебным бриллиантом, который подарил мне в свое время Андрей Владимирович.

Я в прошлом врач-реаниматолог и, когда впервые к нему попала, моя дилемма была в том, что всю мою сознательную жизнь, учебу, работу в Донецком травматологическом центре (теперь это республиканский центр) в реанимации, все было заточено под одно: бороться со смертью. Это призвание реаниматолога, если можно так сказать. Были очень сложные ситуации, когда ты видишь какие-то другие моменты. Приходилось хоронить пациентов, а с этим не всегда есть согласие. Для кого-то, ты понимаешь, это лучший выход. А некоторые пациенты — это была часть души всего отделения, всех сотрудников. И вот тогда, возможно, для меня открылась эта истина именно через Андрея Владимировича: «Смерть — это не противоположность жизни, а противопо-

ложность рождению». Она очень важная составляющая самой жизни. Поэтому ее надо принять, подружиться с ней и даже в каких-то случаях полюбить. Я помню эту озадаченность: как так — полюбить смерть, с которой, собственно говоря, всю жизнь учился бороться и воевать? Наверное, какое-то понимание, именно на уровне ощущений, пришло уже во вторую нашу встречу. Мне посчастливилось с Донецкой площадкой Международного Института Экзистенциального Консультирования увидеться с Доктором Балу, и это была незабываемая встреча. В 2025 году была передача на Донецком радио «Учителя в нашей жизни». Я очень многим делилась из опыта встречи с волшебным Доктором Балу. Благодарю всех за сегодняшний день!

Нина: Прекрасно, что такой марафон получился в память Андрея Владимировича! Создается впечатление, что, сколько ни вспоминай его, все время найдется что-то новое, какие-то нюансы, которые, может быть, не очень ценились, когда мы с ним познакомились. Нам тогда было по тридцать лет, а ему пятьдесят. Разница в двадцать лет. Мы над ним и подтрунивали, и ссорились. Это подарок, что мы так хорошо сегодня вспомнили его и нашу профессию. Мне понравилось недавнее выступление в Москве Нюты Федермессер. Она прекрасно сказала: «Главное — не забывать, для чего мы работаем. Не для отчетов». Иногда в этой тяжелой деятельности мы забываем об интересах пациента. Работа начинает формализовываться. Я хочу и, думаю, все мы здесь хотим, чтобы мы не забывали о сути нашей работы. Именно такие конференции позволяют вспомнить, ради чего мы работаем и живем. Спасибо вам большое. Вы прекрасно провели сегодняшнее мероприятие. С радостью будем встречаться еще в эфире.

Любовь: Я хочу поблагодарить всех! Бесконечное благодарение и создателям фильма, и всем, кто технически поддерживал программу. Спасибо ведущему, который не позволил себе никакого перерыва, ни на секунду не отойдя от экрана.

Это, конечно, тоже подвиг, который мы иногда не замечаем. Светлая память Доктору Балу. Я получила ответы на вопросы, которые были у меня с тех времен, когда работала соцработником и когда уходил в мир иной мой муж. Сказки Доктора Балу очень помогали мне в сложной жизненной ситуации. Я просто перечитывала его книги по несколько раз, и меня это подбадривало и давало силы жить в какие-то совсем уже отчаянные моменты. Важные вещи я для себя лишний раз осознала сегодня. Спасибо всем, храни вас Бог.

Нина: То, что вы храните память о таком замечательном человеке, о сказочнике, — это просто героизм. Мы о своих организаторах детских домов, приютов, Воспитательного Дома, приюта «Маленькая мама» этого не сделали. Наша работа в детских домах шла с 1988 года. Создали приют, и перестали дети бегать по улицам, такие бездомные. Учили всех абсолютно. Все специалисты приезжали учиться в Петербург, Казенниково, Ямахово, но мы ничего не сделали. Память о них только в книгах, что написали, то написали. Вот поэтому я просто восхищаюсь вашей самоотдачей. Это так здорово, это просто необходимо, чтобы нам было на кого ровняться. Спасибо большое. Конференция чудесная.

Татьяна: Семнадцать лет назад я училась в АППО, в Санкт-Петербурге. Во время учебы нас косвенно познакомили с Андреем Владимировичем Гнездиловым. Педагоги говорили: «Сходите к нему». О масштабности его наследия я узнала сейчас, во время конференции. Удивительная сегодня была атмосфера. Она даже немножко как трансовая, очень чувственная, определенным голосом, тихим, мягким. Я вспомнила слова Мераба Мамардашвили: «С чего начинается человек? С плача по умершему». Мне кажется, сейчас немножко был такой плач. Плач по человеку, по учителю. Почему надо касаться именно темы утраты, темы смерти? Чтобы не очерстветь, не озлобиться, чтобы уметь чувствовать, различать, отмечать что-то для себя. Вот такой я сделала вывод. Для меня

все доклады были просто открытием. Очень ценным был личный профессиональный опыт каждого. И я очень благодарна рекомендации Елены Паршиной присоединиться, написать вам. Я сейчас нахожусь в городе Тихвине Ленинградской области, городе воинской славы. Здесь мужской Успенский Богородичный монастырь, здесь женский монастырь, здесь икона Тихвинской Божией Матери. Передаю привет всем с этой земли, с Тихвина. Храни вас Господь.

Анна: Спасибо огромное организаторам, за то, что всех нас собрали, за то, что пригласили таких интересных людей. Через Инну Ковалеву я узнала Доктора Балу. Помню, как на наших сессиях ты рассказывала о нем, привозила куклы. Это было лично небезразлично. Именно через тебя он зашел ко мне. Твоя трепетность, твоя проникновенность сказками помогли мне дальше нести это людям, вдохновило меня на создание занятия для студентов по сказкотерапии. Помню, как ночью читала его сказки, не могла остановиться, выбирала, что же я дам студентам, чтобы кто-то еще узнал про Доктора Балу и познакомился с ним. Выбрала одну сказку и закончила занятие именно ею. В кинотеатре я смотрела фильм «Остров» Лунгина. Когда фильм закончился, в зале стояла тишина. Я удивилась: «Что же так? Может быть, никому не понравилось? Как же такой фильм мог не понравиться?» Такая была первая реакция. А после тишины раздались оглушительные аплодисменты. Примерно то же случилось после прочтения сказки. Настолько проникновенно, настолько прочувствовано, что ты видишь: это живет дальше. Как ты проникла в мое сердце, продолжая путь учителя, сейчас я всех приглашаю распространять его опыт, чтобы не забывали. Кто бы знал, что сказки так необходимы взрослым, умудренным опытом, тысячами образований людям. Спасибо большое всем.

Лидия: С удовольствием прослушала замечательные доклады. Я просто счастлив, что попала на эту конференцию и снова соприкоснулась с Андреем Владимировичем.

Я познакомилась с ним в 1982 году, когда пришла на работу в психиатрическую больницу в качестве невропатолога, уже с десятилетним стажем. Неврологи меня отговаривали: «Зачем ты туда пойдешь? Это опасное место. Ты вообще надень каску, а сверху колпак».

Вместе с Андреем Владимировичем мы разбирали сложных пациентов, было очень интересно. Проработав значительное время, я заболела. Оказалось, онкологическое заболевание. Я попала в тридцать первую больницу на Крестовском острове. Мой муж работал здесь. Я плакала, готовилась к переходу в другой мир. Уже договаривались о месте в хосписе. Именно муж привез Андрея Владимировича, который сказал: «Не спеши, не торопись. И вообще у тебя все будет хорошо». Как-то поговорил он со мной, и стало полегче. Потом приехал еще один доктор сказал: «Не надо смотреть что делается с пациентами. Думай про себя сейчас, выполняй то, что тебе положено по лечению. Занимайся тем, что ты любишь, что ты хотела бы еще попробовать в своей жизни». Во второй приезд Андрей Владимирович сказал: «Я написал сказки и хотел посоветоваться. Как вы воспримете их? Может быть, тут чего-то не хватает или что-то надо добавить?» Мне было так интересно. Я с таким увлечением его слушала. Я запомнила сказку «Муравьиный король».

Встал вопрос с инвалидностью, но Андрей Владимирович и друзья предложили попросить врачей продлить лечение без группы инвалидности. У меня была надежда, что дальше пойдет все хорошо. И действительно, какое-то волшебство случилось. Я выписалась, ходила на работу, прервала больничный лист, на котором была год. Дальше моя болезнь остановилась. И я до сих пор живой человек. Моя жизнь после этого переменялась. Я встретила с Александром Владимировичем Копытиным и стала заниматься арт-терапией. Мне хотелось рисовать, когда я еще болела. Андрей Владимирович тогда сказал: «Так начинай рисовать. А чего ждать-то?».

В Дом народного творчества пошла на курс росписи по дереву, иконописи. Когда открылось реабилитационное отделение, заведующая предложила заняться с больными рисованием, росписью. До трех часов я работала невропатологом, а дальше шла рисовать с нашими пациентами в реабилитационном отделении. Я почувствовала, что, оказывается, могу, помогать. Обучалась психиатрии, стала заниматься арт-терапией, библиотерапией. В прошлом году, благодаря замечательным друзьям из Самары вышла моя книга «Клиническая библиотерапия». Я являюсь почетным членом Арт-терапевтической ассоциации Санкт-Петербурга. Писала статьи, занималась с нашими пациентами. В психиатрии проработала почти сорок лет. И, конечно же, я безумно благодарна Андрею Владимировичу за то, что он этот луч надежды зародил во мне. Очень благодарна сегодняшней конференции. Спасибо большое всем.

Михаил: В произведении «Маугли», есть выражение: «Мы с тобой одной крови». Когда я болел, врачи предложили для более быстрой поправки, чтобы сердечку было полегче, железы удалить. Но они боялись ко мне подойти. Боялись, что от волнения мне еще хуже станет. Я сказал: «Если Андрей Владимирович будет рядом со мной, я согласен». И меня отправили на операцию, Андрей Владимирович стоял рядом. Когда операция закончилась, у меня вся грудь, все до колена, все медицинские салфетки, фартуки, были в крови. Когда мне глаза открыли, я посмотрел на Андрея Владимировича, он тоже был весь в крови. Он улыбнулся, сказал: «Маугли, мы с тобой теперь точно одной крови». Вот такой случай был, и я его до сих пор помню. Думаю, многие уже сегодня почувствовали — здесь как раз собрались люди одной крови.

Анна: Я Андрея Владимировича видела только один раз. Семен Борисович Есельсон привез нашу группу в Петербург в 2018 году. Сперва мы были в хосписе, потом в великолепном замке. Уже тогда я говорила, что это лучшее путешествие

в моей жизни. После проведения нашей встречи я написала стихотворение и прочла его Андрею Владимировичу. Хочу сейчас подарить его вам.

Однажды в сквере за Черной речкой
Я домик увидел в лесу небольшой.
В нем жили не люди, а души людей.
Они выходили гулять из дверей,
Бродили по саду, плескались в пруду,
Играли в забавную чехарду
И даже летали, когда их тела
Волшебная дрема с собой позвала.
Там правил волшебник, играл свой каприс,
И Души поспешно спускались вниз.
Они танцевали, а где-то вдали
Гудки издавали с небес корабли.
И звали их гулко, и каждый сберег
С волшебником вместе живой уголек.
Садясь на кораблик, махали платком:
«Прощайте, волшебник! Да здравствует дом!»

Инна: Хоспис — это обволакивание любовью. Нам повезло. У нас был Андрей Владимирович Гнездилов, который окутал любовью нас самих. С ним рядом случались чудеса. Мы приходили к нему израненные, неуверенные, со своими трагедиями. Когда я привозила группы к Андрею Владимировичу в Петербург, у нас была программа: один день в хосписе, один день в Замке. Это было такое счастье, что ты набирал группы с легкой душой и с чистой совестью. Человек подойдет к дому, а ты скажешь: «Обратите, пожалуйста, внимание сколько этажей в доме вы видите?» Люди отвечают: «Пять». «Войдете лифт и нажмете цифру семь». Они: «Как?» А потом входная дверь открывается, и стоит на пороге Гнездилов в каком-нибудь костюме или маске, и никто не понимает, что

происходит. А перед ними известный психотерапевт, живой классик. Открываются двери Замка, и все, ты пропал в самом лучшем смысле этого слова. Пропал в этой сказке, в этом чуде, в этом великолепии.

Мы были нацелены сегодня на встречу с этим прекрасным и создали его вместе. В этом наша сила. Наследие Андрея Владимировича живет. Оно продолжается в хосписе, в пансионатах, в онкологических клиниках, в любых клиниках, потому что подходит каждому возрастному периоду жизни — от рождения и до смерти.

ОТЗЫВЫ СЛУШАТЕЛЕЙ

В адрес организационного комитета конференции пришло большое количество откликов. Размещаем некоторые из них.

Проф. Б.С. Братусь: Благодарю организационный комитет за столь достойное и яркое проведение Гнездиловской конференции!

Р. Сенчук: Спасибо огромное организаторам за активную жизненную позицию! Это счастье, что есть люди, которые искренне делают великое дело, рассказывают о своих учителях, о тех людях, которые создавали онкопсихологию, паллиативную медицинскую помощь в нашей Великой России!

М. Чернышева-Гранина: Спасибо большое за предоставленную возможность посмотреть на таких необыкновенных людей, какими вы все являетесь. С интересом и удивлением слушала вас и восхищалась.

М. Черникова: Благодарю организаторов за ваш труд! Посмотрела конференцию памяти Андрея Владимировича Гнездилова на одном дыхании. Для меня как молодого специалиста в паллиативной помощи, конференция стала очень поддерживающей. Она дает возможность держать фокус внимания на важном и значимом. Для меня это было про душу и духовность. В наше время переизбытка информации, подходов и учений в области паллиативной помощи, мне кажется, мы начинаем терять суть этой помощи. Мероприятия такого характера помогают держать вектор, сохранять правильное направление. Прикоснуться к памяти и работе такого великого человека и его учеников — это дар и благословение. С огромной благодарностью!»

Л. Кривич: Бесконечно благодарю организаторов. Был настоящий праздник осмысленного Бытия в Духе. Это день точно прожит не зря! Чудесный День Духовного Братства неравнодушных людей! Удивительно: многим казалось, будто

люди в зуме давно знакомы, а оказывалось, что это не так. Всех объединяло Светлое отношение к Памяти Доктора Балу и к страждущим людям. В который раз хочется сказать спасибо организаторам, а также всем участникам конференции. Спасибо за все чудесные фильмы!

А. Осипова: Это не конференция, это настоящее ЧУДО! Меня просто переполняют эмоции! Я завтра иду устраиваться на работу психологом, буду развивать проект помощи детям и их семьям в детском онкологическом отделении краевой больницы в Хабаровске. Слушаю и понимаю, что Господь и Андрей Владимирович со мной говорят на этой конференции, направляют (через участников, через людей). Даже описать не могу. Спасибо, что вы это делаете!

Ю. Токарева: Хочу поделиться чувствами от встречи с «Пятым измерением жизни». Я словно попала в добрую сказку, созданную Доктором Балу. В его замке царит редкая сегодня атмосфера — сочетание глубокого уюта и настоящего волшебства. Очень яркая конференция. Ощущение такое, будто душа танцует танец «Вера, Забота, Любовь». Я глубоко впечатлена тем, как личность Доктора Балу транслировалась через каждого участника. Это знакомство оставило неизгладимый след в моем сердце. Огромная благодарность за непередаваемые ощущения сказки и за тепло, которое я уношу с собой!

Н. Переверзева: Примите сердечную благодарность за ваш титанический труд по организации конференции! Откровенно говоря, поражена! Восхищена! От всей души желаю организаторам Божией помощи во всех добрых делах и светлой памяти о настоящем Человеке и профессионале Андрее Владимировиче Гнездилове, Андрюшеньке, как мы его называли!

Н. Кожухова: Невероятная конференция, встреча! Очень благодарна всем!!! Удивительная, сердечная, неформальная встреча, живая и живительная! Очень душевная! О жизни,

любви, о ценностях, о Вечности... Рада что присутствовала, до сих пор внутри все живо, очень трогательно. Спасибо, что целый день я провела в такой удивительной теплой атмосфере, в тоже время очень полезной! Обязательно рекомендую всем, не только психологам, медикам, а всем людям! Спасибо всем, кто участвовал в организации и проведении! Вы молодцы, огромная работа»

Н. Сальникова: «Самоотверженное служение», — так я назову свой отклик. Это высочайшее состояние, это по-русски, душевно, по-человечески. Говорить не хотелось, молчании сильнее. Проживать, да, хотелось, и это получилось. Хранить память! Как вы это сумели!!! Нужно повторять историю возникновения «Хосписа № 1»! Слышала легенду о том, что доктор Гнездилов принял сан священника. Несомненно, Доктор Балугин — святой человек.

В. Кривошей: Я впервые на «Гнездиловских чтениях». Невероятный формат! Приятная, теплая конференция. Хочу выразить огромную благодарность докладчикам и организаторам! Поразила эта душевность, эта теплота и вклад каждого из участников. Столько глубоких тем для размышления! Вы делаете большое дело. Спасибо вам!

Н. Пивоварова: Благодарю вас за возможность подключиться к конференции! Я много работала с самым поздним возрастом и темой смерти и по этой теме преподаю. Очень рада, что у меня был опыт встречи с Доктором Балугиным в его доме, опыт сопровождения многих близких, ушедших от онкологии и свой собственный опыт в этой болезни. Участие в этой встрече дало идеи для работы! Сейчас я еще работаю с бездомными инвалидами, итоги жизни которых неутешительны и многие услышанные сегодня мысли откликнулись! Еще раз благодарю!

Г. Яровая: От всей души благодарю за возможность участвовать в конференции. Сложно подобрать слова, чтобы в полной мере выразить то состояние, которое осталось после

этого интересного, полезного, насыщенного душевной искренностью и ощущением благодати от встречи с Настоящими Людьми, Настоящими Врачами события! Возможность быть сопричастной замечательным специалистам, которые обладают Настоящим Великодушием, просто по-человечески, без пафоса и ложной деловитости. Все такие творческие, каждый со своей чудесенкой, именно такие, о ком говорят: «На вес золота». Низкий поклон за ваши Дела, которые стали Жизнью. Дай Бог вам здоровья, сил и помощи! Такую встречу сложно назвать сухим деловым словом конференция. Эта сердечная открытость свойственна людям большим, но скромным, ярким, неподражаемым, но без апломба и высокомерия. То, что вы делаете, бесценно! Сердечно благодарю и обнимаю.

С. Платонова: Благодарю за возможность услышать, увидеть, побыть в одном пространстве с людьми, кто так близко, рядом, рука об руку, жил, дышал одним воздухом с Андреем Владимировичем Гнездиловым. И ощутить, как не хватает его сейчас. Почувствовать то, что чувствуете вы все, когда с улыбкой и слезами вспоминаете его и себя с ним. Через эти многие очень разные истории, все вы передаете в настоящее его дух, свое представление его чудесного мира, создаете объемный разносторонний образ Андрея Владимировича. Спасибо!

Частично трансляцию услышали моя дочь и супруг. Было удивительно услышать их реакцию, вопросы. Я поняла, что такое прикосновение к миру чудесного измерения полезно каждому. Хочу рассказать, как выбрала на блошином рынке куклу и подарила ее женщине из семейного круга. Вместе мы придумывали ее историю, она трогала ее руки, одежду, волосы и сказала, что она как будто из ее жизни. Кукла «искала» и нашла свое место в небольшой комнате. В сложный момент к супругу этой женщины приехала скорая помощь. Медсестра грубо разговаривала, твердила про протокол, усаживая и пристегивая его в кресло-переноску. Я не решалась сказать

ей ничего, ведь это медики. Но кукла как-то случайно попала на глаза. Я не искала ее. Взгляд на нее дал мне смелость сделать медсестре замечание. Она осеклась и стала говорить тише, мягче. Не могу никак комментировать, но вот так было. С благодарностью, Светлана, дочь Василия».

А. Гасанова: Конференция произвела на меня неоднозначное впечатление. Иногда смотреть становилось тяжело, иногда легче, иногда совсем легко и очень интересно. Но после конференции я прилегла на диван, чтобы немного расслабиться после напряженного времяпрепровождения, и почувствовала необычайную легкость в теле и свет в душе. Просветление. Возможно, это одно из чудес Андрея Владимировича, который мог подобрать ключик к любому человеку. Не перестаю удивляться широте психологического знания. Арт-терапию увидела в новом представлении. Очень необычно. Спасибо вам большое!!!

Н. Минаева: Сердечно благодарю за конференцию! Мы с коллегами смотрели с самого утра. Конечно, в восторге и нарыдались, и получили массу впечатлений. Было очень много уникальных спикеров! Десять часов были столь высокоинформативны, и еще более эмоционально и сердечно активны, что я могла себе позволить отключать камеру и плакать. Как вы держались, просто чудо! Мы участвовали от Души и отмолчаться не смогли. Искренне благодарю за возможность участвовать в таком светлом мероприятии. Всех благ! Процветания!

Т. Черкашина: В память об Андрее Владимировиче Гнездилове прошла конференция. О Докторе Балу, о его пути, служении, совместной работе вспоминали друзья и коллеги.

Б.С. Братусь говорил, что как бы высоко ни проходил полет его мысли, сказочного воображения, он всегда служил нуждам земли, вполне конкретным людям. Каждый день доктор переживал роковой обрыв чьей-то живой трепещущей судьбы. И как можно было оставаться при этом открытым

душой и сердцем ко все новым трагедиям? Каково должно быть основание такого подвига? О наследии, которое оставил доктор, говорили его преданные ученики. Каждый доклад был пронизан одной мыслью, что в жизни есть такие люди, в присутствии которых мир становится другим, они словно преображают этот мир.

В мире множество добрых людей, но не многие могут помогать людям в состоянии боли. Одним из таких людей был Доктор Балу.

«Трудно говорить о страданиях, трудно подобрать слова, но ничего нет бесполезного в работе с тяжелобольными», — говорил А.В. Гнездилов. Лично я не была знакома с Доктором Балу, но во время учебы от преподавателей не раз слышала о нем. Нам рекомендовали познакомиться с ним и посетить его волшебную квартиру на углу пл. Восстания. Но, как часто бывает, что-то пошло не так. По итогам конференции и моих впечатлений хочется сказать, что дружеская рука Андрея Владимировича, его улыбка, взгляд, внимание живут в душах тех, кому посчастливилось его знать. Говорить о человеческой боли, смерти нужно, чтобы не очерстветь, не озлобиться, не возгордиться. Чтобы оставаться человеком. Здесь просится цитата из притчи С.С. Митусова «Петрушина гора»: «Кто ж мнит, что он уж на вершине, тот не на ту гору попал».

М. Гаранина: Благодарю за организацию, проведение и возможность участия в конференции. Теплая атмосфера, сказочно интересные доклады и живое присутствие участников. Спасибо за удивительный день и искренний разговор! Для меня и для нашего сообщества важно поддерживать взаимодействие. Мы с удовольствием примем участие на будущий год.

В. Потягова: Благодарю за интересную и очень актуальную конференцию. Вопросы и темы, поднятые на встрече, очень важны. Мне хочется отдельно отметить ту атмосферу встречи. Несмотря на непростые вопросы паллиативной по-

мощи и психотерапии в онкологии, в пространстве конференции было комфортно. Атмосфера и сами люди, ее создающие, вдохновляют. Начинаешь более осознанного и глубоко задумываться о смысле жизни, о ее завершении, о возможности помочь людям именно в эти минуты бытия.

Каждому человеку нужен человек, с его теплом, участием и человечностью. И не менее важно говорить об этом, что и было осуществлено на конференции.

Т. Кривоносова: Пишу вам из города Владивосток. По образованию я педагог-психолог, клинический психолог. Благодарна за конференцию, которую провели на одном дыхании. Восхищена организаторами и их учителем. Рядом с такими людьми проявляются все самые положительные качества в человеке. Желаю вам успеха, творческого процветания.

Виктория: Очень благодарна организаторам за работу. Видео бесценные. У меня было серьезное отчаянье: я не вижу пользы от современной психологии. Вред — да. Вернее, от современных психологов. После конференции второе дыхание появилось. Я верю этому человеку. Хочу изучить его работу. Горячие душой люди, с большой душой, даже после смерти могут дальше нести свой свет. Душа же живая. Вы мне надежду подарили бесценную.

ХОСПИС № 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Санкт-Петербургское Государственное учреждение здравоохранения «Хоспис № 1», первый хоспис в России, открыт 1 октября 1990 года. Открытию предшествовала огромная подготовительная работа, проделанная Виктором Зорзой — английским журналистом и врачом-психотерапевтом Андреем Владимировичем Гнездиловым, ставшими родоначальниками Российского хосписного движения.

Виктор Зорза приехал в Россию с целью открыть хосписы по завещанию своей дочери, умершей от рака в хосписе в Великобритании. В Санкт-Петербурге Виктор встретился с психотерапевтом Андреем Владимировичем Гнездиловым, который много лет работал с онкологическими больными и хорошо знал, как нужна паллиативная помощь инкурабельным больным. На призыв Зорза откликнулся мэр Санкт-Петербурга Анатолий Александрович Собчак и начальник отдела здравоохранения Приморского района Боричева Людмила Михайловна. Они за короткое время смогли привлечь для реализации этого благого проекта огромное множество специалистов: городскую и районную администрацию, общественность, церковь, британских преподавателей в области паллиативной медицины, врачей и медицинских сестер, готовых заняться проблемой обезболивания в онкологии.

Виктор Зорза силами коллег из Великобритании организовал обучающие курсы по паллиативной онкологии для врачей и медицинских сестер и сам лично принимал участие в подборе персонала. В дальнейшем с помощью Санкт-Петербургского отделения компании? «Healthcare Trust» были организованы общероссийские курсы в 1995 году для врачей и в 2004 году для преподавателей по паллиативной меди-

цине. Английские врачи и медицинские сестры регулярно приезжали в хоспис и делились своим опытом и знаниями. Большой вклад в подготовку персонала внесли Майкл Сигс, Сью Бевен, Роберт Твайкрост, Дэвид Фремpton, Терри Магги, Эндрю Хой.

Первым зданием для хосписа стала бывшая городская больница № 11, где располагалось отделение по уходу на 60 коек. Здание было деревянное, построенное в 1903 году, без центральной канализации и с перебоями в горячем водоснабжении. В этом здании хоспис прожил 20 лет.

Первым главным врачом хосписа была Гермонченко Татьяна Ильинична, с 1990 по 1994 год. С 1994 по 2004 год хоспис возглавляла Москаленко Галина Александровна.

Надо отдать должное персоналу хосписа, особенно медицинским сестрам, средним и младшим, которые в очень сложных условиях работали так, что многие больные со всего города, несмотря на плохие бытовые условия, стремились попасть именно в первый хоспис.

В 2009 году в Администрации города было принято решение о строительстве нового здания для хосписа, и в 2010 году оно было построено, с просторными, светлыми 2–3-х местными палатами с санузлом и балконом, зимним садом, больничным храмом, лабораторией, прачечной, современным пищеблоком, внутренним двориком. Большой вклад в открытие хосписа внесли Администрация Приморского района в лице Людмилы Михайловны Борицовой и начальник отдела здравоохранения администрации Приморского района Ярослав Тимофеевич Мурга.

Хоспис — это учреждение здравоохранения, предназначенное для оказания паллиативной помощи онкологическим больным в последней, терминальной стадии заболевания, предусматривающее все аспекты заботы о пациентах — медицинские, социальные, психологические и духовные. Цель паллиативной помощи состоит в создании для больного ак-

тивной и полноценной жизни, насколько это для него возможно, до самого конца. Весь период болезни и в последние минуты жизни больной не остается в одиночестве, а семье предоставляется система поддержки во время болезни пациента и в период утраты.

Хоспис — медико-социальное учреждение абсолютно нового типа. В основе идеологии хосписа — забота о личности пациента до самой последней минуты его жизни, открытость мировому опыту, научная тщательность психологических, медицинских, социальных разработок. Хоспис — это дом для пациентов, их близких и всего персонала; это дом, где помогают в горе, где нет безразличных и весь персонал, как единое целое, делает каждый свое дело и не остается равнодушным к каждому, кто нуждается в помощи.

В полном объеме паллиативную помощь может обеспечить только мультипрофессиональная группа людей, работающая одной командой, в которую входят врачи, медицинские сестры, младшие медицинские сестры по уходу, социальные работники, психологи, волонтеры, священники, другие сотрудники хосписа, родные и близкие больного. Пациент рассматривается как член команды. Девиз хосписа: «Если невозможно прибавить дней к жизни, прибавьте жизни к дням».

Люди, работающие в хосписе, обладают такими качествами, как доброта и милосердие, терпение и христианская любовь. Без этих душевных качеств работать в хосписе невозможно.

Помимо стационара в хосписе эффективно работает выездная служба, обслуживающая онкологических больных 4-й стадии Приморского района на дому.

К больному приезжают врач, медицинские сестры, психолог, оказывающие консультативную медицинскую помощь и психологическую поддержку больным и их родственникам, и социальные работники для помощи в решении социально-бытовых проблем.

В хосписе с 1994 года несет свое служение православное Сестричество во имя св. прмц Великой княгини Елисаветы Федоровны Романовой. Большая часть сестер Сестричества являются сотрудниками хосписа и в рабочее время выполняют свои профессиональные обязанности, а в выходные и праздничные дни сестры Сестричества вместе с персоналом и волонтерами ухаживают за пациентами стационара, проводят гигиенические процедуры, помогают вывозить больных на прогулку, читают и беседуют с ними, помогают поддерживать родных и близких пациентов. Также сестры оказывают социально-бытовой уход на дому, что в отдельных случаях позволяет одиноким больным людям находиться продолжительное время дома, а не в стационаре.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	3
Посвящение	
Любовь Юрьевна Кривич «Памяти Доктора Балугу.....	5
Открытие конференции	
Ковалева Инна Сергеевна.....	7

Приветственные слова участников конференции

Макаров Виктор Викторович	
Ткачева Ольга Николаевна	
Невзорова Диана Владимировна	
Губанова Анна Сергеевна.....	
Гольдман Ольга Эмильевна.....	

Доклады участников конференции

<i>Сенчук Руслана Богдановна</i>	
Гнездилов. Научное наследие	32
<i>Чернышева-Гранина Марина Данииловна</i>	
Первый хоспис в Петербурге. История создания	37
<i>Леоненкова Станислава Анатольевна</i>	
Любовь сильнее.....	42
<i>Романенко Ирина Геннадиевна</i>	
О чем говорил Андрей Владимирович Гнездилов?	45
<i>Веревкина Ирина Михайловна</i>	
Врач. Философ. Педагог	51

<i>Никольский Евгений Владимирович</i>	
Послание потомкам.....	54
<i>Православное Сестричество во имя Святой преподобномученицы Елисаветы при хосписе № 1</i>	
Елисаветинское сестричество- обитель веры, любви, милосердия	57
<i>Доктор Элизабет Холл</i>	
Воспоминания о зарождении хосписного движения в Санкт-Петербурге.....	59
<i>Майкл Сиггс</i>	
Об Андрее Гнездилове и хосписе в Лахте	62
<i>Кристофер Воландер</i>	
Музыкальное приветствие	68
<i>Щеголев Николай Альфредович</i>	
Документальный фильм «Доктор Балун».....	69
<i>Милютин Юлиа Валерьевна</i>	
Давайте вместе быть рядом.....	72
<i>Гаранина Мария Михайловна</i>	
Забота о душе: возможности логотерапии в хосписе	80
<i>Яровая Галина Алексеевна</i>	
Практическая польза куклотерапии	87
<i>Мельников Владимир Леонидович</i>	
Экзистенциальный характер дружбы Л.С. Митусовой и А.В. Гнездилова, оставшейся мне по наследству.....	92
<i>Фролков Виталий Витальевич</i>	
Профессор А.В. Гнездилов. История знакомства и след в профессиональной жизни.....	103
<i>Левина Татьяна Александровна</i>	
Мои встречи с Андреем Владимировичем Гнездиловым ...	111

<i>Зоткина Елена Александровна</i>	
Бал неСЛУЧИВШИХСЯ встреч	117
<i>Есельсон Семен Борисович</i>	
Экзистенциальные путешествия МИЭК «Болезни и смерти наших близких»	127
<i>Степанов Михаил Петрович</i>	
Как Андрей Гнездилов стал Доктором Балы	136
<i>Даур Арина Юрьевна</i>	
Документальный фильм «Сказочные миры»	142
<i>Ковалева Инна Сергеевна</i>	
Там, где ничего бесполезного нет...	
Заключительное слово	145
 Секция «Открытый микрофон»	 158
Отзывы слушателей	166
Приложение. Хоспис № 1. Историческая справка	173

**С записью конференции можно ознакомиться
по ссылкам:**

RUTUB: <https://rutube.ru/video/58dc0ac827c366d9fc1ac4d504c8fa3c/>
«Психологическая газета»: <https://psy.su/>

Автор-составитель Ковалёва И.С.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**Международной Научно-практической конференции
«II Гнездиловские чтения»
Продолжая дело А.В. Гнездилова, основоположника паллиативной
помощи и психотерапии в онкологии
в Советском Союзе и на постсоветском пространстве**

1 марта 2026 года

ISBN 978-5-00289-285-3

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 03.09.2026.

Объем 11,5 Мбайт. Электрон. текстовые данные. Заказ 856.

ISBN 978-5-00289-285-3

9785002892853